

Алексей Гривач
Константин Симонов

**ВЕЛИКАЯ
ГАЗОВАЯ
ИГРА**

ПОЛВЕКА БОРЬБЫ США
ПРОТИВ ЕВРОПЫ

Алексей Гривач,
Константин Симонов

ВЕЛИКАЯ ГАЗОВАЯ ИГРА

Полвека борьбы США против Европы

Москва
2019

УДК 339.98

ББК 65.5

Г82

Гривач А.И., Симонов К.В.

Г82 Великая газовая игра: полвека борьбы США против Европы / Гривач Алексей, Симонов Константин — М.: Издательская группа «Точка», 2019. — 304 с.

ISBN 978-5-6041396-7-7

Происходящее сегодня, после введения американских санкций, с проектами газопроводов в Европу удивительно напоминает события 30–40–50-летней давности. В книге представлены размышления авторов о развитии газового бизнеса и о сотрудничестве СССР (а позже — России) и Европы в этой области за последние 50 лет. Повествование основано на фактических материалах, найденных в различных (в том числе архивных) источниках и сведениях, полученных в беседах с ветеранами газовой отрасли. Основное внимание авторы уделяют строительству газопровода Уренгой–Помары–Ужгород: процессам принятия решений в СССР и в Европе, проектированию и закупкам оборудования в условиях мощного политического и санкционного давления со стороны США. Книга посвящена людям, сумевшим в сложнейших условиях холодной войны, глубинных различий в менталитете и идеологии заключить большую газовую сделку, которая стала прочным и надежным мостом между Россией и Европой.

УДК 339.98

ББК 65.5

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, электронными или механическими средствами (включая фотокопирование, запись, хранение и извлечение информации) без разрешения правообладателя.

© Гривач А.И., Симонов К.В. — текст, 2019

© Издательская группа «Точка» —

макет обложки, дизайн и верстка, 2019

ISBN 978-5-6041396-7-7

Содержание

Введение	7
I глава. Первые шаги советского газа в Европе	15
II глава. Проект века — от Уренгоя до Эльзаса	43
Иранский контракт и его падение под напором исламской революции	45
Иранский газопровод — 2	52
Компрессорный бум	60
Газ помимо нефти. Переговоры 1978–1981 годов	68
Советский газопровод Made in FRG. Рассказ Юрия Зайцева	78
Контракты на закупку уренгойского газа.	86
«Куриные хвостики» оказались «крепкими орешками».	
Торговая война между странами НАТО	89
«Проект века» и его всесоюзная стройка	105
III глава. Роль США в газовом треугольнике. Санкционный террор.	115
1970-е годы: бизнес сильнее политиков	119
Начало 1980-х: политики берут реванш. Война с газопроводами	130
Троянский конь для Польши. Кредитное оружие Запада	132
США против «проекта века»	136
Временная победа здравого смысла: отмена рейгановских санкций	150

IV глава. Потоки газа из России. История повторяется в виде фарса	155
Энергетическая сверхдержава.	157
Проект «Украина — не Россия».	169
От Северо-Европейского газопровода — к «Северному потоку»	185
Южно-Европейское газовое кольцо против «Набукко»	189
Политическое «убийство» Берлускони	199
Эволюция Эрдогана. Как «Турецкий поток» возродил «Северный поток — 2».	203
США против «Северного потока — 2». От «любви к искусству» до продвижения американского СПГ	211
Вашингтон бьет антироссийскими санкциями по Европе	222

Заключение	237
-----------------------------	------------

Приложения	241
Приложение 1. Запись отчета В.М. Фалина	242
Приложение 2. Запись беседы Н.Г. Осипова.	245
Приложение 3. National Security Council Meeting (фрагмент)	249
Приложение 4. Dresser (France) S.A.; Order Modifying Temporary Denial of Export Privileges (фрагмент).	252
Приложение 5. Sale of Large Diameter Pipe to Soviet Bloc Countries (NATO Press Release).	253
Приложение 6. Prospects for Soviet Oil Production and The International Energy Situation: Outlook to 1985, CIA, April, 1977: Summary (фрагмент)	254
Приложение 7. Commodity Control List and Related Matters (фрагмент).	255
Приложение 8. Special Commodity Policies and Provisions (фрагмент).	256
Приложение 9. Controls on Exports of Petroleum Transmission and Refining Equipment to the U.S.S.R. (фрагмент).	257
Приложение 10. National Security Decision Directive Number 24	258
Приложение 11. National Security Decision Directive Number 41.	259
Приложение 12. Amendment of Oil and Gas Controls to the U.S.S.R. (фрагмент)	260
Приложение 13. Comments of the European Community on the amendments of 22 June 1982 to the U.S. Export Administration Regulations (фрагмент).	261
Приложение 14. A Bill to End Sanctions (Congressional Record – House)	268
Приложение 15. Soviet Slave Labor Helps Build Pipeline (фрагмент)	269
Приложение 16. House Vote N° 707, 1982-09-29, to H.R 6838 (фрагмент)	270
Приложение 17. Annex to The Soviet Gas Pipeline in Perspective	271

Приложение 18. NSDD N° 66 of Reagan Administration	272
Приложение 19. President's Radio Address on East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions	274
Приложение 20. 47 Federal Register, N° 223, 51858 (фрагмент)	276
Приложение 21. 52 Federal Register, N° 14, 2500 (фрагмент)	277
Приложение 22. 51 Federal Register, N° 199, 36702 (фрагмент)	278
Приложение 23. Public Law 115–44–Aug. 2, 2017 (фрагмент)	279
Об авторах	285
Гривач Алексей Игоревич	286
Симонов Константин Васильевич	287
Фотоархив	289

Введение >

2018 год стал для газового бизнеса особенным. Именно в этом году исполнилось 50 лет сотрудничеству России и Европы в газовой области. Теперь оно воспринимается как нечто само собой разумеющееся, но тогда, полвека назад, это был грандиозный по сложности и новаторству проект.

В 1968 году был подписан первый договор на поставку газа в страну Западной Европы — Австрию. Идеологический противник решил покупать у СССР газ, причем взял на себя обязательства на годы и даже десятилетия вперед, заключив долгосрочные контракты и выделив финансирование на создание новой инфраструктуры. А Советский Союз начал строить газопроводы в сторону капиталистического мира, в рекордные сроки реализуя самые сложные технические решения и покупая у капиталистов оборудование и технику.

За первым контрактом последовали другие, сделавшие Советский Союз, а потом и Россию ключевым поставщиком газа в страны Западной Европы. Особенно важным стало строительство газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», до сих пор остающегося одним из основных маршрутов доставки российского газа европейским потребителям.

Конечно, принятие этих решений далось непросто. Политические разногласия были колоссальными, а давление на европейский бизнес и политиков со стороны Соединенных Штатов, призывавших европейских союзников не вступать в столь серьезные экономические отношения с СССР, — беспрецедентным.

Фразу о том, что история повторяется дважды, можно было бы считать банальностью, если бы она не была правдой. Происходящее сегодня — американские санкции и вообще весь шум, поднятый вокруг новых проектов трубопроводов — удивительно напоминает события 30–40–50-летней давности. США и тогда так же решительно выступали против строительства газопроводов из СССР в Европу, накладывали санкции на Советский Союз и его партнеров, жестко прессинговали европейских политиков, заинтересованных в газовой кооперации с Советами. Да и сама Европа под таким давлением не выглядела единой. Другими словами, сегодняшняя история с «Северным потоком — 2» есть не что иное, как повторение пройденного при строительстве трубопровода «Уренгой–Помары–Ужгород». Снова санкции, снова политическая дискредитация России, попытки политизировать экономический проект и стремление сорвать его реализацию любой ценой.

Последние новости так похожи на события конца 70-х — начала 80-х годов прошлого века, что мы решили напомнить о них широкой публике в надежде, что исторический опыт поможет нам и европейцам разобраться в происходящем сегодня и не совершить в конечном счете обидных глупостей.

Сразу оговоримся: мы не ставили перед собой задачу написать полную историю газовых отношений СССР (и впоследствии России) с Западной Европой. Нашей целью было понять, почему все же состоялся проект «Уренгой–Помары–Ужгород». Как политикам прошлого удалось прорваться сквозь многочисленные сложности и устоять под напором могущественных противников, не желавших укрепления связей между Россией и Европой?

Сходство историй этих двух проектов поражает. Тогда СССР и Европа находились по разную сторону баррикад по идеологическим соображениям. Теперь нет прямого противостояния идеологий, но хватает различий в принципиальных политических вопросах и подходах к проблемам современного мироустройства. И тогда, и теперь роль главного противника сотрудничества России и Европы открыто играли и играют Соединенные Штаты, и снова, как прежде, это ведет к расколу внутри европейских элит. В 1980-е годы это не помешало европейцам принять экономически обоснованные решения и отстоять свои стратегические интересы. Сегодня вопрос остается открытым, хотя страны ЕС, ориентированные на экономический рост и сохранение конкурентоспособности своей промышленности, пытаются противостоять давлению из-за океана.

Разумеется, в историях проектов «Уренгой–Помары–Ужгород» и «Северный поток — 2» хватает и различий. 30–40 лет назад сибирский природный газ был европейцам, можно сказать, в диковинку. Сегодня поставки голубого топлива из России играют важную роль в обеспечении энергетической безопасности континента: в экстремальные холода у европейцев есть прекрасная возможность убедиться в том, что именно поставки с Востока позволяют им не замерзнуть. Газ превратился в важнейшее сырье для энергетического обеспечения европейской промышленности, теплоснабжения и даже транспорта, к тому же гораздо более чистое, чем уголь или нефть. Тогда покупатели советского газа оказались солидарны в оценке ситуации, хотя внутренняя оппозиция, ориентированная на мнение Вашингтона, существовала в европейских странах и во времена холодной войны. Сегодня в Евросоюзе есть группа государств, продвигающих антироссийские идеи даже вопреки собственным экономическим интересам и интересам ЕС в целом.

Сегодняшняя Россия — совсем не СССР. Но главное — изменился мировой контекст. На Востоке поднялась мощнейшая экономическая держава — Китай, ставший крупнейшим потребителем энергоресурсов. Ему, как когда-то Западной Европе, необходимо уйти от доминирования угля в энергобалансе, и в этом процессе российский газ вновь будет играть важную роль. А если учесть, что и в целом центр мирового экономического роста сместился с Запада на Восток, то угроза потери конкурентоспособности из-за принятия политически мотивированных решений в сфере энергетики становится для Европы даже более явной, чем в середине 1980-х годов.

Возвращаясь к задачам книги, еще раз отметим: нашей целью было разобраться в механике подготовки решений как в Европе, так и в Советском Союзе. Понять, почему политики того времени не побоялись пойти на столь неординарный шаг — начать покупать газ у идеологического противника и сделать ставку на СССР в вопросе газового обеспечения Европы. Мы встретились с очевидцами, изучили архивные документы, в том числе рассекреченные, а также материалы советской, американской и европейской прессы того времени. И готовы предложить читателю комплексный взгляд на совокупность происходивших тогда событий.

Основное внимание в нашей работе уделено газопроводу «Уренгой–Помары–Ужгород». Не самому строительству, а именно механизмам принятия решений, проектированию и закупкам оборудования, которые происходили в Западной Европе в рамках открытого тендера, объявленного Советским Союзом. Тому, как разворачивалась политическая и санкционная борьба США с проектом и как совместное с европейцами стремление СССР их обойти завершилось в итоге крахом политики эмбарго.

По горькой иронии судьбы этот газопровод скоро сам станет историей. После распада Советского Союза часть системы «Уренгой–Помары–Ужгород», как и другие советские газовые магистрали, оказалась в собственности Украины, а транзит газа, предназначенного европейским клиентам, стал для Киева мощным рычагом давления на Россию и Европу. В 1991 году свыше 95% экспортных европейских поставок шло через украинскую территорию. Постсоветская история взаимоотношений в газовой сфере между бывшими советскими республиками изобиловала теневыми схемами, скандалами, несанкционированным отбором газа и транзитными войнами с тяжелыми последствиями для сотрудничества России и Европы. И все эти годы состоянию

украинских магистралей не уделялось должного внимания — работают, и слава Богу. Транзитные платежи в объеме нескольких миллиардов долларов ежегодно растворялись в украинской действительности — никаких инвестиций в реконструкцию и модернизацию газотранспортной системы (ГТС) не делалось. Попытки Москвы и Берлина сформировать для управления системой консорциум, который гарантировал бы надежность транзита, эффективный менеджмент и привлечение необходимых вложений, отвергались властями Украины.

Тем временем основные транспортные артерии, построенные в советские времена, неумолимо приближались к финалу физического существования. К 1 января 2020 года, когда закончится действие транзитного контракта между «Газпромом» и «Нафтогазом Украины», газопроводу «Уренгой–Помары–Ужгород» исполнится 36 лет, другим магистральям — от 33 до 45, что означает превышение допустимых сроков эксплуатации. Понимая это, «Газпром» и его европейские партнеры уже более десяти лет назад приняли решение инвестировать в строительство новых, более современных и политически стабильных маршрутов доставки газа в Европу. Сначала «Северного потока» и «Южного потока» (ныне «Турецкого потока»), а следом и «Северного потока — 2».

Но стабильность и безопасность поставок российского газа в Европу в течение ближайших 30–40 лет никак не вяжутся с политикой Вашингтона, вот уже полвека считающего наше газовое сотрудничество угрозой своим национальным интересам и позициям в глобальной конкуренции за умы и ресурсы. Поэтому США, намереваясь сорвать строительство «Северного потока — 2», защищают рискованный для России и Европы украинский транзит по тому самому газопроводу, на строительство которого накладывали санкции почти четыре десятка лет назад.

Тогда политика кнута, а точнее, «санкционной дубины», провалилась. Есть у нее все шансы потерпеть поражение и теперь — если Россия и ее европейские партнеры возьмут на вооружение мудрость и прозорливость политиков и бизнесменов прошлого, сумевших в сложнейших условиях холодной войны, в атмосфере недоверия, глубинных различий в менталитете и идеологии найти общий язык. Тех, кто, выдержав многие месяцы высочайшего психологического напряжения, порою ценой собственного здоровья и даже жизни заключил большую газовую сделку, ставшую прочным и надежным мостом между Россией и Европой.

Этим людям мы и посвящаем нашу книгу.

Выражаем огромную благодарность всем, кто помогал нам в подготовке материалов для нее: Татьяне Бандловой, Владимиру Волокитину, Никите Ермакову, Сергею Йоффе, Валентину Кипоренко, Игорю Мачильскому, Андреа Райс, Армену Тадевосяну, Эрнесто Ферленги, Артуру Шахдинарову.

Отдельно хотелось бы отметить Буркхардта Бергмана, Юрия Зайцева, Геннадия Ильина, Херманна Ланга, Аксея Лебана, Рейнхарда Митчека, Отто Мусилека, Сергея Сердюкова, Геннадия Шмаля. Цитаты из наших интервью с ними вы найдете в книге.

| ГЛАВА

Первые
шаги
советского
газа
в Европе >

В Европе всегда существовали бизнесмены и политики, понимавшие значимость восточного соседа для развития экономики континента. Торговля с Россией позволяла европейцам получать конкурентные преимущества, крайне важные для развития не только их компаний, но и государств в целом. И сырьевые ресурсы, в том числе энергетические, были серьезной частью этого экспортно-импортного товарооборота.

Первые контракты на поставку природного газа из СССР в западноевропейские страны стали логическим продолжением сотрудничества советских властей с европейскими деловыми кругами в первой половине XX века. Экономические контакты с Советами были восстановлены сразу же после революции 1917 года: формула «торговать лучше, чем воевать» уже тогда стала очевидной для многих европейцев. Эту простую мысль, кстати, уместно держать в голове и сегодня.

Прагматичность и выгода отношений между Россией и Европой имели под собой очевидную основу: первой нужны были деньги, второй — ресурсы и рынок сбыта своей продукции. Поэтому уже в 1920-е годы стороны начали активно устанавливать экономические связи, и продукция нефтегазового комплекса сразу стала весомой частью торговых контактов и контрактов.

Пионером в этом процессе выступила Италия, а вскоре к нему подключилась и проигравшая Первую мировую войну Германия — обе остро нуждались в поставках сырья. Хронология и темпы развития экономических связей говорят сами за себя.

26 декабря 1921 года между РСФСР и Италией был заключен первый торговый договор, во исполнение которого в 1922 году начались регулярные поставки советских нефтепродуктов — к началу 1930-х годов они закрывали уже более трети потребностей итальянского рынка. Кроме того, Советы поставляли итальянцам каменный уголь, антрацит, лесоматериалы, изделия из шелка, зерновые культуры и марганцевую руду.

9 октября 1922 года представители правительства РСФСР подписали в Берлине комплексное соглашение с консорциумом немецких компаний,

представителем которых был *Отто Вольф*¹. Первый договор предусматривал и регламентировал создание совместного предприятия — Русско-германского торгового акционерного общества (АО «Русгерторг»), определял порядок распределения прибыли и решения спорных вопросов. Второй конкретизировал порядок работы «Русгерторга» в рамках торговых контрактов; в нем оговаривались вопросы закупки, экспорта и импорта товаров, а также согласовывались ценовые параметры торговли. Третий договор касался конкретных условий кредитования и торговли.

Консорциум немецких компаний предоставлял советскому правительству товарный кредит в размере до 500 тыс. фунтов стерлингов на закупку предметов производства консорциума сроком на один год под 10% годовых. «Русгерторг» получал кредит до 750 тыс. фунтов стерлингов на тех же условиях, причем предусматривалась возможность дальнейшего предоставления кредитов. Интересно, что Ленин во внутрипартийной дискуссии с Каменевым лично отстаивал проект договора советского руководства с консорциумом, который представлял Вольф.

В рамках «Русгерторга» и других форматов Германия поставляла в РСФСР различное оборудование и продукцию металлургии — в частности, 10-дюймовые трубы для нефтепроводов «Баку–Батуми» и «Грозный–Туапсе»². Это были первые трубы, купленные Россией на Западе для нефтегазовой промышленности. Спустя много лет при строительстве газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород» была использована та же модель — трубы для него приобретались в Германии.

7 февраля 1924 года заключен советско-итальянский договор о торговле и мореплавании. Его первая статья содержала формулировки взаимного признания и установления дипломатических и консульских отношений. Так экономические контакты помогали развитию политических взаимоотношений.

¹ Вольф (Wolff), Отто — один из крупнейших немецких промышленников. Еще до Первой мировой войны был совладельцем концерна с капиталом более 3 млн марок. Во время войны разбогател на крупных военных поставках. После крушения империи добился преимуществ в получении вывозных лицензий. Завязал связи с заграничными импортерами, приобрел большое влияние в германской тяжелой индустрии. Владел акциями горно-металлургических, сталелитейных, машиностроительных концернов и других предприятий, финансировал крупные газеты центристов и левых: «Кельнише Фольксцейтунг», «Кельнишес Тагесblatt» и «Ди Цейт».

² Sutton A. C. *Western Technology and Soviet Economic Development. 1917 to 1930.* — Stanford, 1968.

12 октября 1925 года было подписано германо-советское торговое соглашение, послужившее основой для согласования новых торговых договоров и выдачи кредитов на закупку товаров. В том же году начал действовать Кредитный консорциум «Россия» (Kreditkonsortium Russland), куда вошли 27 немецких банков. В рамках этой организации действовал также Трубный консорциум (Röhrenkonsortium): шесть входивших в него банков финансировали металлургические заводы Вольфа, выпускавшие трубы — в том числе для поставки в СССР.

Немецким коммерсантам внушала опасения существовавшая в СССР торговая монополия. Они полагали, что советские власти станут диктовать им условия экономических взаимодействий. Поэтому в 1925 году была создана Восточная экспортная ассоциация, куда вошли 45 крупных корпораций Германии, а 16 июля 1926 года — Восточная компания для финансирования промышленности. Первая предоставляла краткосрочные и среднесрочные экспортные кредиты, вторая — долгосрочные.

2 августа 1930 года СССР заключил с Италией новое соглашение, согласно которому советское руководство обязалось разместить на итальянских предприятиях заказы на сумму 200 млн лир, а в 1931 году еще одно — о кредите на сумму 350 млн лир.

19 августа 1939 года, за считанные дни до начала Второй мировой войны, между СССР и Германией был подписан новый торговый договор, согласно которому Берлин предоставлял Москве товарный кредит на сумму 200 млн рейхсмарок под 5% годовых. Финансирование осуществлялось немецким Golddiskontbank под стопроцентные гарантии немецкого правительства. СССР обязался использовать этот кредит для закупки немецких товаров, в том числе вооружения. Заем погашался поставками сырья, полное погашение планировалось на 1946 год. В рамках выполнения договора 11 февраля 1940 года в Москве было подписано хозяйственное соглашение, предусматривавшее поставку в Германию 900 тыс. тонн нефти на сумму около 115 млн рейхсмарок.

Уже в те довоенные годы работала формула экономического взаимодействия, не утратившая актуальности и сегодня. Советский Союз брал у Европы кредиты, продукцию машиностроения и технологии, необходимые для разработки природных ресурсов, развития инфраструктуры и индустриализации,

а Европа у СССР — сырьевые товары. Налицо разделение труда, в котором есть логика и разумный подход к развитию долгосрочного сотрудничества — особенно если использовать полученные средства и технические решения (сейчас это модно называть «инновациями») для ускоренной модернизации собственного производства.

В послевоенный период отношения СССР со многими западными странами и компаниями пришлось фактически начинать заново. Советское руководство было готово к таким контактам — нашей стране остро требовались валютные поступления и современное оборудование. Важную роль в развитии этого процесса, как и в первые годы существования Советской России, сыграла Италия, где после падения режима Муссолини к власти пришли социалисты — это в немалой степени способствовало возобновлению экономических отношений с СССР, хотя дипломатические отношения были восстановлены еще в 1944 году. Особое место в налаживании торговых связей принадлежит Энрико Маттеи, назначенному в 1945 году руководителем государственной нефтяной компании AGIP, трансформировавшейся позже в концерн Eni.

Маттеи взял четкий курс на выстраивание экономических отношений с СССР. Eni нужна была нефть для переработки. Русские запросили в обмен на сырье поставку оборудования и промышленных товаров. В 1958 году концерн заключил первый контракт на поставку советской нефти, предусматривавший импорт 80 тыс. тонн на сумму 360 тыс. долларов. СССР в ответ получал в том же году 5 тыс. тонн синтетического каучука стоимостью более 1 млн долларов.

12 октября 1960 года Eni и Всесоюзное объединение «Союзнефтеэкспорт» подписали новый договор — о поставках в Италию 12 млн тонн нефти из при-волжских месторождений. Часть оплаты обеспечивалась поставкой в СССР 240 тыс. тонн стальных труб большого диаметра и некоторых видов оборудования для нефтепроводов³ (очевидный прообраз будущей масштабной сделки «газ — трубы»).

Подписание состоялось в кабинете министра внешней торговли СССР Николая Патоличева. Когда церемония была завершена, он сообщил Маттеи, что того ждет подарок — маленький живой медвежонок. Возможности доставить зверя в здание МИД, где располагался и Внешторг, не было, поэтому

³ <http://www.gazprom.ru/about/history/events/italy40/>

итальянской делегации показали только большую фотографию мишки. В ответ Энрико Маттеи сказал: «Волчица, вскормившая Ромула и Рема, породнилась со знаменитым русским медведем»⁴.

Отношения между Епі и СССР развивались семимильными шагами. Параллельно с подготовкой нового нефтяного соглашения начались переговоры по природному газу: Италия и здесь испытывала дефицит сырья, поэтому искала поставщиков. И именно в этот момент Энрико Маттеи погибает: 27 октября 1962 года его самолет взрывается в небе над Миланом. Не будем ударяться в конспирологию — отметим только, что это была не последняя странная смерть европейца, делавшего особую ставку на развитие тесных отношений с СССР в области энергетики. Подозрительной смерть Маттеи считают и многие в Италии — в тот день над Миланом стояла ясная погода, самолетом управлял опытный пилот, а причина взрыва на борту так и не была до конца установлена⁵. Зато доподлинно известно, что дружественная по отношению к Советскому Союзу политика Епі вызывала нескрываемое раздражение в нефтегазовых и политических кругах США.

Стоит отметить еще одно обстоятельство, способствовавшее просоветской ориентации итальянского концерна. И Энрико Маттеи, и его будущий преемник на посту главы Епі Эудженио Чефис в годы Второй мировой войны были членами партизанского движения Сопротивления. Вообще, участники боевых действий сыграли заметную роль в послевоенном налаживании энергетических отношений между Европой и СССР. И отнюдь не все они дрались на стороне антигитлеровской коалиции. Например, бывший глава Deutsche Bank AG Фридрих Вильгельм Кристианс, напротив, воевал в танковых частях Вермахта. И именно это стало для него важнейшим аргументом в пользу экономической кооперации с Советским Союзом. Кристианс считал войну с СССР колоссальной ошибкой: он был убежден, что Германия несет ответственность за события 1941–1945 годов, и, помимо прочего, старался загладить вину своей страны перед Советским Союзом. И надо было так случиться, что непосредственным партнером Кристианса по переговорам о финансировании строительства газопроводов стал председатель правления Госбанка СССР в 1976–1986 годах Владимир Алхимов, воевавший

⁴ Рачков Б. Подвиг синьора Маттеи // <http://www.oilru.com/nr/86/97/>

⁵ О возможном американском следе в этой истории упоминается в снятом в 1972 году в Италии фильме «Дело Маттеи» (Il caso Mattei).

в противотанковой артиллерии. Дважды — под Ленинградом и Курском — они могли в прямом смысле сойтись лицом к лицу на одном поле боя, причем выяснили это сами, во время своих очных встреч⁶.

Надо сказать, что раньше, в отсутствие интернета и электронной почты, личное общение между людьми, принимавшими решения, было более длительным. Это совершенно не мешало заключению сделок, а, напротив, способствовало установлению доверительных отношений. Кроме того, Кристианс, безусловно, понимал всю тупиковость конфронтационных сценариев: конфликтные отношения с СССР, грозившие переходом в военную стадию, могли привести, с точки зрения ветеранов Второй мировой, к вполне определенному и предсказуемому итогу.

Не менее удивительна и судьба третьего главы московского офиса Deutsche Bank AG Акселя Лебана, принимавшего самое непосредственное участие в организации кредитования строительства газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород» и укреплении экономических связей между ФРГ и СССР. Лебан родился 12 мая 1943 года, а в 1945-м его отец был расстрелян бойцами Красной Армии. И все же, несмотря на личную драму, Аксель Лебан не только не возненавидел Россию, но еще в школе начал учить русский язык.

Аксель Лебан

«Заместитель директора моей школы сказал нам: у нас принято учить древнееврейский язык, но древнееврейский нужен только тем, кто связан с религией. Я же советую вам выбрать русский. Европа все равно будет единой, и Россия будет ее частью. И вот тогда выяснится, что в Западной Европе никто почти не говорит по-русски».

⁶ Кристианс Ф.В. Дороги в Россию. — М., 1990. — С. 105–106.

Аксель внял совету и годы спустя, 21 апреля 1970-го, прямо накануне 100-летнего юбилея Ленина, приехал в Москву писать диссертацию по юриспруденции, а впоследствии вернулся снова, чтобы занять пост главы представительства Deutsche Bank AG в Советском Союзе.

Впрочем, подробный рассказ о сделке «газ — трубы» и людях, подготовивших и совершивших ее, еще впереди. Пока же вернемся к первым послевоенным энергетическим контрактам.

Вопреки ожиданиям противников развития советско-итальянского энергетического бизнеса трагическая смерть Маттеи не оборвала экономических контактов между Епі и СССР. Более того, в ноябре 1963 года, еще до истечения действовавшего договора, концерн подписал с советскими внешне-торговыми организациями новое соглашение. В соответствии с ним Италия в 1964–1970 годах импортировала около 28 млн тонн советской нефти в обмен на поставку в СССР итальянских машин, оборудования, нефтехимических и других товаров.

Именно Эудженио Чефис предложил советскому руководству продавать газ в обмен на поставки труб и другого оборудования для строительства газопровода в Италию. Это выводило бы сотрудничество между двумя странами на новый уровень. Переговоры шли весьма активно, итальянские делегации постоянно посещали Советский Союз. Случались и занятные эпизоды: летом 1966 года на берегу у слияния Москвы-реки с Окой, на специально оборудованной площадке прошел волейбольный матч между сотрудниками Епі и советскими чиновниками. В советской команде играли заместитель министра внешней торговли СССР Николай Осипов и будущий заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Сорокин.

Но, несмотря на радужные перспективы, переговоры о поставках советского природного газа шли очень непросто: итальянские власти испытывали серьезное давление со стороны США и Великобритании — это приводило к затягиванию переговорного процесса. СССР пришлось даже пойти на изменение маршрута будущего газопровода: изначально его планировали провести через Венгрию и Югославию, которые в итоге поменяли на Чехословакию и Австрию. Наконец, в апреле 1967 года правительство Италии дало окончательный положительный ответ на газовое соглашение между Епі и Советским Союзом.

Итальянский кабинет тогда возглавлял христианский демократ Альдо Моро — сторонник прагматичного подхода к сотрудничеству с СССР⁷.

Однако соглашение так и не было подписано. Слишком плотная кооперация между Москвой и Римом (с учетом сильных позиций итальянских левых после победы над фашизмом) воспринималась Соединенными Штатами как серьезная угроза их собственным позициям на Апеннинах. В итоге работа над договором стала искусственно затягиваться. Стороны увязли в согласовании деталей сделки, и этим не преминули воспользоваться Австрия и Германия, перехватившие у итальянцев знамя пионеров газового сотрудничества с Советами

К тому времени СССР уже запустил реализацию программы поставок газа странам социалистического лагеря, и советский газ пришел в Восточную Европу. В 1967 году был введен в строй 630-километровый трубопровод «Братство», который позволил начать поставки в Чехословакию. Именно по этому «проторенному» маршруту позже пошел в Восточную и Западную Европу большой сибирский газ. (Собственно, продление «Братства» до Италии и должно было стать логичным решением итальянского контракта.) Газопровод в Чехословакию вдохновил Австрию на закупку советского газа. Дело в том, что газовый хаб в австрийском Баумгартене, возникший на месте бывшего месторождения, находился буквально в полутора километрах от границы с Чехословакией. Сыграло свою роль и то, что Австрия и Словакия были прежде частью одной страны — Австро-Венгрии: по обе стороны границы жили родственники, воспринимавшие «железный занавес» скорее как недоразумение. Все это облегчало выстраивание отношений в новых условиях — Австрия не воспринимала Чехословакию как враждебное государство. По словам одного из ветеранов австрийской нефтегазовой компании OMV Херманна Ланга, которого коллеги называли «Мистер Компрессорная Станция», связи между странами оставались достаточно тесными — несмотря на то что принадлежали они к разным лагерям.

⁷ Еще одна загадочная смерть: в марте 1978 года леворадикальные «Красные бригады» похитили Альдо Моро, который, уже не будучи премьер-министром, активно выступал за формирование коалиционного правительства с участием представителей Компартии Италии. «Красные бригады» 54 дня держали его в качестве заложника на конспиративной квартире в Риме. Потом Моро был застрелен, а его труп обнаружили в багажнике автомобиля. О возможном американском следе в этой истории написано большое количество книг и статей, снято несколько документальных фильмов. То, что «Красные бригады» убили политика, выступавшего за участие коммунистов в правительстве, плохо поддавалось логическому объяснению.

Херманн Ланг

«Я родился в северо-восточной части Нижней Австрии в 1952 году. Моя семья живет в этой части Австрии в течение нескольких поколений. После 1945 года Советы управляли нефтегазовыми заводами в этой области. Многие члены нашей семьи нашли работу в отрасли, в том числе мой отец. Так же как и мои родители, я провел детство на австрийско-чехословацкой границе, недалеко от реки Морава. В отличие от моего детства, в их времена границы между Австрией и Чехословакией не было. Мои родители тесно общались с людьми с другой стороны и свободно говорили на их языке. К сожалению, мне не удалось изучить этот язык. Граница между Австрией и Чехословакией была только для взрослых — мы, дети, могли купаться в пограничной реке в летнее время. Также можно было без проблем переплыть на чехословацкий берег».

Советская пресса периодически публиковала страшилки о том, что через австрийскую границу в страны соцлагеря проникают шпионы и диверсанты, но саму границу, тем не менее, не блокировали. Это был важный момент отношений между Австрией и Советским Союзом. Вот что рассказывает об этом другой ветеран ОМВ Отто Мусилек.

Отто Мусилек

«После Второй мировой войны отношения между СССР и Австрией были очень хорошими. Австрия была освобождена Красной Армией,

и жители рассматривали ее как освободителя. Люди здесь, в Вене, получали пищу от русских и относились к советским войскам как к тем, кто уничтожил Гитлера. Восприятие Советского Союза и советского блока австрийцами, конечно, не было положительным, но вовсе не было и каким-то демоническим. Кроме того, граница между Австрией, Чехословакией и Венгрией была не столь серьезной — для австрийцев не было проблемой съездить в выходные в эти страны советского блока. Гражданам Венгрии и Чехословакии въехать в Австрию было сложнее, но в целом Австрия не воспринимала железный занавес как такой уж железный и непроницаемый».

Россияне, впервые приезжающие в Вену, не могут не заметить прямо в центре австрийской столицы памятники воинам Советской Армии. В Западной Европе такое можно встретить разве что в Берлине — да и то в той его части, которая была до начала 90-х столицей ГДР. И в то время, когда в странах бывшего соцлагеря то и дело возникают волны борьбы с советскими памятниками, в Австрии их никто трогать не собирается — в политической повестке просто нет такого вопроса. Да, несмотря на всю благодарность Советской Армии как освободителю от фашизма, Австрия не вошла в Восточный блок и приняла план Маршалла. Но, став экономически и политически частью Западной Европы, страна заявила о нейтральном статусе, не вступила в НАТО и никогда не воспринималась в СССР как угроза.

Советско-австрийские переговоры о поставках газа и строительстве газопровода стартовали в 1967 году. В марте федеральный канцлер Австрийской Республики Йозеф Клаус посетил СССР и провел переговоры с генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым и председателем Совета Министров СССР Алексеем Косыгиным. Речь шла о реализации уже понятной к тому моменту схемы: поставках газа в обмен на трубы.

Результатом переговоров стал заключенный 1 июня 1968 года с фирмой OMV первый контракт на экспорт советского газа в Австрию. Церемония подписания состоялась в центре Вены, в тогдашнем главном офисе OMV. В качестве платы за поставки Австрия передавала СССР трубы, в том числе произведенные немецким концерном Thyssen. Наличие готовой инфраструктуры позволило начать поставки спустя всего три месяца — 1 сентября.

Этот контракт лично видел Херманн Ланг, годом раньше начавший работать в OMV.

Херманн Ланг

«Контракт на первые поставки газа из СССР, который я видел, был всего лишь на двух страницах формата А4. Сегодня для подобных контрактов нам требуется не менее полусотни страниц. На мой взгляд, это вопрос доверия между участниками на тот момент. Не требовалось записывать каждый пункт подробно, даже несмотря на то, что это был первый договор. Времена сильно изменились».

Можно сравнить тот контракт, например, с договорами между «Газпромом» и украинским «Нафтогазом», подписанными 19 января 2009 года. Обычно контракты — закрытая коммерческая информация, но эти были полностью опубликованы украинской прессой. Поэтому мы знаем, что контракт на куплю-продажу газа в 2009–2019 годах включает 18 страниц формата А4, а контракт об условиях и объемах транзита природного газа через территорию Украины в 2009–2019 годах — 22 страницы. Это меньше, чем современные договоры «Газпрома» с западными компаниями, но разница с 1968 годом очевидна — не говоря уже о том, что столь детальные договоры все равно не уберегли компании от судов. А взаимодействие «Газпрома» и OMV носит несравнимо более конструктивный характер.

Персональные отношения между представителями газовой индустрии двух стран действительно находились на очень высоком уровне — все ветераны европейской газовой индустрии отмечают царившее между ними взаимное доверие и уважение. Это вовсе не означало отсутствия споров и различий в интересах. Но споры эти были именно коммерческими — о ценах и условиях поставки газа.

Отто Мусилек

«Что было действительно типичным для наших отношений: мы боролись за свои позиции, за наши компании и за наши страны. Но в итоге всегда находили взаимовыгодное решение, и поэтому можем назвать наше партнерство настоящей беспроигрышной для обеих сторон историей. В качестве примера я помню очень показательную встречу с ВО „Союзгазэкспорт“ в Будапеште по вопросу цен на газ. Мы начали в 9 часов утра и собирались быстро обо всем договориться. Поэтому нашим венгерским хозяевам сообщили, что им не нужно организовывать обед для нас, так как обедать мы будем уже дома. Однако переговоры продолжались до часу ночи и без единого перерыва. 16 часов! Но мы нашли решение! И это была главная отличительная черта нашего сотрудничества: мы всегда находили взаимовыгодное решение».

Между тем политика вполне могла сорвать выполнение первого газового контракта. Буквально за несколько дней до начала поставок, 21 августа 1968 года, советские танки вошли в Чехословакию. Удивительно, но драматические события, развернувшиеся в самой непосредственной близости от Австрии, не привели к аннулированию коммерческой сделки. Австрийские политики не стали оказывать давление на OMV.

Интересно и другое: события в ЧССР странным образом совпали с газовыми переговорами между СССР и Австрией. И именно Чехословакии предстояло стать транзитной страной, через которую советский газ пошел бы в Западную Европу. Существуют версии, связывающие события в Чехословакии с попытками США сорвать газовые переговоры с Австрией⁸. Известен и ряд исторических фактов, говорящих о возможном американском следе в этой истории. В частности, Збигнев Бжезинский, будущий советник президента США

⁸ См., например: Байлов А., Булгаков В., Шевченко В. Еще раз о «Пражской весне», операции «Дунай» и угрозе большой войны в Европе в 1968 г. URL: // <http://historic.ru/news/item/f00/s25/n0002512/>

Джимми Картера по национальной безопасности, а тогда член совета планирования Государственного департамента США, убежденный антикоммунист и активный борец с СССР, не только посещал летом 1968 года Чехословакию, но и выступал там с лекциями перед интеллектуалами и оппозиционерами⁹.

Австрийские ветераны отрасли, впрочем, отрицают агрессивное вмешательство США в переговоры, хотя и отмечают стойкость политиков того времени.

Отто Мусилек

«С технической точки зрения не было никакой проблемы связать австрийскую газовую систему в районе Баумгартен с системой газопроводов в Чехословакии. Всего-то предстояло построить несколько километров газопровода. Но из-за железного занавеса и сопутствующих обстоятельств (в 1968 году советские войска¹⁰ вошли в Чехословакию) стало очень сложно. Австрийским политикам понадобилось много мужества, чтобы заключить и осуществить намеченную сделку — долгосрочный контракт на 20 лет вперед».

Поскольку в нашей книге мы опираемся только на факты, то будем считать попытку дестабилизировать политическую ситуацию в ЧССР с целью расстроить газовую сделку между Москвой и Веной лишь версией. Она не так очевидна, как, скажем, попытка использовать Польшу для политического удара по Советскому Союзу и срыва большой газовой сделки с Европой в 1980-е. Вот там как раз фактов и доказательств хоть отбавляй. Но к этой теме мы вернемся позже. Пока же зафиксируем мудрость руководства Австрии и дальновидность компании OMV,

⁹ Тростин Е. Пражское лето пана Бжезинского // Историк. — 2018. — № 42. — С. 7.

¹⁰ На самом деле в Чехословакию вошли войска нескольких стран Варшавского договора. Но жители Западной Европы воспринимали это именно как появление в ЧССР советских войск. *Прим. авторов.*

которые осознали, что советский газ не представляет политической угрозы, зато значительно повышает конкурентоспособность австрийской экономики. И даже такое мощное политическое событие, как ввод войск в соседствующую с Австрией Чехословакию, не стало поводом для срыва переговоров с Москвой.

Уже через два года был подписан второй контракт, вслед за которым тут же начались переговоры о дальнейшем расширении поставок. В частности, они велись в ходе официального визита министра иностранных дел Австрийской Республики Рудольфа Кирхшлегера в СССР с 25 по 30 января 1971 года и со 2 по 5 июля 1973-го, когда председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин находился с официальным визитом в Австрии¹¹. Любопытно, что Кирхшлегер, впоследствии дважды избиравшийся президентом Австрии (на второй срок — в 1980 году с наивысшим уровнем поддержки избирателей в истории своей страны — 80%), тоже прошел войну в войсках Вермахта и был дважды ранен в боях с Красной Армией.

Интересно, что практически в то же самое время начались переговоры с французами. Изначально трубопроводного маршрута не существовало, поэтому обсуждался вариант поставок сжиженного газа с завода, построить который предполагалось на Балтийском море. Экономическая модель была очень похожа на трубопроводные проекты: СССР готов был приобрести оборудование западных компаний и расплачиваться за него газовыми поставками — только вместо труб французы предлагали собственную технологию сжижения газа. Серьезную активность проявляла французская компания Air Liquide. Рассматривались варианты закупки оборудования и лицензии на производство сжиженного природного газа (СПГ) в Советском Союзе. Весь 1967 год прошел в активных переговорах между Министерством газовой промышленности СССР и французскими компаниями. 14 октября 1967 года советская делегация во главе с министром Алексеем Картуновым прилетела в Париж на переговоры, которые продлились до 22-го числа¹². Но выбор все же был сделан в пользу трубопроводов: к тому времени уже начались поставки советского газа в страны соцлагеря — труба вплотную подошла к границам Западной Европы. А заключение контракта с Австрией сразу открыло окно возможностей и для других капиталистических стран.

¹¹ СССР — Австрия. 1938–1979 гг.: Документы и материалы. Издание МИД СССР. — Политиздат. 1980. — С. 159.

¹² Андриянов В. Картунов. — М., 2007. — С. 332–333.

Вена стала центром газовых отношений СССР не только с Австрией, но и с энергетическими компаниями других государств Западной Европы. По рассказам очевидцев, переговоры часто велись в торговом представительстве СССР — западные энергетики опасались ездить в Москву, а столица Австрии оказалась весьма удобным для этих целей местом. Австрийский договор словно выбил пробку из бутылки шампанского — остальные западноевропейские столицы, менее свободные в идеологическом смысле, чем Вена, смогли перешагнуть психологический барьер и быстро завершить собственные переговоры с Москвой.

Подписание советско-австрийского соглашения стало катализатором переговоров с Италией. Кроме того, на итальянцев повлияли события второй половины 60-х в Алжире и Ливии, где в результате военных переворотов к власти пришли социалистически ориентированный Хуари Бумедьен и Муаммар Каддафи. Советское влияние в Северной Африке значительно усилилось. Епi, как и целый ряд западных компаний, активно присутствовал в нефтяном комплексе этих стран, и, хотя газодобыча там находилась в зачаточном состоянии, перспективы ее уже были понятны. Но планы организации надежных поставок газа из региона не сочетались с новыми политическими рисками. Все это в совокупности способствовало ускорению переговоров с Москвой.

В итоге 10 декабря 1969 года в Риме заместитель министра внешней торговли СССР Николай Осипов и президент концерна Епi Эудженио Чефис подписали договор о поставках советского газа в Италию. Советский Союз обязался после начального периода по наращиванию объемов поставлять по 6 млрд куб. м газа ежегодно на протяжении 20 лет. Газ должен был передаваться итальянской стороне в Баумгартене — сразу после выхода за границу социалистического блока. Москва в свою очередь получала кредит в объеме 200 млн долларов на закупку труб и оборудования для газовой промышленности у итальянских компаний.

Поставки начались 1 мая 1974 года — в День международной солидарности трудящихся. А 8 июня в городе Сан-Донат-Миланезе в присутствии итальянского премьер-министра Мариано Румора, министра газовой промышленности СССР Сабита Оруджева и заместителя министра внешней торговли Николая Осипова состоялось официальное открытие газопровода «СССР–Италия». Для реализации контракта пришлось построить трубу от Баумгартена до городка Тарвизио в итальянских Альпах (Трансавстрийский газопровод). Советская

сторона увеличила пропускную способность газотранспортной системы до границы между Чехословакией и Австрией. Из труб диаметром 916 и 1220 мм под итальянские нужды проложили 1780 км газопроводов для доставки газа в Австрию. Система была готова в начале 1973 года¹³.

В дальнейшем Италия продолжила заключать с СССР договоры на поставку газа. Второй контракт — на покупку дополнительно 1 млрд кубометров — был подписан в 1975 году, третий — в 1986-м, уже после запуска газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», что позволило нарастить ежегодные поставки с 12 до 20 млрд кубометров.

После реализации договора с Австрией о преимуществах покупки советского газа задумались в Финляндии — тем более что общая граница с Советским Союзом позволяла избежать транзита. В 1971 году между странами были подписаны соглашения, согласно которым труба шла от Ленинграда до Выборга, пересекала границу в районе Иматры и далее шла на Лаппеенранту и Коуволу. Проектировали и строили газопровод советские специалисты¹⁴.

Австрийский прорыв позволил успешно завершить и переговоры с Германией, которой предстояло стать одним из основных партнеров СССР по строительству газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород» и крупнейшим покупателем российского газа. Именно в Вене состоялись первые контакты с немецкой фирмой Ruhrgas AG — внеблоковый статус Австрии, которая не входила в НАТО, оказался для этих целей весьма кстати. СССР предложил Ruhrgas AG контракт на закупку 5 млрд куб. м газа в год. Для советских переговорщиков это был совершенно новый опыт. В остальных странах Запада, не говоря уже о Восточной Европе, в качестве контрагентов на переговорах выступали государственные компании, и все вопросы, в том числе коммерческие, решались на межправительственном уровне. В Германии же весь крупный энергетический бизнес, производители труб и оборудования, банковский сектор, от которого зависели параметры кредитования, находились в частных руках.

¹³ Интервью министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Кортупова А.К. // Новое время. — 1972. — № 49.

¹⁴ Интервью министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Кортупова А.К. // Новое время. — 1972. — № 49.

Там же, в Вене, начались переговоры с фирмой Mannesmann AG о поставке труб большого диаметра для строительства новых газопроводов. Сделку должен был кредитовать Deutsche Bank AG, а СССР расплачивался бы будущими поставками газа. Из готовых участвовать в сделке немецких банков Deutsche Bank сформировал пул, в который вошли Commerzbank AG, Dresdner Bank AG, Westdeutsche Landesbank Girozentrale.

Интересно, что фирма Mannesmann, созданная в 1890 году, поставляла трубы для нефтепромыслов еще в царскую Россию. Позже, уже в советское время, из немецких труб был построен 880-километровый нефтепровод от Баку до Батуми. СССР и Германию связывали длительные деловые отношения. И даже такие драматические политические события, как Вторая мировая война, становились лишь паузой в их развитии. Страны очень быстро восстанавливали торговый интерес друг к другу.

Как и их итальянские коллеги, немецкие деловые круги после окончания Второй мировой войны очень скоро начали попытки возобновления экономических отношений с СССР. И надо отметить, что, несмотря на всю тяжесть многолетнего военно-политического конфликта, «перезагрузка» — назовем ее так — разворачивалась относительно быстро. В 1952 году в ФРГ был создан так называемый «Восточный комитет немецкой экономики», организаторами которого стали первый федеральный канцлер Конрад Аденауэр и министр экономики его кабинета, один из авторов германского послевоенного «экономического чуда» Людвиг Эрхард. В Комитет входили крупные промышленные компании. Уже весной 1953 года во время заседания Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН представители Комитета и советские эмиссары провели встречу, на которой немцам был передан список товаров, которые СССР хотел бы приобрести. В 1954 году переговоры были продолжены на очередной весенней конференции ЕЭК в Женеве; готовился визит руководства Комитета в Москву для подписания масштабного соглашения о партнерстве. Но визит был отменен — как писал один из руководителей Комитета Отто Вольф фон Амеронген, личным решением Аденауэра, на которого жесткое давление оказали Соединенные Штаты¹⁵.

Однако в 1955 году СССР и ФРГ все же установили дипломатические отношения. И хотя торговое соглашение так и не было подписано, уже год спустя

¹⁵ Otto Wolff von Amerongen *Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft*. — München, 1992.

немецкий концерн PhoEnix-Rheinruhr начал поставлять в СССР бесшовные трубы для нефте- и газопроводов, чугун, листовую сталь и нефтехимические установки, а фирма Krupp — крупные партии комплектного оборудования. СССР в свою очередь рассчитывался с немецкими партнерами нефтью и другим сырьем¹⁶.

В июле 1957 года начались консультации по подготовке торгового соглашения, консульского договора и соглашения о репатриации «советских немцев». Пакет документов, включавший в себя соглашение о товарном и платежном обороте, протокол о товарообороте в 1958 году и соглашение об общих вопросах торговли и морского сообщения, подготовили к весне следующего года и подписали 25 апреля в Бонне. Опыт был признан удачным, и в декабре 1960 года между СССР и ФРГ было заключено новое соглашение о товарном и платежном обороте уже на три года (1961–1963). В его рамках советские внешнеторговые организации разместили в Германии на фирмах PhoEnix-Rheinruhr, Mannesmann, Krupp заказы на поставку труб большого диаметра.

И тут в дело снова вмешалась политика. Строительство Берлинской стены и Карибский кризис привели к тому, что США потребовали от Аденауэра прекратить поставки труб Советам. Канцлеру в свою очередь пришлось предложить немецким компаниям отказаться от уже подписанных с СССР контрактов на поставку 130 тыс. тонн стальных труб большого диаметра и соответствующего оборудования к ним. Mannesmann и Krupp понесли серьезные финансовые и репутационные убытки. А Советский Союз ускорил подготовку к производству собственных труб и начал переговоры с Японией об организации поставок материалов и оборудования для строительства газопроводов. 20 лет спустя этот опыт и плоды деятельности по преодолению ситуации с разрывом контрактов очень пригодились при строительстве газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород». В частности, эмбарго привело в действие механизм импортозамещения — после отказа ФРГ от выполнения обязательств прямошовные нефтяные трубы большого диаметра оперативно научились производить на Челябинском трубопрокатном заводе.

Проекты советского газового экспорта не исчерпывались Европой. В 1968 году, когда голубое топливо только начало поступать в Австрию, возникла идея газопровода из СССР в Японию. С японской стороны был создан специальный

¹⁶ Смирнов С.В. У истоков российско-германского энергетического взаимодействия (70-е годы XX века). // Вестник МГИМО. — 2011.

Рабочий комитет по сахалинскому газу. Суть его предложений сводилась к строительству силами СССР газопровода от северной части острова Сахалин до его южной точки — мыса Крильон — протяженностью примерно в тысячу километров. Японская сторона брала на себя сооружение газопровода через пролив Лаперуза до острова Хоккайдо. В случае достижения договоренности о взаимовыгодной цене газа Япония выражала готовность привлечь для реализации проекта кредит на сумму 100 млн долларов. Однако сложный рельеф дна, частые землетрясения, необходимость разрабатывать непростые шельфовые месторождения, а также отсутствие в Японии газопроводов, связывающих острова друг с другом, привели к тому, что идею пришлось отложить¹⁷.

Но вернемся к Германии. Через год после начала поставок советского газа в Австрию канцлером ФРГ стал социал-демократ Вилли Брандт, и отношения между странами резко изменились в лучшую сторону. Новая политика благоволила развитию экономических контактов, и сразу же начались переговоры о поставках природного газа в ФРГ. СССР требовалась не только валюта — в лице немецкого бизнеса он хотел получить союзника, который удерживал бы немецкое правительство от политического противостояния с нашей страной. Москва понимала, что период потепления может быстро закончиться, и стремилась закрепить дружбу длительными экономическими контрактами.

Еще до победоносных для Брандта выборов в бундестаг в апреле 1969 года Ганноверскую ярмарку посетила большая советская делегация во главе с министром внешней торговли СССР Николаем Патоличевым¹⁸. Его переговоры с министром экономики ФРГ Карлом Шиллером активизировали подготовку первых газовых контрактов. Новый раунд переговоров довольно быстро завершился успехом — подписанные к этому времени контракты с Австрией и Италией сильно помогли поторопить немцев. Буквально через 100 дней после того, как Вилли Брандт возглавил правительство ФРГ, 1 февраля 1970 года в 12 часов 02 минуты в конференц-зале отеля «Кайзерхоф» в Эссене, где находилась штаб-квартира Ruhrgas, Шиллер и Патоличев подписали соглашение о поставках труб из ФРГ в обмен на природный газ из СССР.

¹⁷ К разработке сахалинских газовых месторождений с участием иностранных инвесторов вернулись только после распада СССР. В итоге решили экспортировать СПГ, а не трубопроводный газ. Первый в России СПГ-завод, построенный на острове, заработал в 2009 году. Но идея построить еще и газопровод в Японию периодически возникает вновь и обсуждается, хотя препятствия для реализации проекта все те же. *Прим. авторов.*

¹⁸ Николай Патоличев занимал эту должность с 1958 по 1985 год.

Фактически тогда были заключены три договора:

- › между внешнеторговым объединением «Промсырьеимпорт» и концерном Mannesmann-Export GmbH, который совместно с фирмой Thyssen-Hütte обязался поставить в Советский Союз 1,2 млн тонн труб стоимостью 1,2 млрд немецких марок;
- › между внешнеторговым объединением «Союзнефтеэкспорт» и концерном Ruhrgas AG о закупке последним в течение 20 лет 52 млрд кубометров газа на сумму 2,5 млрд марок;
- › между Внешторгбанком и консорциумом германских банков во главе с Deutsche Bank AG о кредитовании этой сделки в объеме 1,2 млрд марок на 10 лет (со сроком погашения до 30 сентября 1982 года). Ставка по кредиту составила 6% годовых, а сам кредит на 50% был застрахован государственной компанией по поддержке экспортных операций Hermes-Kredit-Versicherungs-AG.

Немцы проявили определенную осторожность — вместо предложенных СССР 5 млрд кубометров пиковые годовые поставки составили 3 млрд куб. м. Но в этом случае важны были не объемы, а сам прецедент и комплексный характер сделки: немецкие банки предоставляли финансирование, заводы отгружали в СССР трубы, а Советский Союз строил новые газопроводы, поставлял в ФРГ газ и возвращал за счет его продажи полученные займы.

Поставки должны были начаться в 1973 году, но для Советского Союза важно было сначала провести газ в ГДР, а не в идеологически чуждую ФРГ. Поэтому поставки в Восточную Германию стартовали на несколько месяцев раньше, чем в Западную. Согласно архивным документам, в феврале 1973 года Николай Патолитчев встретился с новым министром экономики ФРГ Гансом Фридрихсом. Оба высоко оценили газовый контракт, подготовку к началу поставок и даже обсудили возможность расширения договора. В то же время советский министр был озабочен проблемами, возникшими с получением в ФРГ разрешений на импорт нефтепродуктов из СССР.

В марте 1973 года советский посол в Западной Германии Валентин Фалин посетил предприятия немецкой сталелитейной компании Salzgitter AG. Руководство Salzgitter сообщило ему о готовности Ruhrgas AG увеличить закупку

трубопроводного газа на 1 млрд кубометров в год. А сама Salzgitter AG выразила заинтересованность в приобретении ежегодно от 1 до 3 млрд кубометров в сжиженном виде, если отгрузка пойдет из района Мурманска¹⁹.

Судя по всему, немцы знали о планах строительства на севере России СПГ-завода по американским технологиям и тоже хотели получать определенные объемы газа в сжиженном виде. Американцы, уже после того, как не прошла идея французов о строительстве СПГ-завода на Балтике, активно предлагали советскому правительству сделать ставку на экспорт сжиженного газа и готовы были продать технологию (подробнее об этом можно прочитать в третьей главе книги). Но проекты СПГ-заводов так и не удалось реализовать. Зато трубопроводные поставки советского, а позднее российского газа уже пятый десяток лет обеспечивают Германию.

В мае 1973 года произошло эпохальное событие. В ФРГ с официальным визитом впервые приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Во время этой поездки 19 мая было подписано 10-летнее Соглашение между правительствами СССР и ФРГ о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества в весьма широком спектре отраслей. ФРГ была готова сотрудничать с СССР даже в области атомной энергетики, включая совместное строительство атомных электростанций (АЭС).

Через полгода, с началом нового отопительного сезона, начались физические поставки газа в ФРГ. Руководитель компании Ruhrgas Херберт Шельбергер в местечке Вайдхаус на границе между Чехией и Баварией торжественно принял первые кубометры советского газа, поступившие в Западную Германию в рамках контракта 1970 года. Отметим, что по тому договору СССР обязался доставлять газ до границы с ФРГ — то есть всю правовую и экономическую ответственность за транспортировку газа через Чехословакию нес Советский Союз.

Положения документов 1970 года были успешно развиты в последующих соглашениях 1972–1974 годов. Второе (по той же схеме «кредит — газ — трубы») было подписано 6 июля 1972 года в Дюссельдорфе. Немецкие Deutsche Bank AG, Commerzbank AG, Dresdner Bank AG и Westdeutsche Landesbank Girozentrale предоставили Внешторгбанку СССР коммерческий финансовый кредит

---

¹⁹ Запись отчета В.М. Фалина, найденная нами в Российском государственном архиве экономики, приведена в Приложении 1.

в размере 1,2 млрд немецких марок. Он был поделен на две части: 930 млн — на трубы и немецкое оборудование, 270 млн — на остальное оборудование. Срок погашения устанавливался в 12 лет, процентная ставка сохранялась на уровне 6%. Доля Deutsche Bank в общем объеме кредита составляла 18,4%. Кредит снова застраховала на 50% компания Hermes-Kredit-Versicherungs-AG. По второму соглашению от октября 1973 года закупка труб увеличивалась до 2,4 млн тонн, а поставки газа за 20 лет — до 120 млрд кубометров.

Для немецких металлургов эти соглашения стали важнейшим стимулом развития бизнеса. Mannesmann открыл 14 июня 1973 года собственное представительство в Москве. Контракты с СССР позволили реконструировать предприятия фирмы и создать мощности для производства труб в условиях российского Севера. В тот период рождался российский стандарт труб большого диаметра — 1420 мм. Но стороны обсуждали варианты и 1520 мм, и 1620 мм, и даже 2500 мм.

Нельзя сказать, что контракты исполнялись гладко. Это было просто нереально для столь крупных соглашений между структурами из разных экономических и противостоящих друг другу политических систем. В частности, представители фирмы Mannesmann на встрече с заместителем министра внешней торговли СССР Осиповым заявили, что не прошла своевременно оплата труб, поставленных в ноябре-декабре 1972 года. Произошло это потому, что ВО «Союзнефтеэкспорт» не проинформировал своевременно Внешторгбанк СССР о вступлении в силу контракта между «Союзнефтеэкспортом» и Ruhrgas AG. Но все вопросы решались, что называется, в рабочем порядке — и для СССР, и для ФРГ контракты были крайне важны. Достаточно сказать, что на встрече министра внешней торговли Патолочева с председателем правления Mannesmann Овербеком, состоявшейся 14 июня 1973 года после открытия представительства фирмы в Москве, глава немецкой компании сообщил о готовности поставлять в СССР ежегодно 600 тыс. тонн труб большого диаметра. Это означало, что на советский контракт будут работать 60% всех производственных мощностей компании.

Немцев, однако, волновала долгосрочность намерений СССР поставлять газ в Германию, и это было понятно: им приходилось вкладывать средства в модернизацию и расширение производства, и возврат вложений был напрямую связан с перспективами советско-германских отношений.

Кроме того, Советский Союз не смог полностью использовать кредит, полученный по Соглашению 1972 года, которое предполагало, что он будет потрачен

до конца 1973 года. Москва просила перенести исполнение соглашения на 1974 год, но немцы возражали, указывая на серьезный рост стоимости денег. В ноябре 1973 года директор Mannesmann Майер на переговорах с начальником главного валютного управления Майоровым заявил, что кредит в ФРГ стоит уже 13–14%, поэтому условия договора необходимо пересмотреть. Майоров парировал: другие страны, в частности Англия, несмотря на рост процентных ставок на рынке, продолжают давать Советскому Союзу кредиты на прежних условиях. (Кредиты Москве давали даже США, причем в записях бесед советских чиновников с немецкими бизнесменами в 1973 году, найденных нами в российских архивах, неоднократно фигурирует цифра 6%.) В итоге вопрос о стоимости денег из ФРГ удалось решить.

Коммерческие споры не отменяли понимания взаимной выгоды сотрудничества. Поэтому третье соглашение «кредиты — трубы — газ» последовало спустя два с небольшим года и было подписано 29 октября 1974 года в Москве. Оно предусматривало увеличение объема поставок труб из ФРГ в СССР до 3,7 млн тонн, а также дополнительные поставки газа в ФРГ на 60 млрд кубометров. Также был подписан кредитный договор на 1,5 млрд немецких марок с 85-процентным покрытием Hermes-Kredit-Versicherungs-AG. Срок действия кредита составил 8 лет, процентная ставка — 6,5% годовых. Поставки газа по новому договору должны были начаться 1 января 1978 года и завершиться 31 декабря 2000 года. Суммарно по трем первым договорам Ruhrgas AG выходил в начале 1980-х годов на закупку у СССР 9,5 млрд кубометров газа ежегодно.

Именно тогда формировалась система долгосрочных контрактов с привязкой газовых цен к нефтяным. Существует показательный документ: стенограмма беседы замминистра внешней торговли СССР Осипова с председателем правления Ruhrgas AG Шельбергером и членом правления Лизеном 9 августа 1973 года²⁰. Вот ее предельно краткий пересказ.

Шельбергер заявляет о желании получать ежегодно, начиная с 1979-го, дополнительно 10 млрд кубометров газа. Осипов задает вопрос о цене на газ в 1980 году. Разъяснения дает Лизен, ставший позднее преемником Шельбергера на посту председателя правления: он говорит, что Ruhrgas готов платить ту же цену, что и за газ Северного моря из норвежского месторождения Экофиск. Цена на момент беседы составляла 24 доллара за тысячу кубометров при

²⁰ Запись беседы Н.Г. Осипова, найденная нами в Российском государственном архиве экономики, приведена в Приложении 2.

калорийности газа в 9200 ккал и образовывалась путем привязки к индексам на малосернистый мазут с содержанием серы в 2,2% на рынке ФРГ и в Роттердаме.

19 декабря 1975 года в Дюссельдорфе, в офисе Dresdner Bank AG, состоялось подписание уже четвертого аналогичного договора. В нем, однако, появилась специфика в виде третьей стороны — Ирана. Суть заключалась в том, что СССР покупал газ у Ирана, а сам при этом поставлял аналогичные объемы в Германию. Кроме того, часть поставленного газа предназначалась для Франции. Mannesmann-Export AG и Thyssen Rheinstahltechnik GmbH предстояло поставить 1 млн тонн труб большого диаметра и 75 компрессорных станций. Под сделку предусматривался кредит на 1,2 млрд немецких марок.

Переговоры о газовом свопе²¹ между Ираном, СССР и ФРГ начались еще раньше. Во время встречи министра внешней торговли СССР Патоличева с руководством министерства экономики ФРГ в Петерсберге под Бонном 18 мая 1973 года статс-секретарь Роведер сказал, что Западная Германия крайне заинтересована в новых поставках газа из СССР, и указал на возможность схемы с участием Ирана, сославшись на мартовскую встречу председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина с иранским шахом Мохаммедом Реза Пехлеви.

Однако четвертое соглашение, в отличие от предыдущих, реализовать не удалось. О влиянии иранского фактора на развитие российско-европейских газовых отношений можно подробно прочитать в следующей главе.

Наконец, пятый газовый договор Советского Союза с Германией был подписан 31 января 1978 года. Внешторгбанк СССР получил кредит в 600 млн немецких марок сроком на 7 лет с процентной ставкой 6,75% годовых.

За период с 1973 (первый газовый контракт) по 1983 год (завершение строительства газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород») немецкие фирмы поставили в СССР через внешнеторговую организацию «Промсырьеимпорт» около 6 млн тонн труб большого размера, а также другое оборудование для

---

²¹ Своп (англ. *swap*) — торгово-финансовая обменная операция в виде обмена разнообразными активами, в которой заключение сделки о покупке (продаже) сопровождается заключением контрсделки, сделки об обратной продаже (покупке) того же товара через определенный срок на тех же или иных условиях. В общем случае предполагает многопериодный обмен платежами. Своп используется для увеличения суммы активов и обязательств.

магистральных трубопроводов. Кроме того, Внешторгбанк СССР получил приблизительно 7,5 млрд немецких марок кредитов от немецких банков. Ruhrgas AG за 11 лет купила в Советском Союзе 73 млрд кубометров природного газа. (Для сравнения: только в 2017 году российские поставки газа в Германию составили более 53 млрд кубометров.)

Надо отметить, что поставки газа в Восточную и Западную Европу подталкивали друг друга. Строительство первого газопровода в Чехословакию способствовало началу поставок в Австрию. А первые контракты с Австрией, ФРГ и Италией привели к появлению программы расширения поставок газа в страны Варшавского блока. 21 июня 1974 года было подписано Генеральное соглашение о сотрудничестве стран Совета экономической взаимопомощи²² в освоении Оренбургского газового месторождения и строительстве газопровода «Оренбург — Западная граница СССР», впоследствии получившего название «Союз». Началось строительство новой инфраструктуры, которая позже использовалась и для доставки газа «идеологическим противникам» из капиталистического лагеря.

В сентябре 1978 года был сварен последний стык газопровода «Союз» от Оренбургского месторождения до границы СССР и Чехословакии в районе Ужгорода. Труба имела протяженность 2750 км и пропускную способность 26 млрд кубометров газа в год, которую обеспечивали 22 компрессорные станции. Примерно 900 км «Союза» было построено при активном участии интернациональных бригад из Чехословакии, Польши, Болгарии, Венгрии и ГДР²³, но основная нагрузка легла на СССР.

В частности, обсуждая начало стройки в октябре 1974 года, директор по строительству министерства угольной и энергетической политики ГДР К. Кап признался сотрудникам Миннефтегазстройа, что в его стране строительство трубопроводов развито очень слабо — в год прокладывалось всего 300–400 км, причем только небольших диаметров. Немецкая сторона просила СССР взять на себя подводные переходы через реки — эту часть работ в итоге выполнил трест «Союзподводгазстрой». А в октябре 1975 года замминистра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Сорокин выговаривал первому заместителю министра машиностроения и металлургии Болгарии

²² В Совет экономической взаимопомощи входили СССР и страны Восточной Европы, находившиеся под его политическим протекторатом.

²³ Супонев Б. От Оренбурга до Карпат // Техника молодежи. — 1979. — № 10. — С. 4–6.

Харлампиеву за то, что болгарские организации не выполняют обязательств по поставкам материалов, необходимых для строительства участка, закрепленного за болгарской стороной. При этом на строительстве объектов Миннефтегазстрой в октябре 1975 года трудились 5750 болгарских специалистов²⁴.

В строительстве «Союза» активно использовались трубы, комплектующие и оборудование из европейских стран, Японии и даже США. В экономических архивах есть подробное описание разбирательств с итальянской стороной по вопросу поставки некачественных труб большого диаметра компанией Italsider. Дефекты были обнаружены в трубах, поставленных на 4-й участок газопровода «Оренбург — Западная граница СССР» в Кировоградской области²⁵.

Некоторые сложности возникли и с поставками труб фирмы Sumitomo. Японским специалистам пришлось выезжать на трассу, чтобы понять характер проблем. В результате Sumitomo передала советской стороне экструдер своего производства, предназначенный для устранения повреждений изоляции труб.

Одним из важнейших результатов развития советско-западноевропейских отношений в области газовых поставок стало то, что к концу 1970-х годов при помощи целой системы газопроводов север Тюменской области соединили с западной границей СССР. Это была система «Уренгой–Пунга–Вуктыл–Ухта–Торжок–Минск–Ужгород». Длина системы превысила 4000 км, на ней стояли 35 компрессорных станций²⁶, а годовой объем прокачки составил 18 млрд кубометров. И построены эти газопроводы были в основном из немецких труб.

Так российский газ впервые пришел на европейский рынок и закрепился на нем. Но это было только начало. В 1974 году, например, в капиталистические страны было поставлено всего 5,5 млрд кубометров газа, а в страны Варшавского договора — на 60% больше. Занять лидирующее положение в ряду поставщиков Западной Европы Советскому Союзу помогли уже контракты 1980-х годов, которые и являются основным предметом рассмотрения в этой книге.

Первые поставки были всего лишь «газовой форточкой» в Европу. Настоящим же «окном» стал газопровод «Уренгой–Помары–Ужгород».

---

²⁴ Архивные документы.

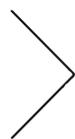
²⁵ Город Кировоград находится на Украине и переименован в Кропивницкий.

²⁶ Боксерман Ю.И. Стратегия развития газовой промышленности России. — М., 1997. — С. 190–192.

|| ГЛАВА

Проект
века —
от Уренгоя
до Эльзаса

1 января 1984 года, всего через 18 месяцев после принятия советским руководством решения о строительстве газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», западносибирский газ с крупнейшего в мире на тот момент Уренгойского месторождения пришел в Западную Европу. Запасы месторождения оценивались более чем в 16 трлн кубометров. Торжественные мероприятия по этому поводу состоялись во Франции, что оказалось несколько неожиданно, но в то же время символично. Французы не были ни основными покупателями по заключенным под «стройку века» контрактам, ни ключевыми поставщиками оборудования для газопровода. Формальная передача газа от «Союзгазэкспорта» к национальному монополисту Gaz de France происходила в австрийском Баумгартене, под Веной. Чтобы попасть к французам, газу Уренгоя предстояло пройти не только Восточную Европу, но и Австрию с Германией. Более того, к середине 1980-х Париж уже сделал главную ставку в развитии собственной энергетики на атомные электростанции, и природный газ для французской экономики стал лишь дополнительным источником утоления энергетического голода.

Тем не менее именно Франция (главный политический «тяжеловес» континентальной Европы того времени) в 1981–1982 годах оказалась на острие борьбы за суверенное право Старого Света самостоятельно определять и вести энергетическую политику, развивать торгово-экономические связи. В этой борьбе капиталистическая Западная Европа (а кроме Франции в «движении сопротивления» американскому диктату участвовали и другие крупнейшие европейские игроки — Германия, Италия и Великобритания) впервые со времен Второй мировой войны объединила усилия с СССР и европейскими соцстранами для реализации колоссального по масштабам того времени проекта. Он обеспечил европейцев на долгие годы ценным сырьем и самым чистым ископаемым энергоносителем, а Советский Союз и его правопреемницу Россию сделал основным поставщиком газа в Европу.

Иранский контракт и его падение под напором исламской революции

История могла пойти и по другому сценарию. За 10 лет до того, как советский газ начал поступать на Запад, сразу несколько европейских компаний стали искать возможности для закупок газа в Иране. Ориентировались они на успешный опыт сотрудничества Москвы и Тегерана в сфере поставок газа.

В январе 1966 года, более чем за два года до первого экспортного контракта с Австрией, СССР договорился о закупках газа в Иране и предоставил поставщику кредит на 289 млн долларов. Их предполагалось использовать в том числе на строительство сталелитейного завода, завода машинного оборудования и газопровода «Бид-Боландский ГПЗ — Астара» (на границе Ирана и Азербайджанской ССР). Контракт подписали на 15 лет (с 1970 по 1985 год), при выходе на плато поставок иранцы должны были качать в СССР около 10 млрд куб. м ежегодно.

Это был взаимовыгодный для двух соседних стран проект. Иран в 1970 году, когда у власти там находился шах Магомед Реза Пехлеви, был крупнейшим производителем нефти на Ближнем Востоке и занимал первое место в мире по экспорту «черного золота». Но уже через несколько лет иранцы безнадежно отстали от Саудовской Аравии и в добыче, и в экспорте, сжигая бесполезно колоссальное количество попутного нефтяного газа (ПНГ). В 1966 году они сожгли его более 13 млрд кубометров, а к 1970 году этот показатель должен был вырасти вдвое. Все попытки правительства страны убедить западный консорциум во главе с Англо-иранской нефтяной компанией (позднее — British Petroleum и BP) утилизировать ПНГ на внутреннем рынке или через экспорт разбивались о нежелание западных инвесторов вкладывать средства в развитие дорогостоящей газотранспортной инфраструктуры на территории Ирана.

Поэтому продажа ПНГ в СССР становилась для Ирана настоящим подарком судьбы, буквально деньгами из воздуха. Цена газа по контракту была зафиксирована на уровне 6,6 доллара за 1 тыс. кубометров и соотнесена с ценой нефти. На момент заключения сделки американский доллар был еще привязан

к золотому стандарту, а баррель ближневосточной нефти, по данным статистического сборника British Petroleum, на протяжении 1960-х годов стоил 1,8 доллара. Таким образом, поставки иранского газа в СССР должны были происходить с 45%-ным дисконтом. В принципе это была вполне рыночная цена с учетом того, что, например, в 2016 году средние цены импорта газа в Европе примерно вдвое меньше котировок нефти марки Brent. Кроме того, строительство газопровода предполагало газификацию основных городов страны по пути следования, включая столицу — Тегеран.

Главное же заключалось в том, что соглашение предусматривало помощь Советского Союза в индустриализации Ирана. Строительство металлургического комбината и машиностроительного завода велось бы частично за счет советских кредитов и при непосредственном участии советских специалистов. Для шаха Мохаммеда Резы Пехлеви соглашение стало вопросом и престижа, и долгосрочной стратегии увеличения промышленно-технологического потенциала страны.

Что касается западных инвесторов, то у них в планах ничего подобного не было. В аналитической записке ЦРУ по советско-иранскому сотрудничеству, подготовленной в июле 1967 года и рассекреченной 31 год спустя, отмечается, что компании из США, Германии, Швеции, Бельгии и Франции посчитали проект металлургического производства в Иране экономически непривлекательным и потому неспособным привлечь внешнее финансирование.

Советский Союз же не только согласился участвовать в проекте, но и успешно запустил к 1972 году Исфahanский металлургический комбинат мощностью 500–600 тыс. тонн стали, а также первый в Иране машиностроительный завод для производства кранов, паровых котлов, сельскохозяйственных машин. К знаниям и умениям советских инженеров прилагался кредит на строительство и заем на закупку вооружения, которые Тегерану предстояло погасить за счет будущих поставок газа.

Около половины из 800 млн долларов финансирования строительства газопровода, металлургического комбината и машиностроительного завода иранцы изыскали самостоятельно, в том числе привлекли 220 млн долларов в британских, французских и немецких банках. Стоимость строительства самого газопровода оценивалась в 350 млн долларов на начальную стадию плюс 100 млн долларов на дополнительные компрессорные станции для выхода с 1974 года на проектную мощность в 16 млрд кубометров в год.

Однако в итоге строительство обошлось почти в 700 млн долларов, из которых 458 млн потратили на первую фазу, а еще 240 млн — на достройку компрессорных станций.

Для СССР сделка тоже была привлекательной сразу в нескольких отношениях. Во-первых, страна получала источник газа для республик Закавказья и юга РСФСР, где локальные запасы истощались, а крупные месторождения разведали уже после заключения контракта с Ираном в том же 1966 году. Речь идет об Оренбургском (почти 1,8 трлн куб. м запасов газа) и супергигантском Уренгойском (свыше 16 трлн куб. м). Во-вторых, открывалась дорога для собственного высокотехнологичного экспорта на перспективный рынок. Для газопровода были изготовлены 34 газовые турбины для компрессорных станций по 10 МВт каждая, а также оказаны услуги по их монтажу и обслуживанию. В-третьих, импорт газа фактически не предполагал оплаты живыми деньгами, а всего за 15 лет планировалось поставить из Ирана в СССР 130 млрд куб. м на сумму 858 млн долларов. После уплаты 12-летних кредитов примерно на 400 млн долларов (включая 110 млн долларов займа, выданного на закупку советского вооружения) и процентов по ним (2,5% годовых) остаток в размере 400 млн долларов направлялся на специальный внешнеторговый счет. Он мог быть использован Тегераном для закупки товаров и услуг у Советского Союза.

Трансиранский магистральный газопровод (ТИМГ-1, или Iran Gas Trunkline, IGAT-1 в западной классификации) протяженностью 1106 км торжественно запустили, как и было оговорено, в 1970 году. Труба начиналась от газоперерабатывающего завода в местечке Бид Боланд (провинция Кужестан) близ границы с Ираком, где располагалась в то время основная группа нефтяных месторождений страны, и тянулась на север, к советской Астаре с ответвлениями к Исфахану и Тегерану. Проектная мощность газопровода составляла 17 млрд кубометров газа в год, из которых 7 млрд предназначались для внутреннего рынка.

Южную часть трубопровода (диаметр трубы 42 дюйма, или 1066,8 мм) по заказу Иранской национальной нефтяной компании (NIOC) проектировала британская инжиниринговая компания Iranian Management and Engineering Group, основанная за пару лет до этого сэром Фредериком Сноу, инженером, создавшим проект лондонского аэропорта Гэтвик. Строила южную часть газопровода в основном французская Entrepouse, которая спустя 40 лет возводила по заказу ВР нефтепровод «Баку–Тбилиси–Джейхан» и Южно-Кавказский

газопровод от месторождения Шах-Дениз в Турцию. Французы также поставили компрессоры для систем сбора газа фирмы Dresser Clark. А субподряд на строительство четырех компрессорных станций получил немецкий промышленный «монстр» Mannesmann.

Северную половину газопровода диаметром 40 дюймов (1016 мм) от Савеха до Астары, а также 30-дюймовое ответвление (диаметр 762 мм) к столице Ирана построил Советский Союз.

Официальный запуск состоялся осенью 1970 года при участии шаха, для которого сотрудничество с Советским Союзом стало в том числе формой давления на своих основных партнеров и в некотором смысле «крестных отцов»²⁷ в Вашингтоне и Лондоне.

Сотрудничество с нашей страной началось после визита в Тегеран в октябре 1963 года председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Брежнева, на тот момент второго лица в государстве. Всего год спустя Брежнев со товарищи добился смещения со всех постов первого секретаря ЦК КПСС и главы Совмина Никиты Хрущева и сам возглавил компартию Советского Союза. А в 1970 году иранский газ в Астаре вместе с шахом принимал Николай Подгорный, занявший после Брежнева пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Высокие лица встретились на только что построенном мосту через реку Аракс, которая служила границей между Российской империей и Персией еще по Гюлистанскому мирному договору 1813 года, а затем вместе отправились в Астару, где лидер Ирана заверил советского руководителя, что «мы со своей стороны будем следовать независимой национальной политике»²⁸.

---

²⁷ В 1953 году США при содействии Великобритании осуществили переворот в Иране, сместив правительство Мохаммеда Мосаддыка, которое двумя годами ранее провело через иранский меджлис закон о национализации нефтяной промышленности страны. Ее контролировала Великобритания через Англо-иранскую нефтяную компанию. Шах, который на время беспорядков уехал с семьей за границу, триумфально вернулся в Тегеран. Тут же новое прозападное иранское правительство под покровительством шаха заключило соглашение о разработке нефтяных месторождений страны с консорциумом Iranian Oil Participants на 25 лет. Англо-иранская нефтяная компания, переименованная в British Petroleum, получила 40%, пять американских концернов — Gulf Oil, Soconal, Esso, Socony, Texaco — по 8% каждый, Royal Dutch Shell — 14%. Кроме того, французской Compagnie Francaise de Petroles (ныне Total) досталось 6%.

²⁸ Gholam Reza Afkhami. *The life and the times of the Shah*. University of California Press. P. 339.

Уже в 1972 году объемы импорта из Ирана составили 8 млрд куб. м, что существенно превосходило экспорт советского газа не только в Западную, но и Восточную Европу. Иранский газ позволил Советскому Союзу обеспечивать нужды Закавказья, высвобождая объемы для экспорта, в том числе и по подписанным в конце 1960-х — начале 1970-х годов контрактам с Австрией и ФРГ. В 1973 году в эти страны было поставлено в общей сложности 2 млрд кубометров советского газа. Даже с учетом экспорта в страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) — Чехословакию, Польшу и ГДР — Советский Союз был нетто-импортером природного газа, закупая сырье у Ирана и Афганистана (афганские поставки начались в 1967 году и достигали 2,5 млрд куб. м в год).

Не все складывалось гладко между партнерами. Первый нефтяной кризис, связанный с эмбарго на поставки нефти странам Запада, которое арабские страны ввели за поддержку Израиля в арабо-израильском конфликте осенью 1973 года, привел к резкому росту цен на нефть. Цены на газ по контракту с ВО «Союзгазэкспорт» тоже росли. С начала поставок и до нефтяного «ралли» они увеличились на 65% — до 10,9 доллара за тысячу кубометров вслед за удвоением нефтяных котировок. Но в 1974 году цена на нефть «улетела в космос»: за считанные недели стоимость барреля утроилась, а к уровню 1960-х годов выросла более чем в 6 раз — с 1,8 до 11,6 доллара за баррель. Тегеран потребовал от Москвы пропорционального роста газовой цены до 42 долларов за тысячу кубометров, но это требование было отвергнуто. В результате поставки из Ирана временно прекратились. Формально это произошло из-за аварии на иранском участке трубопровода, хотя нельзя исключать, что технические проблемы стали следствием коммерческого спора и способом давления на Москву.

Ценовой кризис разрешили довольно быстро. Советский Союз согласился на увеличение цены до чуть более 20 долларов за тысячу кубометров, зафиксированную на три года вне зависимости от роста цен на нефть. Иранцы согласились: видимо, шах Реза Пехлеви понимал, что 20 долларов лучше, чем ничего, и, кроме того, бесперебойные и взаимовыгодные поставки газа позволяют ему экономить на содержании нескольких дивизий на границе с Советским Союзом.

К тому же летом 1974 года активно обсуждалась большая трехсторонняя сделка между Ираном, Советским Союзом и компаниями из Западной Европы об организации поставок иранского газа в Германию, Францию и Австрию транзитом через Советский Союз. Ради ее реализации шаху и его правительству пришлось умерить аппетиты.

Следующее повышение цены — до 28 долларов — произошло в 1978 году и прошло без эксцессов. Однако над Тегераном уже витал призрак больших потрясений. В январе 1979 года шах бежал из страны, а вся полнота власти постепенно перешла к духовному лидеру аятолле Хомейни, вернувшемуся из эмиграции. Первая исламская революция свершилась. В торговых отношениях, в том числе в сфере газового экспорта, царил хаос. «Мы пытались связаться с Иранской нефтяной компанией, с которой у нас был контракт, чтобы заплатить за поставленный газ, но никакого ответа не получали на протяжении нескольких месяцев», — рассказывает ветеран «Союзгазэкспорта» Артур Шахдинаров. При этом сами поставки продолжались практически в полном объеме.

Но после ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года отношения с Ираном резко ухудшились. Уже в феврале 1980 года первый министр нефти Исламской Республики Иран (ИРИ), глава Иранской национальной нефтяной компании Али Акбар Моинфар предъявил Советскому Союзу следующие условия: снижение объемов в 3–4 раза — до 2,5–3,3 млрд кубометров в год с одновременным ростом цены в 5 раз — до 134 долларов за тысячу кубометров. В марте поставки были полностью прекращены. В июле Моинфар официально заявил, что Советский Союз отказался платить за газ 4 доллара за 1 млн британских термальных единиц (БТЕ) (около 144 долл./тыс. куб. м), которые США платят за импортный газ Канаде и Мексике. На что СССР якобы предложил Ирану попробовать продать газ Соединенным Штатам.

Впрочем, выставление неподъемных и бескомпромиссных требований по цене со стороны Тегерана имело не столько политические, сколько ресурсные причины. Добыча попутного нефтяного газа в Иране упала вслед за падением производства нефти, которое в 1980 году составило всего 74 млн тонн — в четыре раза меньше, чем в дореволюционном 1977 году.

Всего же за девять с небольшим лет из Ирана в Советский Союз поступило около 70 млрд кубометров газа. За этот же период в Западную Европу было поставлено 89 млрд кубометров, а в страны СЭВ — почти 102 млрд. В 1979 году нетто-экспорт из СССР превышал 35 млрд куб. м газа в год. А добыча после ввода Оренбургского (1976 год) и Уренгойского (22 апреля 1978 года) месторождений начала стремительно нарастать, обеспечивая внутренние нужды страны и расширяя возможности для экспорта в Европу. Газ Оренбурга,

который предстояло в полном объеме экспортировать в Восточную Европу по газопроводу «Союз» («Оренбург — Западная граница»), в первое время не мог туда идти физически.

«Оренбургское месторождение оказалось „сероводородным“ с примесями гелия, поэтому просто взять газ из скважины и поставить его потребителям было нельзя, — вспоминает Сергей Сердюков, бывший в то время инженером группы по надзору за строительством объектов Домбаровского линейно-производственного управления магистральных газопроводов. — Газ нужно было переработать, это требовало времени и технологий. А поскольку уже имелись обязательства по поставкам с Оренбурга на экспорт в Европу, пришлось срочно строить перемышку Домбаровка–Оренбург. Цель — перебросить часть газа, шедшего с Газли²⁹ на Урал, в экспортную систему. Переработка сероводородного газа для Советского Союза того времени стала новым вызовом. Даже в мировом масштабе таких технологий практически не имелось. И только французы сказали, что у них есть опыт работы на подобных объектах. Требовалось перейти на другой уровень в технологиях и материалах — например, отказаться от использования черных сталей. Только нержавейка. Кроме того, осуществили переход на другое качество автоматизации. На этом мы, кстати, погорели. Решили сэкономить, купив не французское оборудование, а болгарскую машину М6000. Она не смогла обеспечить должную работу перерабатывающего комплекса, что привело к задержкам с поставками газа в систему».

Очистить оренбургский газ до нужной кондиции на перерабатывающем заводе не получалось — в транспортную систему попадало чуть больше серы и примесей, что приводило к штрафным санкциям со стороны потребителей. А за счет смешивания с газом Газли удавалось улучшить качество.

По мере наращивания поступления в систему газа из Западной Сибири, «сернистый» газ Оренбургского месторождения стал использоваться для обеспечения юга РСФСР и Северного Кавказа, замещая в том числе внезапно прекратившиеся поставки из Ирана.

---

²⁹ Газли — месторождение в Узбекистане, составлявшее основу добычи газа в советской Средней Азии до обнаружения Советабдского месторождения в Туркменистане.

Иранский газопровод — 2

В середине 1970-х годов главной импортной перспективой для Западной Европы, почувствовавшей аппетит к газу, был не советский газ, а иранский. Достаточно успешная и быстрая реализация газопроводного проекта IGAT-1, а также рост добычи нефти в Иране, за которым следовало увеличение производства попутного нефтяного газа, открывали перспективы для развития иранского экспорта.

Первую попытку нарастить поток газа из Ирана предпринял Советский Союз. Еще в 1967 году во время переговоров о совместных проектах советская делегация предложила ускорить строительство газопровода IGAT-1 и обеспечить экспорт 10 млрд куб. м начиная с 1970 года. Но Тегеран не проявил интереса к этой идее, так как она требовала новых живых инвестиций, а оплата газа живыми деньгами не была предусмотрена. Тогда Москва заявила, что может увеличить закупки до 20 млрд куб. м, если Иран самостоятельно профинансирует строительство второй нитки трубопровода и допустит СССР к геологоразведке на территориях, не входивших в соглашение с западным консорциумом. Но стороны не достигли взаимопонимания: Ирану требовалась оплата живыми деньгами и в твердой валюте.

К тому же параллельно интерес к иранскому газу стали проявлять европейские компании. Французская инжиниринговая компания Sofregaz предложила правительству Ирана построить газопровод через Турцию и Балканы до итальянского Триеста. Но эта идея была обречена. Строить трубу длиной в несколько тысяч километров через три транзитные страны, да еще какие — Турция, Греция и Югославия — в то время было совершенно невысказимо.

Французы крайне активно вели себя в Иране, пытаясь, выражаясь современным языком, захеджировать риски от потери алжирской колонии и одновременно поучаствовать в разделе ближневосточного нефтяного пирога. Несмотря на подписание в марте 1962 года Эвианских соглашений, положивших конец франко-алжирской войне и открывших путь к независимости Алжира (официально объявленной три месяца спустя), французские компании

сохранили контроль над алжирскими нефтегазовыми концессиями, отделавшись лишь увеличением ренты. В ту пору эта североафриканская страна считалась самой богатой углеводородами. Но Париж понимал: рано или поздно полная национализация произойдет.

Иран времен правления шаха выглядел крайне перспективным местом и готов был предоставлять иностранным компаниям, не имевшим доли в консорциуме Iranian Oil Participants (IOP), свободные площади для геологоразведки на их страх и риск. Первый иранский опыт французской государственной нефтяной компании *Entreprise de recherches et d'activités pétrolières (ERAP)*, создавшей консорциум со своей «дочкой» *Société Nationale des Pétroles d'Aquitaine (SNPA)* (где 49% принадлежало частным инвесторам) и Иранской национальной нефтяной компанией *Farsi Petroleum Company*, оказался неудачным. Они не нашли углеводородов.

Тогда, в 1969 году, французы сформировали более широкий консорциум — Европейскую группу нефтяных компаний (EGOCO), которая получила права на разведку в юго-западной части Ирана. Помимо ERAP и SNPA, к поиску нефти и газа в Иране в рамках группы присоединились итальянская AGIP («дочка» Eni), бельгийская Petrofina (в 1999 году поглощена французской Total), испанская Hispanoil (впоследствии стала составной частью Repsol) и австрийская OMV. Именно EGOCO сделала важнейшие открытия газовых месторождений на суше и в море в провинции Фарс. Самым значимым из них стало газовое месторождение Канган с запасами свыше 800 млрд куб. м. Всего консорциум обнаружил около 1,5 трлн кубометров запасов газа. По большому счету для европейцев это стало достаточно большим разочарованием, так как они искали «большую» нефть, а нашли «большой» газ. Им еще предстояло придумать, как с этим быть и как договориться с иранской госкомпанией о разработке найденных ресурсов.

Примерно в то же время британская компания Shell Oil Company обнаружила в море недалеко от Кангана перспективную структуру «С» с запасами более 1 трлн куб. м природного газа, ставшую первым крупным офшорным открытием в Персидском заливе. В начале 1970-х та же фирма Shell пробурит скважину на другой стороне залива, у берегов Катара — так на газовой карте мира появится крупнейшее на сегодняшний день месторождение «Северный купол — Южный Парс», которое делят между собой Катар и Иран, с извлекаемыми запасами около 30 трлн куб. м.

О наличии «Южного Парса» в Тегеране тогда ничего не знали. Однако национальная компания не собиралась уступать освоение открытых европейскими геологоразведчиками ресурсов, объявив над ними свой суверенитет. Тем более что за иранским газом начала выстраиваться очередь из американцев, бельгийцев, японцев и Советского Союза. Шах Реза Пехлеви всячески поощрял конкуренцию, намереваясь извлечь из покупателей наилучшие условия продажи. Компании из Японии, США и Бельгии предлагали строить СПГ-терминалы в Персидском заливе и даже на средиземноморском побережье Турции — Суэцкий канал был полностью перегружен нефтяным трафиком, и чтобы попасть в Европу или США из Персидского залива, пришлось бы делать крюк вокруг мыса Доброй Надежды.

Крупнейшее предложение о производстве до 31 млрд куб. м газа в год в виде СПГ поступило от совместного предприятия американской компании El Paso и бельгийской компании Distrigaz. Технология получилась дорогой, накладные расходы были очень велики, а запросы Ирана по цене не слишком скромны. Предварительно стоимость завода оценивалась в 6 млрд долларов (по данным аналитической записки ЦРУ от 1983 года), что в четыре раза превышало стоимость газопровода до границы с Советским Союзом.

Помимо СПГ-проектов, за иранское сырье конкурировали и трубопроводные маршруты. Чуть раньше с подачи Епі началось обсуждение поставок газа в Италию. 23 февраля 1973 года шах катался на горных лыжах в швейцарском Санкт-Морице в сопровождении президента итальянского концерна Раффаэле Джиротти. Пехлеви помнил, что именно отец-основатель Епі Энрико Маттеи первым предложил Ирану формулу сотрудничества в нефти 75:25 в пользу экспортера, тогда как англо-американский консорциум IOF работал на условиях 50 на 50. Шах выразил уверенность, что плодотворное «сотрудничество в духе Маттеи» будет продолжено между Ираном и Италией и в газовом бизнесе.

Но сказать оказалось проще, чем сделать. Итальянцы предлагали несколько вариантов доставки газа до Апеннинского полуострова. Самый короткий, полностью сухопутный маршрут через Ирак, Сирию, Турцию, Грецию и Югославию протяженностью более 4000 км выглядел не слишком реально. По сути, это был «дедушка» широко известного многострадального проекта Nabucco, который в начале 2000-х годов придумали для доставки газа из Ирана в Юго-Восточную Европу. И «дедушка», и «внук» так и остались «бумажными тиграми».

Второй вариант — комбинированный — предполагал подачу газа трубой до турецкого порта Искендерон, что всего в 100 км от сирийского Алеппо, а затем его сжижение и поставку газозовозами на север Италии, в порт Монфальконе. Рассматривалась и идея строительства СПГ-завода непосредственно в Иране.

Мы уже упомянули вкратце о том, что 9 августа 1973 года в Москве руководители Ruhrgas Шельбергер и Лизен встретились с заместителем министра внешней торговли СССР Николаем Осиповым. Они рассказали ему о двух основных вариантах доставки газа из Ирана в Европу, предложенных «дочкой» Eni — компанией SNAM. Объем планировавшихся поставок по тем временам был очень большим — 40–45 млрд куб. м. Правда, Осипов в ходе беседы отметил, что иранцы называли иные объемы — 25 млрд куб. м, из которых товарного газа только 15 млрд куб. м.

Руководство Ruhrgas уверяло, что для них более интересным было бы участие в этих поставках Советского Союза. Клаус Лизен рассказал о своем визите в Иран в апреле 1973 года и беседе с шахом. Возник вариант с поставкой из Ирана 10 млрд куб. м газа в год, из которых 5 млрд предоставлялись бы СССР в оплату доставки остальных пяти до границы ЧССР — ФРГ. Немцы предлагали вариант свопа — использовать весь иранский газ в Закавказье, а в ФРГ поставлять уже советский. Иран был готов построить газопровод от Сараха до Астары за счет ФРГ и СССР: Германия брала бы на себя поставку труб и компрессорных станций, а Советский Союз — трубоукладку и ввод в эксплуатацию.

Руководство Ruhrgas AG также предлагало и другой вариант: создать консорциум, в который вошли бы Gaz de France и Eni. Консорциум мог бы построить газопровод по трассе Астара–Баку–Ростов–Харьков–Киев–Ужгород. Общая длина трассы составила бы 5615 км. Вариант был на 200 км длиннее трубы через Турцию, Грецию, Югославию и Италию до границы ФРГ, но немцы считали его более надежным. Капитальные вложения во второй вариант Ruhrgas AG оценил в 8–10 млрд немецких марок, из которых 60% пришлось бы на поставки из Германии труб и оборудования, а 40% закрыла бы Москва строительными услугами³⁰.

³⁰ Запись беседы Н.Г. Осипова, которая находится в Российском государственном архиве экономики, приведена в Приложении 2.

Через несколько месяцев, в ходе переговоров по пересмотру цен на газ по первому Иранскому газопроводу, Москва предложила Тегерану заключить первую в истории газовой отрасли экспортную транзитно-своповую сделку. Замминистра внешней торговли Осипов на переговорах с главой Национальной нефтяной компании Ирана заявил, что если построить ТИМГ-2 (IGAT-2) до Астары, то советская сторона обеспечит транзит иранского газа в Западную Европу.

Через месяц после визита советской делегации посол США в Тегеране отправил в Вашингтон телеграмму. В ней сообщалось, что глава иранской нефтяной компании отправляется в Москву обсуждать трехстороннюю сделку.

Уже в январе 1974 года для переговоров с иранцами вылетел член правления немецкой компании доктор Буркхардт Бергманн.

Буркхардт Бергманн

«Пока в 1974–1975 годах шли переговоры, мне пришлось более 20 раз приезжать в Тегеран. Это были крайне сложные переговоры, потому что требовалось достичь договоренности между Ираном, Советским Союзом и потребителями в Европе. В результате мы добились успеха и в 1975 году подписали договор в Тегеране. Но вообще изначально это было предложение Советского Союза. Москва сама рекомендовала Иран в качестве поставщика газа и хотела выступать только в качестве транзитера. Видимо, Советский Союз решил, что сможет зарабатывать необходимую стране валюту с помощью иранского газа, не продавая собственные ресурсы. В плане транспортировки проект был выгоден для Советского Союза: южные регионы СССР обеспечивались иранским газом, и не пришлось бы строить дорогостоящий газопровод из Западной Сибири на юг страны. Может быть, в тот момент руководство СССР поняло, что не в состоянии так быстро увеличить добычу для поставок и на внутренний рынок, и на

экспорт. Еще одна вещь, вероятно, сыграла свою роль: Иран в то время начал думать об экспорте сжиженного газа. В таком случае Советский Союз не участвовал бы в проекте и не получал от него никаких выгод — только нового конкурента».

На вопрос, почему немцы отказались от варианта со сжиженным газом, для реализации которого предлагалось построить регазификационный терминал в Вильгельмсхафене (Германия так и не построила его, сделав ставку на импорт экономически более привлекательного и надежного трубопроводного газа), Б. Бергманн ответил: «Потому что поставки газа из Советского Союза были для нас более реальными в той ситуации. Мы усматривали большие риски в варианте СПГ, предполагавшем осуществление инвестиций в Иране. В трехстороннем формате мы увидели большие преимущества. Лишним доказательством нашей правоты стало то, что до сих пор — а прошло уже более 40 лет — сжиженного газа из Ирана не существует».

Поскольку Ruhrgas добился права вести переговоры о закупках газа от имени европейского консорциума, итальянская компания SNAM, также рассматривавшая вариант закупки иранского газа через СССР, отказалась от этой идеи, сосредоточившись на проекте газопровода из Алжира. Контракт на поставку 12,3 млрд куб. м газа между Eni и Sonatrach был подписан в 1977 году, после чего началось проектирование и строительство газопровода TransMed от гигантского месторождения Хасси-Рмель в Алжире (с запасами 2,5 трлн куб. м газа) через Тунис и Средиземное море на Сицилию. Возможно, сказались и то, что итальянцы не захотели наращивать закупки газа, поступавшего со стороны Советского Союза. Весной 1975 года они увеличили объем контракта с «Союзгазэкспортом» с 6 до 7 млрд куб. м, что и так довело долю советского газа в итальянском балансе до 25–30%.

Но и без итальянцев консорциум по закупке газа из Ирана получился представительным. В него также вошли Gaz de France и OMV. Сделка не поражала масштабом, но в то же время была оформлена достаточно быстро, учитывая сложность многосторонних переговоров. Контракты между NIOC, ВО «Союзгазэкспорт», Ruhrgas AG, Gaz de France и OMV были подписаны 30 ноября 1975 года.

Предполагалось, что Иран за свой счет построит вторую нитку газопровода IGAT от Канганского месторождения до Астары и после выхода на проектную мощность будет передавать на границе Советскому Союзу 17 млрд куб. м газа

(еще 11 млрд куб. м иранцы планировали поставлять по той же трубе на внутренний рынок). Сначала считалось, что 4 млрд куб. м отойдут Советскому Союзу и Чехословакии в качестве топливного газа, а сама плата за транзит составит 14 долл./тыс. куб. м — треть от цены на границах Чехословакии с Германией и Австрией. Москва и Прага по своему усмотрению поделят деньги и газ пропорционально расстоянию транспортировки и расходам. Чехословакия хотела получить больше газа, но в итоге решили, что она будет покупать эти 4 млрд куб. м у Ирана за твердую валюту по западноевропейской цене, а ставка транзита вырастет до 23 долл./тыс. куб. м (40% от цены для Германии).

Из оставшихся 13 млрд куб. м 50% законтрактовал Ruhrgas AG (6,5 млрд куб. м), 33% — Gaz de France (4,3 млрд) и 17% — OMV (2,2 млрд). Срок контрактов составлял 20 лет — до наступления нового века. Физически иранский газ не приходил бы в Европу, а использовался для газификации в европейской части СССР. Поставки европейцам компенсировались бы за счет газа Западной Сибири. Тем не менее в ходе подготовки к реализации контракта с Ираном австрийская OMV установила в газораспределительном хабе в Баумгартене четвертую газоизмерительную станцию, которая так и называлась — «Иранская». Прошло 40 лет, станция «Иранская» существует до сих пор, но газ из Ирана в Австрию так и не пришел.

Входившая тогда в Eni компания Saipem, несмотря на выход итальянцев из закупочного консорциума, получила контракт на строительство крупнейшего участка второго иранского газопровода — 630 км от месторождения до Исфахана. «Дочке» французской Entrepouse, строившей IGAT-1, досталась укладка 300 км до Кома, а советским инженерам предстояло построить остаток газопровода до Астары (487 км).

Любопытно, что попытки руководства Ruhrgas AG продать в состав подрядчиков на иранской территории немецкий концерн Mannesmann провалились. Однако Советский Союз привлек немецкую кредитную линию, а также заключил договор на поставки труб и оборудования для расширения системы поставок газа в рамках иранского договора.

Между «Промсырьеимпортом», Mannesmann-Export AG и Thyssen Rhestahl Technik GmbH была заключена сделка на поставку 1 млн тонн труб большого размера и 75 компрессорных станций. Для реализации сделки консорциум немецких банков под руководством Deutsche Bank AG должен был предоставить

10-летний кредит в размере 1,2 млрд немецких марок под 7,35% годовых при 95% страховании по линии агентства экспортного кредитования «Гермес».

Однако Москва так и не воспользовалась этим кредитом. «С одной стороны, затягивалась прокладка газопровода от иранских месторождений до советской границы, и основная сделка по поставке труб не была осуществлена. С другой стороны, советская сторона выразила желание отойти от жесткой связи „газ за трубы“, чтобы иметь возможность покрыть свои потребности в трубах на мировом рынке на выгодных условиях. Интересные коммерческие предложения поступали советским заказчикам из Италии и Японии», — говорится в книге немецкого исследователя, автора корпоративной истории Deutsche Bank AG Манфреда Поля³¹.

Стройка началась в 1978 году, но до начала Исламской революции успели проложить лишь треть трассы. Пришлось экстренно сворачивать работы.

Буркхардт Бергманн

«Потом появился аятолла Хомейни, и все кончилось. Я получил телеграмму, в которой говорилось, что договор больше не существует, так как он никогда не являлся волей народа. Послание было подписано неким лицом, о котором я даже не знал, есть ли у него какая-то должность, занимает ли он какую-то позицию. Я полетел в Тегеран. На частном самолете, с двумя командами. Одна команда осталась в самолете, а другая пошла со мной в гостиницу на переговоры. Гостиница была почти пуста. Там жила какая-то небольшая делегация из ООН. Это была крупная гостиница, обычно заполненная, а теперь всюду в окнах, на

³¹ Manfred Pohl. *Geschäft und Politik: Deutsch-russisch / sowjetische Wirtschaftsbeziehungen 1850–1988* Hase & Koehler, 1988. P. 158.

балконах виднелись дырки от выстрелов. Это было очень неприятно. Когда я прибыл в аэропорт, там находилось много молодых мужчин, причем не в военной форме, они взяли мой паспорт и начали в нем что-то писать на фарси».

Бергманну пришлось срочно вернуться назад, трехсторонний контракт действительно прекратил свое существование. Иран сумел достроить газопровод собственными силами до Кома только в 1990-е годы. Месторождения Нар и Канган стали основой газоснабжения на внутреннем рынке до начала эксплуатации «Южного Парса».

Европа экстренно искала дополнительные объемы газа из других источников. «Большой» западносибирский газ, к добыче которого Советский Союз только что приступил, оказался как нельзя кстати. «И мы, Европа, и Советский Союз оказались в очень сложном положении, потому что уже начали строительство для реализации иранского проекта. Тогда мы очень быстро нашли друг друга. Мы подумали: „Почему бы нам не прийти к такому соглашению, в котором будут участвовать только Советский Союз и европейские страны?“ — подытожил бывший глава Ruhrgas AG.

Компрессорный бум

Сейчас это сложно представить, но во второй половине 70-х годов XX века существовали большие сомнения в том, что СССР станет действительно крупным поставщиком газа в Европу. Скепсис имел место не только в странах капиталистического Запада, но и в Москве, где не планировали делать ставку на наращивание экспорта природного газа. Газовая отрасль требовала к себе не только особого внимания с точки зрения безопасности, но и иных подходов, масштабных капиталовложений в инфраструктуру, новых технологий и материалов не только в добыче, переработке и транспортировке, но и в потреблении. Возникали экстравагантные идеи от «замедлить» разработку западносибирского газа до «отложить» его на неопределенный срок.

Но трехкратный рост цен на нефть в результате арабского эмбарго 1973 года на фоне резкого увеличения добычи и экспорта советского «черного золота» (с 1965 по 1975 год эти показатели выросли на 100 и 55% соответственно) направил в страну поток нефтедолларов. Финансовые возможности позволили нарастить инвестиции в освоение газовых месторождений Западной Сибири и строительство системы газопроводов, а также закупить в капиталистических странах необходимые для этого материалы и оборудование.

Первые сделки «газ — трубы» в конце 1960-х годов и последовавшее затем расширение товарооборота между Советским Союзом и капстранами показали возможность приобретения не только импортных труб, но и сложных высокотехнологичных агрегатов для компрессорных станций, газовых промыслов и газохимических заводов. Несмотря на продолжавшуюся холодную войну (пусть и несколько потеплевшую со времен Карибского кризиса), Запад готов был не только покупать советское сырье, но и осваивать зарождающийся гигантский рынок, обслуживающий строительство крупнейшей в мире интегрированной газотранспортной системы.

О том, как все это начиналось в СССР, вспоминает Геннадий Ильин, в то время работавший сотрудником отдела цен Всесоюзного объединения (ВО) «Машиноимпорт».

Геннадий Ильин

«В 1974 году Мингазпрому впервые выделили 250 млн долларов для приобретения газоперекачивающего оборудования. Но в условиях существовавшей тогда монополии на внешнюю торговлю закупки за рубежом осуществляло Министерство внешней торговли по спецификациям и техническим требованиям Мингазпрома. А нефтегазовым оборудованием

в системе МВТ занималось ВО „Машиноимпорт”³². На эту сумму требовалось купить 67 единиц газоперекачивающих агрегатов (ГПА) единичной мощностью 10 МВт и станционное оборудование для 17 газоперекачивающих станций. В комплект станции входили шаровая арматура большого диаметра на входном и выходном газопроводе станции, входные очистные скрубберы, охладители газа (он нагревается во время сжатия, и его надо охладить для запуска в газопровод), система станционных газопроводов, электрика, автоматика и т.д.».

По словам Юрия Зайцева, тогда заместителя начальника управления транспортировки и поставки газа Мингазпрома СССР, станции должны были обеспечить транспортировку газа по первому советскому экспортному магистральному газопроводу «Оренбург — Западная граница».

Юрий Зайцев

«Сабит Атаевич³³ неожиданно назначил закрытое совещание, на которое помимо руководства министерства пригласили несколько специалистов по газоперекачивающим агрегатам, в том числе и меня. Тему совещания никому не сказали. И потребовалось с листа дать предложения по основным параметрам оборудования. Главный вопрос — 25 МВт или 10 МВт на ГПА. Выбрали 10 МВт, так как именно такая мощность на тот момент позволяла оптимально совместить характеристики компрессоров и линейной части газопровода».

³² Глава ВО «Машиноимпорт» Волчков был личным другом Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. *Прим. авторов.*

³³ С.А. Оруджев, министр газовой промышленности СССР с 1972 по 1981 год.

Геннадий Ильин

«Заказ следовало разместить как можно быстрее. Для ВО „Машиноимпорт” такой масштабный заказ на сложное комплектное оборудование стал первенцем. Главная задача заключалась в определении рыночной цены, так как согласно жестким правилам МВТ нельзя вступать в переговоры с иностранным партнером, не определив предварительно конкурентную цену предложенного оборудования на свободном рынке.

Ситуация же на рынке с ценами на этот товар в то время была, мягко говоря, не в пользу покупателя. Американская фирма General Electric (GE) являлась, по сути, монополистом по ключевой позиции — газовой турбине. Производителей газовых турбин на Западе насчитывалось, может быть, более десятка, но все они выпускали одновальные турбины для производства электроэнергии. Для привода газоперекачивающих компрессоров требовались двухвальные турбины, позволявшие производить регулировку оборотов и нагрузки компрессора. GE выпускала такие турбины для строительства масштабного трубопровода с Аляски и для установки на военных судах.

Был период политической разрядки, поэтому сделка, по которой даже переговоры еще несколько лет назад выглядели абсолютно невыполнимыми, все же перешла в стадию обсуждения. Американцы сделали нам предложение на поставку. Оставалось дело за малым — договориться о стоимости, а для этого нам, как ВО „Машиноимпорт”, предстояло определить расчетную цену. Поскольку конкурентных предложений не было, пришлось очень непросто.

Руководство нашего отдела приняло мое предложение „расчленив” общую цену на ГПА и станционное оборудование на отдельные составляющие и оценить ее по совокупности аналогов этих составляющих на свободном рынке. С моим подходом согласилось и руководство ВО „Машиноимпорт”.

Американцы удивились нашему требованию „расчлени́ть” цены и долго упирались, запрашивали „центр”, но в конце концов сдались и предоставили разбивку цен по группам оборудования, входящим в заказ. Всего предварительно мы с сотрудниками Мингазпрома наметили более 20 групп такого оборудования.

На расчеты у меня и моего коллеги, старшего инженера конторы „Энергосила” Олега Самсонова ушло полтора месяца. Олег — выпускник МВТУ им. Н.Э. Баумана, прекрасно владел американским английским, так как в 1944–1947 годах его отец представлял СССР в комиссии по ленд-лизу, работая в США, и Олег учился в американской школе. Информацию мы собирали, что называется, с миру по нитке. Например, трубы, фитинги и другие трубопроводные элементы нашли в „Технопроимпорте”, закупавшем прокат и трубы. Похожие входные очистные скрубберы обнаружались в „Техмашимпорте”. Близкая по параметрам арматура оказалась в конторе „Арматура” в структуре ВО „Машиноимпорт” и т.д. Компрессоры успели запросить у пары изготовителей, имевших в Москве свои представительства, так получалось быстрее. Конечно, по некоторым позициям пришлось воспользоваться справочными материалами. Так, например, справочная цена газовой турбины GE нашлась в журнале *Gas Turbine World*, который мы раздобыли через знакомых „фирмачей”³⁴.

Расчетная цена утверждалась на совещании у самого министра внешней торговли Николая Патолечева. Переговоры по согласованию условий контракта прошли в Мингазпроме под руководством министра Сабита Оруджева. Со стороны „Машиноимпорта” участвовали заместитель генерального директора Нехорошев и директор фирмы „Энергосила” Игорь Мачильский. В ходе переговоров утвержденная расчетная цена была согласована, и мы получили скидку от их первоначального предложения примерно в 17%, что в итоге устроило все заинтересованные стороны. А я удостоился благодарности министра с записью в трудовую книжку. В дальнейшем благодаря усилиям и умению убеждать, которыми отличался начальник отдела цен, а позднее заместитель генерального директора ВО „Машиноимпорт” Юрий Тер-Саркисов, этот метод стал основным при расчете цен на любое комплексное оборудование,

³⁴ Так сотрудники советских ведомств и предприятий называли представителей иностранных компаний, торговавших с Советским Союзом.

закупавшееся объединением. Именно Тер-Саркисов смог убедить свое руководство и МВТ в целесообразности размещения таких заказов путем выезда комплексных бригад в страну основного поставщика. Трудности заключались в том, что МВТ не могло и не хотело тратить значительные средства на командировки больших групп сотрудников на долгие сроки. А преимущества покупатель при выезде в страну продавца получал существенные.

Во-первых, выезжавшие в составе группы сотрудники Мингазпрома — как правило, главные специалисты или начальники отделов — освобождались от текущей работы и полностью посвящали себя проблемам закупки оборудования. Во-вторых, они получали возможность неограниченно общаться с представителями продавца и, таким образом, оперативно решать совместно все возникавшие вопросы и проблемы. В-третьих, могли консультировать „коммерсантов” из ВО „Машиноимпорт” по всем техническим аспектам оборудования, отбираемого на рынке, для определения правильной конкурентной цены. Это позволяло более точно определять расчетные цены и избегать ошибок при формировании заказа.

„Машиноимпорту” выезд группы, прежде всего, обеспечивал быстрый и легкий доступ к получению коммерческой информации с рынков оснащения и ее уточнение или использование в переговорах с основным продавцом комплектного оборудования. Любой поставщик отдельных видов оборудования имел возможность по приглашению с нашей стороны быстро прибыть на переговоры и при наличии хорошей цены участвовать в выполнении заказа.

Потребовалось специальное решение ЦК КПСС о выделении средств на эти поездки. Но игра стоила свеч. Все окупилось не одной сотней миллионов долларов экономии при уторговывании предложений генпоставщиков.

Последующие сделки на поставку комплектных газоперекачивающих станций для проекта „Оренбург — Западная граница” (газопровод для соцстран Европы), газопроводов „Уренгой—Челябинск” с фирмой CooperRolls и „Уренгой—Помары—Ужгород” осуществлялись с выездом группы в страны генпоставщиков. По мере накопления информации и опыта метод все более расширялся и углублялся. Он достиг апогея

при размещении заказа для газопровода „Уренгой–Помары–Ужгород“, где к простому разделению цен добавили принцип *cost plus fee* (затраты плюс вознаграждение).

Генеральный поставщик получал лишь некоторую комиссию к ценам производителей, хотя до этого цену поставки определяли в переговорах именно с ним. Такой подход усилил конкуренцию между производителями однотипного оборудования и упростил замену дорогих производителей на более дешевых без потери качества.

Надо отметить, что описанный метод коммерческого размещения заказа на комплектное оборудование не был высшим достижением коммерческой науки. В мире существуют и другие, более совершенные методы, например *open book* („открытая книга“). Просто тогда мы не доросли до этого».

Выбор технологии был очень важен. В то время основная технология транспортировки газа предполагала использование тяжелых стационарных машин. Но ход набирала и перспективная альтернатива — газоперекачивающие агрегаты на базе авиационных двигателей. Ноу-хау принадлежало созданной в 1965 году англо-американской компании CooperRolls — совместному предприятию американской компании Cooper Industries Inc., уже сто лет производившей компрессорное оборудование, и знаменитого британского производителя авиадвигателей Rolls-Royce. Направление стало весьма перспективным, так как ГПА с авиаприводом обеспечивал гораздо большую экономическую эффективность за счет использования отработанных самолетных двигателей и относительной простоты монтажа по сравнению с турбогруппой стационарного ГПА. Достаточно сравнить массу двух блоков: 46,5 тонны весил стационарный вариант и всего лишь 3,5 тонны — авиационный. Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин лично поручил министру газовой промышленности Сабиту Оруджеву изучить возможность приобретения новомодных в то время легкопромышленных ГПА.

В декабре 1976 года было подписано соглашение стоимостью 100 млн фунтов стерлингов (около 190 млн долларов) на поставку 42 газотурбинных модулей по 12 МВт каждый с отработавшими летный ресурс двигателями Avon. Они предназначались для оснащения шести компрессорных станций нового газопровода «Уренгой–Челябинск», по которому уренгойский газ начал поступать на промышленные комплексы Урала.

Уже через 11 месяцев в порт Мурманска из Ливерпуля прибыл первый груз. Англичане рассчитывали, что станут единственными поставщиками на многие годы вперед. Но в СССР активно трудились над созданием собственных ГПА на основе авиационных двигателей. Все понимали, что способность производить аналоги в этой сфере — не только вопрос национального развития, но и насущное требование энергетической безопасности. Прекращение поставок запасных частей или новых агрегатов могло в любой момент нарушить работу жизненно важных для страны систем газоснабжения.

Еще в 1972 году был изготовлен первый советский агрегат с авиаприводом мощностью 6,3 МВт, а через два года их стали активно устанавливать на строящиеся газопроводы. Однако возможности отечественной техники были почти вдвое скромнее закупленных импортных аналогов и почти в 2,5 раза ниже, чем у самых мощных образцов, которые Советскому Союзу англосаксы продать отказались.

Поэтому параллельно с большой закупкой у CooperRolls встала задача освоить выпуск собственных машин мощностью 16 МВт к 1980 году. Эту работу активно вел первый заместитель министра газовой промышленности Василий Динков³⁵. За ее успешное выполнение он вместе с коллегами получил Государственную премию СССР за 1980 год. А в 1982 году первые восемь компрессорных станций газопровода «Уренгой–Центр» оснастили 16-мегаваттными агрегатами советского производства. Впоследствии наличие этой технологии позволило успешно нивелировать негативные последствия эмбарго Рональда Рейгана на поставки в СССР оборудования для реализации проекта века — «Уренгой–Помары–Ужгород» — от закупки импортных ГПА на авиационных турбинах для экспортного газопровода Советский Союз отказался из-за слишком высоких политических рисков.

---

³⁵ В 1981 году, после смерти С. Оруджева, В. Динков стал министром газовой промышленности СССР, а с 1985 по 1989 год — министром нефтяной промышленности СССР.

Газ помимо нефти. Переговоры 1978–1981 годов

Увеличение экспорта нефти стало серьезнейшим дополнительным источником денег для страны. Однако уже в конце 1970-х годов возник вопрос: сможет ли Советский Союз постоянно поддерживать высокие темпы роста ее добычи. И хотя исторические рекорды советские нефтяники поставили в 1987–1988 годах, наращивание производства и экспорта «черного золота» давалось все сложнее. Руководство страны, в котором ключевой для экономики пост главы Госплана занимал нефтяник, нарком нефтяной промышленности времен Великой Отечественной войны Николай Байбаков, прекрасно понимало, что эпоха быстрого наращивания добычи и экспорта подходит к концу.

Однако к тому времени серьезного роста добычи в Западной Сибири добились газовики. В 1977 году на проектную мощность в 75 млрд куб. м в год вышло месторождение Медвежье. Через год в систему стал поступать газ с Уренгойского месторождения (Табл. 1).

В планах разработки на ближайшую пятилетку уже стоял следующий гигант — Ямбург с его 10 трлн куб. м геологических запасов природного газа. В 1970 году в Союзе добывалось чуть менее 200 млрд куб. м газа, через пять лет — 290 млрд куб. м, а в 1980 году производство достигло 435 млрд куб. м. Более того, планом на 11-ю пятилетку было предусмотрено, что добыча газа

Таблица 1. Добыча природного газа на Уренгойском газоконденсатном месторождении, млрд куб. м

Годы	1978–2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Добыча	6000	98,9	100,2	105,7	95,1	90,6	85,5	89,8

вырастет еще на 45%, или 195 млрд куб. м. В результате план перевыполнили и в 1985 году добыли 645 млрд куб. м, значительно опередив американцев.

Западносибирское «газовое Эльдorado» открывало перед СССР перспективы наращивания не только внутреннего потребления, но и экспорта в Западную Европу. Очередной пятилетний план развития страны предусматривал рост удельной доли газа в энергетическом балансе с 26 до 32%.

В конце марта 1978 года генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев отправился на поезде по Транссибирской магистрали из Москвы во Владивосток. Предполагалось, что в пути он будет делать остановки и проводить совещания по вопросам развития Сибири и Дальнего Востока. Агитпоезд положил начало кампании в советских газетах о масштабной разработке богатств и наращивании промышленного потенциала регионов. Тон кампании задавала передовица «Литературной газеты» под заголовком «Сибирский размах».

Уже в мае, менее чем через месяц после возвращения из транссибирского турне, состоялся второй в истории отношений между странами визит советского лидера в ФРГ. Брежнев принял приглашение канцлера страны Гельмута Шмидта посетить Бонн. Появился прекрасный повод для того, чтобы в рамках подготовки встречи на высшем уровне запустить механизм сложных переговоров о новом большом газовом контракте между Советским Союзом и капиталистическими странами Европы.

Сотрудничество по уже заключенным ранее договорам развивалось весьма успешно. Именно в 1978 году поставки газа на Запад составили 20 млрд куб. м, впервые превысив экспорт в соцстраны. С другой стороны, в рамках действовавшей в то время контрактной базы взаимодействие уже подошло к своему пределу.

У потенциальных покупателей ситуация в экономике и энергетике тоже складывалась в пользу наращивания диалога. С 1970 по 1980 год первичное потребление энергоносителей в ФРГ выросло на 5 млн тонн нефтяного эквивалента (н.э.), и более трех четвертей всего роста (39 млн тонн н.э.) пришлось на природный газ; во Франции этот показатель вырос на треть, в Италии — почти в полтора раза (Рис. 1). Потребление газа в этих странах, обладавших крупнейшими экономиками в регионе и заодно являвшихся главными покупателями советского голубого топлива, увеличилось за 10 лет с момента заключения первой сделки «газ — трубы» в три раза (Рис. 2). И все ожидали, что газовый бум будет продолжаться.

Рис. 1. Динамика потребления газа в ключевых экономиках Западной Европы, млн тонн н.э.

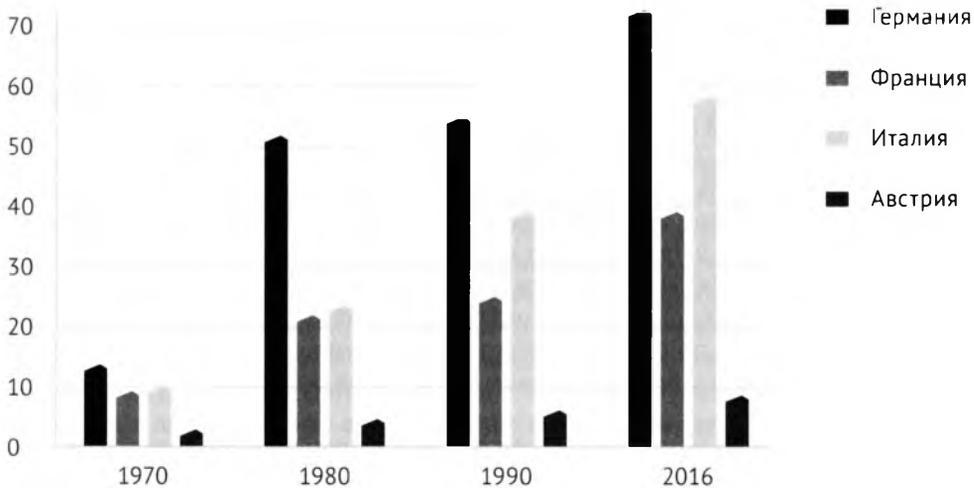
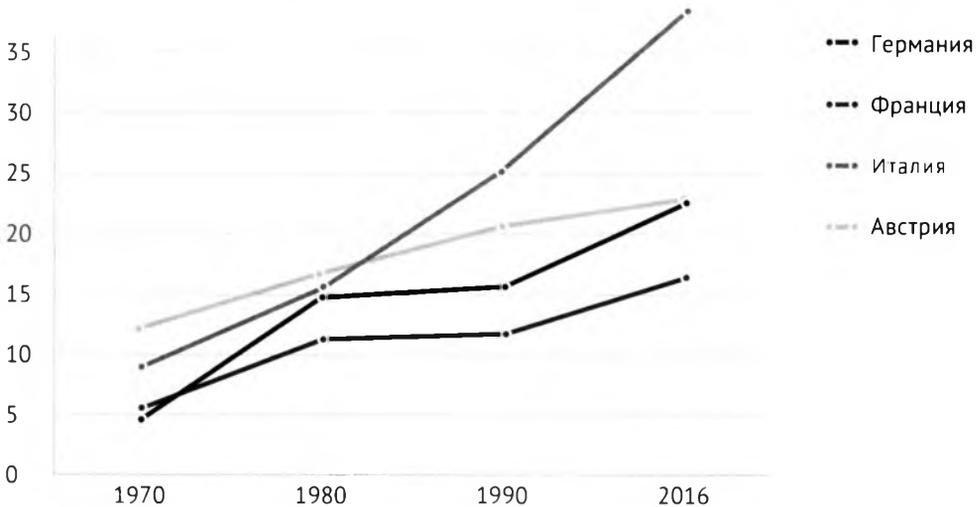

Рис. 2. Доля газа в энергобалансе в ключевых экономиках Западной Европы, %

За считанные недели до приезда Брежнева в Бонн делегация Ruhrgas AG во главе с председателем правления Клаусом Лизеном прибыла в Москву, чтобы встретиться с министром внешней торговли СССР Николаем Патолычевым (главным газовым переговорщиком), заместителем главы Минвнешторга Николаем Осиповым и министром газовой промышленности Сабитом Оруджеввым. Активность немецкой компании отчасти объяснялась тем, что министр финансов Баварии — одной из самых развитых и склонных к проведению самостоятельной политики земель ФРГ — в марте 1978 года посетил столицу Советского Союза, чтобы оценить возможность прямых закупок газа баварскими компаниями. Надо сказать, что в то время советский газ, проходя через Австрию и Чехословакию, поступал в ФРГ именно на баварской территории.

Шведский исследователь истории советского газового экспорта Пер Хеглиус пишет, что эмиссар из Баварии не встретил в Москве энтузиазма. Возможно, политическое руководство СССР решило не сталкивать интересы властей немецкого региона с традиционно сильными позициями христианских демократов, находившихся в оппозиции федеральному правительству социал-демократа Гельмута Шмидта³⁶.

Практически сразу после визита Брежнева Deutsche Bank AG, который, как и Ruhrgas AG, в сфере газовых поставок выступал хедлайнером³⁷ переговоров по организации финансирования крупных торговых проектов между СССР и ФРГ, провел первые технические обсуждения с Госбанком и Внешторгбанком СССР в Москве. В ходе переговоров немцы подтвердили готовность кредитовать большой экспортный проект на сумму в 3 млрд немецких марок.

Но, несмотря на взаимную заинтересованность в развитии газового сотрудничества, спешить с переходом к коммерческим переговорам ни руководство Ruhrgas AG, ни советская сторона не собирались. Учитывая старт работ по строительству инфраструктуры для исполнения трехстороннего договора между Ираном, СССР и западноевропейским консорциумом, немцы полагали, что дополнительные крупные объемы газа понадобятся им примерно лет через десять. Поэтому изначально рассматривался план организации экспорта

---

³⁶ Högselius, Per (2013), *Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence*. Palgrave Macmillan Transnational History Series (Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan). P. 182.

³⁷ Хедлайнер — буквальный перевод с английского, *headline* — заголовок. В русском варианте имеют в виду человека или организацию, являющихся основными или главными в определенном списке.

в Европу газа с Ямбургского месторождения. Советское руководство, уже вложившее существенные средства в развитие добычи в Западной Сибири, предпочло бы, конечно, начать продавать газ и получать валюту как можно раньше. Но особого давления на партнеров не оказывало — форсировать переговорный процесс в тех условиях не имело смысла.

Однако «черный лебедь», изменивший ход событий, уже маячил на горизонте. Исламская революция в Иране и аннулирование трехстороннего соглашения, согласно которому уже через пару лет Западная Европа получала бы 13 млрд куб. м иранского газа транзитом через Советский Союз, сблизил позиции переговорщиков по срокам начала поставок. ФРГ оказалась в цейтноте, поскольку в своих расчетах на ближайшие годы учитывала поступление газа из Ирана. Именно поэтому германская сторона выразила готовность начать переговоры о закупках советского газа безотлагательно.

На повестке дня оказалась крупнейшая в истории сделка по экспорту 40 млрд куб. м газа: многомиллиардные договоры, как было принято тогда говорить, в «твердой валюте» о закупках труб и оборудования, предназначенных для строительства самого масштабного экспортного газопровода от Уренгоя до западной границы СССР протяженностью 4500 км. И столь же масштабные кредиты европейских банков, которые должны были обеспечить весь этот грандиозный процесс финансовыми ресурсами.

Вопрос финансирования был ключевым. Партнеры по иранскому контракту — Ruhrgas AG, Gaz de France и OMV — выразили стойкое намерение покупать дополнительные объемы советского газа. Возможность присоединиться к консорциуму покупателей всерьез рассматривали Бельгия и Нидерланды. Производителей труб и оборудования в Германии, Франции и Италии тоже особо уговаривать не требовалось. С 1973 по 1979 год половина экспорта труб большого диаметра из ФРГ пришлась на Советский Союз. У крупнейшего производителя труб — стального концерна Mannesmann — этот показатель достигал 60%, у Salzgitter — 40%. А вот привлечь необходимые финансовые ресурсы на выгодных условиях оказалось не так просто.

Сопредседатель правления Deutsche Bank AG Фридрих Вильгельм Кристианс в своей книге «Дороги в Россию» вспоминал, что в середине декабря 1979 года посол СССР в ФРГ Владимир Семенов попросил его спешно прилететь в Москву. Дело не терпело отлагательств, и для организации срочной командировки

пришлось нанять частный реактивный самолет. Более того, для получения разрешения на чартерный полет в Советский Союз на борту должен был находиться советский штурман, которого экстренно отправили в Дюссельдорф.

По словам Фридриха Кристианса, его принял глава Госплана Николай Байбаков, который сообщил, что Советский Союз готов проложить первый газопровод из Западной Сибири специально для Западной Европы. «Он привел целый ряд веских аргументов, по которым дал очень вежливые и обстоятельные разъяснения, — вспоминает немецкий банкир³⁸. — Выслушав их, я сразу понял: Советский Союз явно считает свои позиции предпочтительными. Он видит, что мы остро нуждаемся в первичной энергии, и поэтому рассчитывает на соответствующую компенсацию»³⁹.

Руководитель Госплана Байбаков, как утверждается в западной литературе, изначально считался в советском руководстве одним из скептиков в вопросе о масштабном экспорте советского газа в капиталистические страны. Но к тому моменту позитивное решение уже было принято. К предметным переговорам стороны решили приступить после новогодних праздников. Однако в мерный ход событий вновь вмешалась большая политика. Через две недели после экспресс-визита Фридриха Кристианса Советский Союз ввел войска в Афганистан. Началась изнурительная и крайне болезненная для Советского Союза десятилетняя афганская кампания.

Соединенные Штаты тут же объявили о введении санкций против СССР и ограничениях на поставки зерна и высокотехнологичного оборудования. Роль США в попытке сорвать сделку «газ — трубы» настолько масштабна, что мы решили рассмотреть эту тему отдельно: подробности санкций и политики американцев вы найдете в следующей главе.

Вашингтон активно призывал своих западноевропейских союзников к жесткой реакции. Однако прерывать экономические и торговые отношения, в том числе в газовой сфере, европейцы не стали. Важную роль в этом сыграло

³⁸ Зимой 1942 года он был тяжело ранен в Калужской области на берегу реки Жиздра. По иронии судьбы, примерно в это же время Н.К. Байбаков был уполномоченным Государственного комитета обороны СССР по уничтожению нефтяных промыслов Северного Кавказа, чтобы ценные ресурсы не достались фашистским захватчикам.

³⁹ Кристианс Ф.В. Дороги в Россию. — М., 1990. — С. 80.

наличие прямого конфиденциального канала связи между высшим руководством СССР и канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом. Канал, задействованный в начале 1970-х годов, еще при прежнем канцлере Вилли Брандте, позволил установить более доверительные отношения между лидерами стран. Накануне ввода войск в Афганистан советское руководство по этому каналу уведомило немцев о принятом решении — хотя такое обычно практикуется только в отношении союзников или, в крайнем случае, нейтральных соседей. Известно, в частности, что о начале афганской операции был уведомлен через посла в Тегеране новый лидер Ирана аятолла Хомейни.

К концу 1970-х годов экспорт оборудования для энергетического сектора из Западной Германии в СССР оценивался в 1 млрд долларов в год, а из Италии и Франции — по полмиллиарда долларов. После скачка нефтяных цен, последовавшего за иранской революцией (среднегодовая цена на нефть взлетела в 2,5 раза), в странах Запада разразился масштабный энергетический кризис. Правительство ФРГ, например, вводило ограничение на пользование личным автотранспортом в выходные. Городские автодороги и магистрали, по многочисленным свидетельствам очевидцев, в те дни были пусты, как в Советском Союзе.

Поэтому консультации по «проекту века», как и планировалось, стартовали в январе 1980 года. В то время Москву неоднократно посещали делегации компаний и банков из Бонна, Парижа, Рима, Вены. И хотя встречи проходили довольно плотно, но без мощного прорыва — пока летом в Москву не прилетела делегация ФРГ во главе с канцлером Гельмутом Шмидтом.

1 июля 1980 года по итогам переговоров было опубликовано совместное коммюнике: «Обе стороны подчеркнули необходимость укрепления совместных усилий в энергетическом секторе, которые предпринимаются во всем мире с целью рационального использования существующих и разработки новых источников энергии. Они выступают за углубление двустороннего сотрудничества в области энергетики. В этом контексте они выразили согласие с тем, что в ближайшем будущем проведут предварительные переговоры между соответствующими ведомствами и предприятиями сторон по новому проекту по поставкам газа из СССР»⁴⁰. В ходе встреч была достигнута принципиальная договоренность о кредитовании проекта на баснословную по тем временам

---

⁴⁰ Manfred Pohl, *Geschäft und Politik. Deutsch-russisch / sowjetische Wirtschaftsbeziehungen*. v. Hase&Koehler. 1988. P. 166.

сумму в 9–10 млрд немецких марок — втрое больше, чем оговаривалось на предварительной стадии. В 1980 году это соответствовало примерно 5,8 млрд американских долларов, или 4,5 млрд советских рублей по официальному курсу.

Вскоре после встречи в верхах в ФРГ отправился советский «десант» во главе с заместителем министра внешней торговли В.М. Ивановым. Предстояло самое сложное — оговорить коммерческие условия кредита. Переговоры шли чрезвычайно жестко. Именно история торга вокруг банковских ставок легла в основу сюжета советского художественного фильма в жанре шпионского детектива «Контракт века» (режиссер Александр Муратов), вышедшего на советские экраны уже после постройки газопровода, в 1985 году.

Немецкие банки во главе с Deutsche Bank AG с ходу предложили явно завышенную ставку — 9,75% годовых, держа в голове возможность в ходе торга снизить ее до 8,5%. Советская сторона предполагала более низкую стоимость кредита — 6,75% с возможностью поднять ее на 1 процент. Противоречия в подходах к банковской ставке были на самом деле очень существенными. «Разница между процентными ставками в 2% для суммы в 10 млрд немецких марок в пересчете на годы означает сумму в 2–3 млрд немецких марок, — писала газета *Süddeutsche Zeitung* и делала неутешительный вывод: — Для участвующих банков не будет ничего удивительного, если из целевого кредита на реализацию проекта по строительству трубопровода в размере 10 млрд немецких марок ничего не выйдет или, во всяком случае, не получится так быстро, как это требуется»⁴¹.

Следующий раунд переговоров по кредиту состоялся в октябре 1980 года. По его итогам удалось достичь компромисса, более близкого к изначальным ожиданиям Советского Союза. Стороны оформили меморандум о готовности немецких банков финансировать проект в размере 10 млрд немецких марок с фиксированной ставкой в размере 7,75% годовых. Но срок погашения кредита уменьшили с 13 до 10 лет.

Это было похоже на долгожданный прорыв, дающий дорогу к предметным коммерческим переговорам о закупке труб и оборудования, а также финализации долгосрочных контрактов на поставку газа.

⁴¹ Deutsche Bank: 125 лет в России. — М., 2008. — С. 156–157.

Вспоминает Аксель Лебан, возглавивший в начале 1980 года московский офис Deutsche Bank AG, располагавшийся тогда на третьем этаже гостиницы «Метрополь» и выходивший окнами на памятник Карлу Марксу.

Аксель Лебан

«Кристианс был уверен, что стоимость денег в мировой экономике возрастет, и в дальнейшем даже предложенные Deutsche Bank AG ставки будут недоступны Советам. При этом руководство Госбанка СССР обращало внимание на то, что сегодня другие страны якобы готовы кредитовать СССР на более выгодных условиях. Переговоры получились очень тяжелыми, но в итоге каждая из сторон пошла на уступки. Важным аргументом стало сожаление, что чем дольше мы тянем, тем сложнее будет потом вообще подписать соглашение из-за вмешательства США, которое становилось к тому времени все более очевидным и сильным».

Центральная роль Западной Германии в качестве партнера Советского Союза не подлежала сомнению: она должна была купить больше всего газа, была готова поставить все оборудование и заработать на организации финансирования. Однако повторять иранскую стратегию пятилетней давности и договариваться с единым от всей Европы покупателем, монопольным генеральным поставщиком оборудования и труб, а также эксклюзивным кредитором СССР не захотел. Тем более что другие страны также оказались не прочь получить часть газопроводного «пирога» из первых рук, а не при посредничестве немцев. И даже готовы были субсидировать процентные ставки по связанным с покупкой техники кредитам. Так, специально под газовые переговоры с правительством Франции было подписано соглашение о фиксированной ставке в размере 7,8% и гарантиях субсидирования со стороны правительства разницы с рыночными процентными ставками на момент заключения кредитного договора.

Поэтому параллельно с германским консорциумом во главе с Deutsche Bank AG Советский Союз вел переговоры с аналогичными объединениями из Франции, Бельгии, Нидерландов, Британии, Италии и даже Японии. Консорциум французских банков под руководством государственного банка Credit Lyonnais предложил Советскому Союзу кредит в 16,5 млрд франков (около 3,7 млрд долларов) на покупку оборудования у французских производителей. Бельгийский банк Societe Generale de Banque, как сообщали газеты того времени, был готов предоставить около 1 млрд долларов и столько же — голландский ABN. Итальянское правительство рассматривало кредит в размере 4 млрд долларов, а 3 млрд долларов намеревался предоставить Eximbank Японии для приобретения японских труб, трубоукладчиков и других необходимых товаров.

Предварительные консультации велись даже с группой американских кредитных организаций — с учетом того, что лицензиаром большинства европейских производителей оборудования для компрессорных станций выступала General Electric. А гигант промышленной техники Caterpillar хотел вернуть себе хотя бы часть рынка трубоукладчиков в СССР, «подобранного» японской корпорацией Komatsu (это произошло после того, как еще в 1978 году президент Джимми Картер под предлогом протеста против политики Советского Союза по отношению к диссидентам запретил американским компаниям продавать СССР оборудование для нефтегазовой отрасли).

Парафирование кредитных меморандумов продемонстрировало, что у «проекта века» имеется солидная финансовая база. Как отмечали некоторые западные исследователи, количество кредитных средств породило в газетах неверную оценку стоимости газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород». Во многих западных СМИ упоминалось, что стройка обойдется в 15 млрд долларов, хотя такой сметы не существовало и в помине даже для газопровода в двухниточном исполнении, как планировалось изначально. Просто высокая конкуренция за заказы привела к тому, что западные банки (а по сути — стоявшие за ними правительства и промышленные лобби) готовы были дать в 2–3 раза больше денег займы — только бы загрузить собственные производственные мощности. А для этого требовалось купить газ и построить газопровод.

Более того, именно французы и японцы, чьи кредитные ставки субсидировались национальными правительствами, заставили немецких банкиров, всегда позиционировавших себя в качестве частных и абсолютно рыночных игроков,

снизить проценты по займам. И это несмотря на банковский кризис и увеличение стоимости кредитования в США.

Летом 1981 года Внешторгбанку СССР, Министерству внешней торговли и консорциуму немецких банков удалось заключить основное Соглашение о финансировании немецких поставок и услуг для проекта газопровода. Его также подписали основные поставщики труб и оборудования — Mannesmann, Salzgitter и AEG-Telefunken.

Общий размер предполагаемого кредита сократился до 3,4 млрд немецких марок (около 2 млрд долларов), из которых 2,2 млрд предоставляли банки, а 1,2 млрд — специальный институт поддержки внешней торговли АКА Ausfuhrkredit-GmbH под покрытие агентства экспортного кредитования Hermes. Советской стороне пришлось согласиться на внесение 15% от предполагаемой суммы контракта на закупку оборудования (600 млн немецких марок) из собственных средств. Это был прорыв, но еще не конец сделки.

Конечным параметрам финансирования предстояло появиться после завершения переговоров о закупках всего необходимого оборудования, которые советская делегация уже три месяца вела в Дюссельдорфе.

Советский газопровод Made in FRG. Рассказ Юрия Зайцева

Пора было переходить к решающей фазе — закупке оборудования и подписанию контрактов. Но полагать, что все самое сложное позади, не приходилось.

Это был по-настоящему уникальный проект уникального интегрированного газопровода, протяженность которого от Уренгоя до Чехословакии по предварительным прикидкам составляла 4500 км. (Газопровод действительно оставался рекордсменом вплоть до 2011 года, когда китайская PetroChina построила и запустила магистральную систему «Запад — Восток — 2» длиной 9100 км

от границы с Казахстаном до мегаполиса Гуанчжоу на самом юго-востоке страны.) Причем ввести в строй трубу от Сибири до Эльзаса планировалось уже в 1984 году. На все про все оставалось менее четырех лет.

Советское руководство решилось на нестандартный и даже революционный по тем временам шаг. В Германию была направлена группа инженеров Мингазпрома и работников Минвнешторга для проектирования газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород» и проведения переговоров о закупке оборудования компрессорных станций у западных фирм.

Переговоры о закупке труб большого диаметра велись параллельно. Но там заключались обычные сделки по импорту. Они не шли ни в какое сравнение с процессом приобретения высокотехнологичного оборудования.

По сути, СССР объявил первый в мире многомиллиардный открытый тендер на поставку газовых турбин, крановой арматуры, аппаратов воздушного охлаждения и массы других наименований, необходимых для оснащения современных и высокоэффективных компрессорных станций.

Вот что рассказал об этой работе ветеран газовой промышленности Юрий Зайцев, возглавлявший в 1981 году группу переговорщиков от Мингазпрома.

Юрий Зайцев

«Своими силами, только на отечественном оборудовании и в сжатые сроки такие проекты мы осуществить не могли. У нас были газоперекачивающие машины Невского завода им. В. И. Ленина, но они выдавали мощность только 10 МВт. Новые турбины на 16 и 25 МВт, как на Западе, находились в разной стадии доработки. А значит, не отличались надежностью, что для экспортного проекта с жесткими контрактными обязательствами по поставкам могло стать репутационной и финансовой катастрофой.

В те годы половину жизни я проводил в Ленинграде — на заводах, в обкоме. Ругался, доставал запчасти, организовывал комиссии по разбору „пожаров” и так далее. Но, кроме того, мы за пятилетку должны были построить шесть систем, выводящих газ из Надым-Пур-Тазовского, а потом и Уренгойского районов на внутренний рынок и экспорт. На все это попросту не хватало физических мощностей отечественных производителей труб, турбин и прочего. Доложили о ситуации в ЦК, куда нас все время вызывали кураторы по партийной линии. Там согласились: „Да, надо закупать”. И что принципиально важно — закупать именно комплектно, то есть всю систему целиком, включая ремонтные базы, устройства для складирования. Абсолютно все, но у разных производителей, чтобы обеспечить конкуренцию между ними и получить самые привлекательные условия.

Полтора года мы готовились к реализации проекта газопровода, анализировали ранее закупленное импортное оборудование на всех действовавших в тот момент газопроводах СССР.

Мы проверили немецкие фирмы AEG Kanis и GEA, французскую фирму Creusot-Loire, итальянскую Hudson, японскую Marubeni и множество других производителей — буквально все, что было у нас в наличии за предыдущие 10 лет строительства газотранспортной системы страны. Ранжировали. Результаты заслушивали на коллегии Мингазпрома. Потом сделали примерный перечень потенциальных поставщиков оборудования для комплектования станций. Без ценовых параметров, конечно. Газотурбинные установки, газовые компрессоры, арматура, системы управления — агрегатные и станционные, очень сложные системы, аппараты воздушного охлаждения газа. Вы знаете, газ после компримирования надо охладить, он не может поступать в магистральную трубу с температурой выше 44 градусов.

Чтобы максимально ускориться — сроки были жесточайшие, — первому заместителю министра газовой промышленности Василию Динкову, который уже фактически исполнял обязанности главы Мингазпрома вместо тяжело болевшего министра Оруджева, удалось убедить руководство, что вести переговоры и проектировать компрессорные станции для газопровода нужно там, в Западной Европе. И группа из примерно 20 человек отправилась в ФРГ.

Для проведения переговоров с поставщиками нам сняли отдельный этаж в офисном здании на Конрад-Аденауэр-штрассе в Дюссельдорфе. В том

же городе, прямо в офисе концерна Mannesmann Anlagenbau, выделили помещение для проектирования. Мы сдвинули кульманы вокруг моего стола и чертили. Делали предварительный проект станции, потом в Советском Союзе проектантам оставалось ее только привязать к местности, определить, где пробурить скважину, чтобы подать воду, как построить 10-киловольтную ЛЭП, определить поля орошения, места проведения канализации и т.д. Все основное проектирование мы сделали в Германии.

Неподалеку, под Кельном, в маленькой деревне Иммендорф, арендовали коттедж под проживание нашей группы, чтобы нас не сильно прослушивали — хотя, наверное, без этого все равно не обошлось. На кону стояли миллиарды кубометров газа, миллиарды долларов и интересы всех ключевых держав мира. Неудивительно, что, как только мы заняли третий этаж под переговоры, на втором этаже того же здания сразу же появился офис американской компании General Electric, хотя формально они в переговорах не участвовали из-за позиции США. От них убежать было невозможно. Нас слушали, записывали.

Потом это легло в основу сюжета кинофильма „Контракт века“. Замечательный актер Олег Борисов играл в фильме главу делегации советских переговорщиков. Правда, по сценарию, вел переговоры не о закупке оборудования, а о кредитной ставке. Мы с ним оказались настолько похожи, что, когда меня отправили в кинотеатр „Ударник“ выступить после показа фильма, все только ахали от сходства. Само кино я тогда так и не увидел. Посмотрел совсем недавно. Там действительно одни шпионы...

Впрочем, за нами и на самом деле всюду следовала машина. На парковке она подпирала нас сзади практически в самый бампер, и первое время, чтобы уехать, приходилось ждать, когда владелец появится и отъедет. Мы не могли понять, а потом немцы объяснили, что соглядатаям нужно успеть собрать оборудование и не потерять при этом нас из виду. И немцы же нас научили, как выбраться из автоловушки. Пара мужиков наваливается на багажник сзади, а третий отталкивает переднюю часть машины от бордюра на проезжую часть. Таким нехитрым приемом мы потом неоднократно пользовались, просто чтобы не ждать, пока наши „преследователи“ соберутся и выйдут.

Режим в этой длинной и напряженной командировке — в итоге она затянулась на целых девять месяцев, с марта до 22 декабря 1981 года, — был

такой. Шесть дней в неделю переговоры по 12 часов. В воскресенье переговоры только до обеда. Потом мы просто падали. Самой острой проблемой в какой-то момент оказалось принятие решения: кто пойдет на очередной прием, организованный очередной фирмой-поставщиком. А они устраивались почти каждый божий день. 150 фирм, которые сняли для своих сотрудников-переговорщиков все, что можно было арендовать в округе, открыли временные представительства. В какой-то момент эти приемы моим парням уже стояли поперек горла. Хотелось после напряженного дня просто упасть в кровать и поспать. Но не явиться вовсе было нельзя, деловой этикет не позволял. Поэтому назначался дежурный, который и отправлялся отбывать повинность на торжественном ужине, пока остальные отдыхали.

Напряжение было колоссальное. В ходе сложнейших переговоров следовало биться за каждую копейку, заставлять потенциальных поставщиков конкурировать и при этом не потерять в качестве или комплектации. В итоге контракт на закупку 41 компрессорной станции, который между собой поделили германо-французский консорциум Mannesmann-Creusot-Loire и итальянская фирма Nuovo Pignone, вместе с приложениями потянул на восемь увесистых томов по 1000 страниц каждый. Эти компании только формально были генеральными поставщиками, а на самом деле — агрегаторами оборудования других производителей, десятков фирм Европы и Японии. Отличие состояло в том, что конкретные позиции номенклатуры товаров выбирали и договаривались по их стоимости мы, а не они, и это позволило существенно снизить цену контракта.

С другой стороны, это же существенно усложняло задачу нашей группы. Каждую из 8000 страниц требовалось проверить лично и запарафировать перед финальным подписанием высшими официальными лицами. Иначе мог произойти конфуз. Одна из фирм, например, подменила листок с согласованной спецификацией — трубы оказались без изоляции, хотя мы договаривались иначе. Для них это была возможность сэкономить несколько сот тысяч долларов с заказа. Хорошо, что мы вовремя заметили и заставили все исправить до подписания договора. Хитрецов же этих от дальнейших переговоров отстранили.

ВО „Машиноимпорт“, отвечавшее за закупку импортного оборудования, в лице его руководителя Волчкова, заместителя Юрия Тер-Саркисова и других

уполномоченных лиц смогло так организовать переговоры, что получилась жесточайшая конкуренция между фирмами. Мы отвечали за техническую сторону, а они за коммерцию, но работали, как говорится, в одной упряжке.

На предварительной стадии отбора ключевым параметром в соревновании поставщиков был тип газоперекачивающего агрегата, который выбирал Мингазпром. Выбор происходил между стационарными машинами General Electric (GE) и легкопромышленными агрегатами на основе авиационных двигателей „Роллс-Ройс” мощностью 25 МВт. Вторые имели более высокую эффективность — около 33% против 28%, а сам министр и мой шеф Василий Александрович Динков курировал развитие отечественных ГПА на основе авиационного привода. Но до создания собственных машин на 25 МВт СССР было далеко. Поэтому мы считали, что очень рискованно делать ставку на импортное оборудование, которое в случае поломки невозможно или крайне сложно отремонтировать либо заменить.

По стационарным агрегатам мы заблаговременно создали схему ремонтных баз и обеспечения работоспособности импортного оборудования. Такие базы с запасами комплектующих были организованы в Тюмени, Сургуте, Камышине, Щелкове и под Екатеринбургом. В течение четырех лет закупали станки, оборудование, технологии для восстановления лопаток газовых турбин, чтобы иметь возможность самим их производить. Помимо базового комплекта роторов (по три на каждую компрессорную станцию), считающихся ключевой частью газовой турбины, приобрели еще 40 запасных. Это было предусмотрено закрытым постановлением ЦК КПСС.

А вот к ремонтно-восстановительным работам на авиационных двигателях „Роллс-Ройс” мы оказались абсолютно не готовы. Обкатали на системе „Уренгой–Челябинск” шесть импортных компрессорных станций. Но в случае выхода из строя агрегатов приходилось приобретать комплектные двигатели у „Роллс-Ройса”. В результате, когда мы сделали выбор в пользу технологии GE, вице-президенту „Роллс-Ройса”, ответственному за переговоры, пришлось уйти в отставку из-за того, что он проиграл тендер.

Ничего особенного в нашем быту за границей не случилось. Пару раз сыграли с местными в футбол. Первый раз выиграли. Пришлось соглашаться на матч-реванш, а там уже они подтянули мастеровитых парней, которые не

оставили нам никаких шансов. Что поразило: каждую пятницу после обеда немецкие фрау и фройляйн выходили из своих домов, привинчивали к крану на фасаде шланг, насыпали моющий порошок и щетками драили бордюрные камни и тротуары. Мы, увидев такое, тоже стали мыть тротуары перед своим коттеджем, чем завоевали уважение соседей.

Уезжали перед Рождеством, когда немцы начали уже резать гусей к праздничному столу. Контракт на поставку компрессорных станций был полностью подписан и отправлен в работу. Господин Овербек, президент компании Mannesmann AG, пользовавшийся тогда невероятной популярностью, говорил, что они очень недовольны: советские оказались прекрасно подготовленными и жесткими переговорщиками и выторговали себе наилучшие условия».

У главы фирмы Mannesmann действительно были все основания для недовольства итогами сделки — всего несколько лет назад его концерн получил 11% комиссии за выполнение функций генерального контрактора при закупке Советским Союзом оборудования для газопровода «Оренбург — Западная граница». А теперь по итогам девятимесячного тендерного марафона маржа Mannesmann сократилась до 6%. Причем не за весь контракт, а только за половину, поскольку заказ на вторую половину компрессорных станций отошел итальянцам.

Как пишет авторитетный американский исследователь советской и российской нефтегазовой индустрии Тэйн Густафсон, переговорная стратегия Советского Союза оказалась очень успешной. СССР заплатил за компрессорные станции на 20% меньше, чем рассчитывал изначально. А экономия на отдельные виды оборудования из-за детальных прямых переговоров с субподрядчиками достигала 60%⁴².

Немцам же еще пришлось делиться комиссией с французами из Creusot-Loire, которые, как выяснилось позже, вели собственную игру и намеревались получить весь контракт на 125 газоперекачивающих агрегатов в партнерстве с «Роллс-Ройс». И даже сделали целый ряд предварительных инвестиций в собственные производственные мощности. Но в итоге проиграли и были вынуждены остаться в консорциуме с Mannesmann. Однако существовал риск

⁴² Thane Gustafson. Soviet Negotiating Strategy. The East-West Gas Pipeline Deal 1980–1984. Rand. 1985. P. 33.

вылететь и из него, так как специалисты Мингазпрома были скептически настроены по отношению к качеству оборудования французского производства, а немцы обижены из-за двойной игры. В итоге даже аппараты воздушного охлаждения для этих компрессорных станций производили на заводе итальянской компании Hudson Italiana.

29 сентября 1981 года в Дюссельдорфе члены советской делегации под руководством министра газовой промышленности Василия Динкова, заместителя министра иностранных дел Владимира Сушкова, а также президент объединения «Машиноимпорт» Станислав Волчков и представители Рабочей группы Mannesmann-Creusot-Loire подписали генеральный контракт на сооружение 22 компрессорных станций для планируемого Уренгойского газопровода. Общая стоимость станций составила 2,2 млрд немецких марок (около 1 млрд долларов).

Фирма Creusot-Loire осталась членом консорциума по сделке на поставку компрессорных станций благодаря политическому решению, что называется, на самом верху. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев не хотел обижать Париж, с которым на тот момент были весьма конструктивные отношения в политике. Впрочем, французский концерн это не спасло — в 1984 году его объявили банкротом из-за долгов в 7 млрд франков и ликвидировали по решению суда.

Производителями же ГПА по сделке с консорциумом Mannesmann-Creusot-Loire стали немецкая фирма AEG Kanis и шотландская John Brown. Примерно 700 млн немецких марок получала AEG за 47 турбин, а 260 млн — шотландцы за 21 турбину. Стоимость итальянской части (19 компрессорных станций и 57 турбин) соответствовала цене для германо-французского консорциума в пересчете на единицу продукции — около 850 млн долларов.

В ходе визита Брежнева в Бонн был подписан дополнительный контракт на закупку 40 резервных роторных комплектов для турбин с французской компанией Alsthom Atlantique — единственной в Европе, которая по лицензии могла производить роторы для турбин General Electric. Сумма контракта составила 300 млн долларов, а само решение менее чем через год сыграло ключевую роль в этой истории. Кроме того, французская компания Thomson-Brandt получила заказ на электронные системы управления газопроводом стоимостью 600 млн долларов.

Контракты на закупку уренгойского газа

В конце 1970-х — начале 1980-х волна газового бума в Европе натолкнулась на отмену сделки с Ираном и решение Нидерландов не наращивать экспорт в соседние страны. Голландцы решили растянуть на максимально возможный срок разработку запасов месторождения Гронинген, с которым в тот момент было много неясностей.

Еще после первого нефтяного шока в 1974 году голландское правительство постановило: не заключать новых экспортных контрактов. К тому времени Нидерланды — крупнейший поставщик голубого топлива в европейские страны — добывали 80 млрд куб. м и экспортировали 50 млрд. Голландский газ обеспечивал 76% импортных потребностей Западной Европы. Предполагалось, что к 1980 году голландцы смогут увеличить производство на четверть, а предложение сырья соседям — на 40–50%. Но после упомянутого шока 1974 года ситуация резко поменялась.

Во-первых, в Гааге отказались от идеи наращивать экспорт и даже поддерживать его уровень, продлив истекающие обязательства. Во-вторых, голландцы стали активно добиваться перехода к нефтяной индексации цен на газ — так называемому нефтяному паритету. На фоне исламской революции в Иране и второго взлета цен на нефть этот процесс приобрел особенно угрожающий для остальных европейцев характер.

В 1979 году министр экономики страны Гийс ван Аарденне назначил специальным представителем правительства по экспортным газовым ценам Дирка Спиренбурга. Тот оперативно объехал всех покупателей голландского газа с целью начала переговоров о пересмотре ценовых условий. По их итогам уже через год почти все цены на экспортный газ из Нидерландов были индексированы на уровне 95% от цены нефти за предыдущие пять месяцев. До этого коэффициент привязки был существенно ниже, а период расчета — вдвое дольше⁴³.

⁴³ Aad Correlje, Coby van der Linde, Theo Westerwoudt. Natural Gas in the Netherlands. From Cooperation to Competition? Oranje — Nassau Groep. 2003. P. 93.

Однако о продлении экспортных договоров, большая часть которых была заключена в середине 1960-х годов на 20–25 лет и, соответственно, истекала во второй половине 1980-х, не шло и речи. Поэтому импортеры вполне обоснованно ожидали сокращения поставок из Нидерландов на 30–40%.

Сложившаяся ситуация повысила потребность Западной Европы в большой сделке с Советским Союзом. Изначально руководство Ruhrgas AG собиралось законтрактовать для немецкого рынка 15,5 млрд куб. м, по 8 млрд куб. м предстояло разделить между собой Eni и Gaz de France. До 5 млрд куб. м хотели законтрактовать австрийцы. Еще по паре миллиардов кубометров были предметом переговоров с Бельгией и Нидерландами — последние имели некоторые сомнения, что смогут в полном объеме выполнять обязательства перед внутренним рынком и по экспортным договорам.

Общий объем заявок, полученных в ходе предварительных консультаций, составил 40 млрд куб. м в год, что превышало пропускную способность одной нитки стандартного газопровода большого диаметра с рабочим давлением 75 бар. Поэтому рассматривалась возможность параллельного строительства двух труб.

Однако в таком случае их загрузка даже при отборе максимальных контрактных объемов клиентами составляла всего 66%. Уже тогда в газовых контрактах присутствовала гибкость отбора, и покупатель без всяких санкций мог взять на 20% меньше газа, чем указано в договоре. По правилу «бери или плати» объем загрузки газопровода составил бы чуть более 50% от мощности, а значит, вторая труба стояла бы пустая. Поэтому от нее довольно быстро отказались.

К тому же Бельгия и Нидерланды не стали вести конкретные переговоры о закупках газа. Немцы под давлением Соединенных Штатов и рецессии в экономике страны, спровоцированной нефтяным кризисом, сократили запрашиваемый объем газа по контракту до 10,5 млрд куб. м в год. В таком виде договор был подписан 30 ноября 1981 года — сразу после визита Брежнева в ФРГ, состоявшегося 22–25 ноября. Базовую цену установили на уровне 170 долл./тыс. куб. м и номинировали ее в немецких марках. Цена была привязана к нефтяным котировкам только на 20%, что исключало ее резкий рост на советский газ в случае очередного нефтяного шока.

С другой стороны, когда стороны подписывали контракт, нефтяные цены начали снижение после пика, достигнутого в 1980 году. К 1985 году они в итоге потеряли около 19%, в то время как цена советского газа снизилась всего на 4%.

Переговоры с Францией, Италией и Австрией шли чуть медленнее: все ждали завершения переговоров СССР и ФРГ, чтобы иметь перед глазами ценовой индикатор. Кроме того, параллельно в Риме и Париже велись переговоры об условиях закупок газа у Алжира. Алжирцы предлагали Москве выступить единым фронтом, чтобы добиться наилучшей цены на уровне нефтяного паритета. Советский Союз не мог отмахнуться от призывов к солидарности со страной, 10 лет назад освободившейся от колониального гнета. Но и демонстративно создать ценовой картель было очевидно проигрышной стратегией. Учитывая давление, которое на европейцев оказывали из-за океана, чтобы не допустить углубления сотрудничества с Советами, напугать Европу, видевшую в советском газе спасение от ближневосточного риска, созданием «газовой ОПЕК» было бы худшим решением.

Однако в декабре 1981 года газовая «делка века» опять оказалась под угрозой, и вовсе не из-за коммерческих разногласий.

В ночь на 13 декабря правительство Войцеха Ярузельского ввело военное положение в Польской Народной Республике. Две недели спустя президент США Рональд Рейган объявил о применении набора санкций против Советского Союза. Он ссылался на то, что Москва несет «тяжкую и прямую ответственность» за польские события. США стали открыто играть на срыв строительства газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», пытаясь не допустить поставок в СССР необходимого для строительства оборудования.

Санкции и интриги вокруг них подробно описаны в следующей главе. Здесь же мы заметим только, что европейские политики выступили решительно против отмены газового контракта. Тем более что во второй половине 1981 года уже были подписаны соглашения по оборудованию и первый контракт на поставку газа по новой магистрали между «Союзгазэкспортом» и Ruhrgas AG. Завершались и переговоры о контрактах с покупателями из других стран. Европейские банкиры парафировали условия кредитов и были готовы предоставить финансирование, а Советский Союз готовился к началу стройки.

Тем не менее администрация Рейгана решила во что бы то ни стало остановить проект века или хотя бы притормозить его односторонними мерами. Дождавшись подходящего повода — введения военного положения в Польше, к которому СССР формально не имел никакого отношения, — США объявили эмбарго на поставку американского оборудования для газопроводов. Вашингтон потребовал от союзников присоединиться к эмбарго и как минимум приостановить реализацию проекта. Но Западная Европа, как оказалось, была готова отстаивать собственные экономические и энергетические интересы.

«Куриные хвостики» оказались «крепкими орешками». Торговая война между странами НАТО

В первую пятницу нового, 1982 года компания General Electric, выполняя решения Белого дома, сообщила, что ее заявка на экспортную лицензию на поставку роторных комплектов по субконтрактам с европейскими производителями турбин GE — фирмами AEG, Nuovo Pignone и John Brown — отклонена. Американский концерн, как владелец лицензии, стал направлять на предприятия партнеров предписания прекратить отгрузку лицензированной продукции в Советский Союз.

В Западной Европе разразилась масштабная торгово-дипломатическая война. Перед введением эмбарго на заседании Совета национальной безопасности Рональд Рейган эмоционально вопрошал: «Эти „куриные хвостики“ в Европе — будут ли они по-прежнему „куриными хвостиками“, если мы пойдем вперед [с санкциями против Советского Союза] и попросим их последовать за нами?» На что госсекретарь Александр Хейг дипломатично ответил: «И да, и нет». Но попросил действовать максимально осторожно и не предпринимать резких шагов, которые могли бы привести к раздору с европейскими

союзниками⁴⁴. И это при том, что именно Хейг считался одним из главных ястребов в первой рейгановской администрации — как бывший командующий вооруженными силами США в Европе, он имел даже более жесткую позицию по отношению к советскому блоку, чем министр обороны Уайнбергер.

Первой на требования США официально отреагировала Западная Германия. Министр экономики Отто Ламбсдорф сообщил, что ФРГ будет выполнять заключенные с Советским Союзом контракты на поставку оборудования. Как писала газета *Die Welt*, «...министр объяснил далее, что взятое западными европейцами обязательство не подрывать „политику эмбарго США“ относится только к тем поставкам, которые выполняются в основном самими Соединенными Штатами. Принятое обязательство не касается поставок, в которых Вашингтон играет роль субподрядчика. Это означает также гарантию для сделки „газ — трубы“».

А чуть позже бундестаг отклонил инициативу оппозиционного Христианско-демократического союза (ХДС) о введении ФРГ санкций против Польши и СССР.

Примеру Отто Ламбсдорфа последовали французы и британцы. «Железная леди» — премьер-министр Соединенного Королевства Маргарет Тэтчер — лично сообщила Рональду Рейгану, что американская политика односторонних санкций представляет серьезную угрозу западному альянсу. Она была готова поддержать санкции против Польши, также введенные в канун Нового года и включавшие запрет на предоставление кредитов, поставки зерна и ряд других мер. Однако требовала отменить меры, введенные против газопровода из Сибири в Европу. Глава британского правительства прямо сообщила президенту США, что заказ на 120 млн долларов чрезвычайно важен для жизнеспособности заводов John Brown и сохранения нескольких тысяч рабочих мест. Поэтому Великобритания, как и другие страны Европы, выполнит контрактные обязательства, несмотря на американский запрет.

К моменту объявления эмбарго General Electric успела отгрузить своим европейским лицензиатам 22 ротора из 125, поэтому работы по производству турбин продолжались.

---

⁴⁴ Фрагмент расшифровки заседания Совета национальной безопасности от 22 декабря 1981 года приведен в Приложении 3.

Более того, в конце января был наконец подписан контракт на поставку 8 млрд куб. м между «Союзгазэкспортом» и Gaz de France. А французский банковский консорциум даже согласился полностью профинансировать товарный кредит, включая 15%-ный аванс в размере 140 млн долларов.

Тем самым французы весьма разозлили немецких банкиров, которые требовали от Москвы внесения аванса из своих средств. Условия кредита банков Германии пришлось вновь переторговывать. Как вспоминали очевидцы событий, американцы, понимая, что немецкие банки являются частными организациями, которые пусть и прислушиваются к правительству, но действуют самостоятельно, пытались воздействовать на банкиров, чтобы те отказались от сделки или потребовали более высокого процента.

Впрочем, эти усилия не увенчались успехом. В июле 1982 года в Ленинграде, в гостинице «Прибалтийская», Внешторгбанк СССР и немецкий банковский консорциум во главе с Deutsche Bank AG оформили договор на 2,2 млрд немецких марок с возможностью кредитования дополнительных отдельных поставок на сумму до 4 млрд немецких марок. Заем выдавался на 10 лет под 7,8% годовых, как и предполагалось ранее.

Из больших соглашений отчасти «подвис» только контракт на поставку газа с итальянской Eni. Как рассказывал авторам книги один из ветеранов «Союзгазэкспорта» Артур Шахдинаров, сам договор был тайно парафирован в Париже сразу после подписания документов с Gaz de France. Однако руководство Eni сделало это без мандата со стороны правительства Италии. А оно в конце декабря приостановило переговоры по газу с Москвой в связи с требованиями США. Разразился скандал, и руководство итальянского концерна было уволено. Правда, отгрузки оборудования это не коснулись.

Некоторые исследователи считают, что желание итальянцев угодить американцам было вторичным. Главная же причина проволочек заключалась в том, что продолжались непростые переговоры с Алжиром по поставкам трубопроводного газа по недавно запущенному газопроводу «Алжир–Тунис–Италия», названному в честь главы Eni «Энрико Маттеи». Алжирцы продолжали требовать введения нефтяного паритета и призывали Москву выступить совместно. Это затягивало достижение договоренностей с Eni, которые были оформлены в контракт только в 1984 году, когда газ уже стал поступать во Францию и ФРГ по новому газопроводу.

Следует признать, что задержка пошла на пользу итальянцам. К 1984 году цены на нефть существенно снизились, и они получили более низкую базовую стоимость контракта.

Австрийцы подписали контракт на закупку газа по газопроводу чуть раньше — к лету 1982 года, но объемы импорта оказались снижены вдвое от заявленных изначально. По иранскому контракту OMV планировала получать 2,2 млрд куб. м газа, запрос для «Союзгазэкспорта» составлял 3 млрд куб. м с опцией увеличения до 5 млрд. Финальное же соглашение было подписано на 1,5 млрд куб. м с возможностью увеличивать годовой объем на 1 млрд куб. м. Таким образом, произошло всего лишь замещение иранских объемов.

Санкции со стороны США не только ставили под угрозу строительство газопровода для Европы, но и существенно сократили бы европейские рабочие места в разгар кризиса и роста безработицы. Да и вероятность попасть под штрафы за невыполнение контрактов на поставку оборудования была достаточно велика. Поэтому, как и предполагал госсекретарь Хейг, реакция европейцев оказалась крайне негативной.

Особенно Старый Свет раздражало то, что Вашингтон, несмотря на грозную риторику, не собирался вновь вводить эмбарго на основную статью американского экспорта в СССР — поставку зерна. Хотя это действительно могло бы нанести вред «потенциальному противнику». Весной 1981 года администрация Рейгана отменила зерновое эмбарго, введенное при Картере после ввода советских войск в Афганистан. Сделано это было прежде всего потому, что оно оказалось неэффективным — Москва нашла другого поставщика в лице Аргентины, а от ограничительных мер пострадали только фермеры США.

Показателен в этом плане диалог между Гельмутом Шмидтом и корреспондентом *The New York Times* Уильямом Сафайром, приведенный в опубликованном 19 февраля 1982 года эссе под говорящим заголовком «Газопровод Гельмута»:

— Вы не думаете, что миллиарды долларов выручки, которые Советы получают в результате газопровода, будут использованы на покупку западных технологий?

— Нет, они будут использованы для оплаты вашей пшеницы и вашего зерна.

— То есть, если мы не будем действовать против...

— (*перебивая*) Я хочу, чтобы Вы напечатали то, что я сказал. Я именно это имел в виду.

— Повторите еще раз.

— Вы спросили меня, будут ли они получать большую прибыль, поставляя газ, и будут ли они использовать эту прибыль на покупку западных технологий. И я ответил: в первую очередь будут использовать ее, чтобы заплатить за ваше зерно. Если вы продаете зерно миллионами тонн в Советский Союз, они должны платить за него. И им нужно зарабатывать немного денег. Вы не хотите брать рубли, вы хотите твердую валюту. Именно так.

— То есть единственное впечатляющее действие, которое Соединенные Штаты могут предпринять в сфере санкций, это зерновое эмбарго?

— Конечно, да. Я не призываю к этому. Но, конечно, это была бы единственная экономически значимая санкция, которую можно представить себе сейчас. Но я не призываю к этому⁴⁵.

«Когда западные немцы восстают против американского предложения отказать от собственного контракта на общую сумму, равную 5 млрд фунтов стерлингов, предусматривающего поставки стальных труб для советского трубопровода, по которому природный газ должен поступать в Западную Европу, они защищают право своей страны на независимые действия. Право продавать сталь России („право Маннесмана“⁴⁶) — это практически именно то, что написано в статье Основного закона, то есть в Конституции Западной Германии», — писала лондонская газета Observer.

Разумеется, администрация Рейгана даже не рассматривала возможность вернуть запрет на экспорт зерна в СССР, так как это была очень выгодная для американцев сделка. Оказывать санкционное давление на Москву Вашингтон

⁴⁵ <https://www.nytimes.com/1982/02/19/opinion/essay-helmut-s-pipeline.html>

⁴⁶ Немецкий концерн Mannesmann, производивший в том числе трубы и оборудование для газопроводов.

хотел прежде всего за счет европейских союзников. Но союзники принимать участие в этом не жаждали.

Самый решительный шаг предпринял президент Франции Франсуа Миттеран. Социалисты, пришедшие к власти осенью 1981 года, сразу же объявили о планах национализации ключевых предприятий. И к началу февраля соответствующий декрет был принят Национальным собранием. В список национализированных предприятий попали поставщики оборудования для «Уренгой–Помары–Ужгород» — Alsthom Atlantique и Thomson-Brandt. После этого слово французских властей стало крепче стали, а сам Миттеран прямо заявил Рейгану, что контракты с русскими будут выполнены, несмотря на эмбарго.

17 февраля 1982 года в США на заседании Национального совета по разведке эксперты обсудили эффективность санкций и возможности Советского Союза их обойти⁴⁷. Было подтверждено, что Alsthom Atlantique (французский концерн) самостоятельно завершит заказ на 40 роторных комплектов в декабре 1982 года. Введенные в канун Нового года санкции не касались этого договора, так как технология была передана французскому концерну до их введения. Передать технологию другим производителям турбин в Европе, которые по-прежнему зависели от поставок роторов из США, Alsthom Atlantique права не имел, но уже вел переговоры с Советским Союзом о производстве еще 100 роторов.

Расширенный заказ мог быть выполнен к марту 1986 года, что означало бы примерно двухлетнюю задержку с вводом компрессорных станций для экспортного газопровода, однако едва ли привело бы к срыву проекта. К тому же, как отмечалось на заседании, СССР имел и другие способы ввести газопровод в срок за счет внутренних резервов, а уже потом дооснастить импортные турбины⁴⁸.

Тем не менее Вашингтон после первых неудач в Европе не отказался от стратегии давления. Министерство обороны США требовало заставить европейцев подчиниться, в то время как дипломатическое ведомство считало, что строительство газопровода уже не сорвать и нужно обсуждать реальные меры о повышении кредитных ставок на будущие займы для СССР и Польши.

---

⁴⁷ Протокол частично рассекречен в 2007 году.

⁴⁸ <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84T00109R000100110019-9.pdf>

Американские газеты писали, что в качестве реакции на польские события министр обороны США Каспар Уайнбергер всерьез предлагал Белому дому три ответные меры:

- > вторжение в Польшу;
- > официальное заявление, что супруга президента США отныне не будет носить красные платья⁴⁹;
- > блокада социалистической Кубы⁵⁰.

Весной 1982 года Уайнбергер прибыл с визитом в ФРГ, чтобы сообщить следующее: «В отношении восточного блока и Москвы ситуация благоприятна как никогда. ... Так как Польша является членом советского блока, следует потребовать обратно всю сумму кредита, используя аналогию с так называемой статьей Cross-default clause⁵¹». Мысли американцев однозначно шли в этом направлении. Уайнбергер заявил о появлении на Западе нового оружия против Советского Союза. «Нам не взять их ни военными, ни, возможно, и политическими средствами. Но теперь у нас есть кредитное оружие, и мы должны им воспользоваться»⁵², — цитирует американца в своей книге Кристианс.

Эффект, однако, получился обратный. Европейская комиссия по общему рынку (предшественник Еврокомиссии) на своем заседании в Брюсселе приняла решение ввести очень мягкие — можно сказать, условные — торговые меры против Советского Союза: ограничение импорта на 350 млн долларов (всего 3,5% закупок) без упоминания конкретных позиций. Сначала в списке значились атрибуты «сладкой жизни»: автомобили, меха, икра и алмазы. Но против снижения импорта автомобилей выступили Дания с Бельгией, а другие страны добились исключения из конкретного списка мехов и алмазов. Попала ли под

⁴⁹ Красное платье Нэнси Рейган было частью ее стиля и даже составляющей частью победы мужа на выборах президента в 1980 году

⁵⁰ <http://www.nytimes.com/1982/03/10/opinion/you-read-it-in-the-times-first.html>

⁵¹ Cross-default clause (перекрестное неисполнение) — это условие договора, при котором заемщик считается допустившим неисполнение по одному договору с заимодавцем, если у него есть неисполнение обязательства по другому договору, заключенному с этим же заимодавцем, или по другому договору, заключенному с третьим лицом.

⁵² Кристианс Ф.В. Дороги в Россию. — М., 1990. — С. 73.

запрет икра, тоже осталось за кадром. В любом случае в столь усеченном и абстрактном виде санкции теряли всякий смысл, что абсолютно не устраивало американцев. Газовые контракты продолжали исполняться, как и было запланировано, хотя и без роторных комплектов от General Electric.

Следующий раунд дипломатической битвы высокого уровня состоялся в начале июня 1982 года на очередном саммите G7 в резиденции французских монархов в Версале. Там Рейгану предстояло убедить Миттерана, Шмидта, Тэтчер, Спадаolini и Судзуки отказаться от поставок оборудования в Советский Союз — или хотя бы от кредитования. Президент США остался в явном меньшинстве. Только канадец Трюдо не имел острой прямой заинтересованности в сотрудничестве с Советским Союзом в газовой сфере. У японцев помимо поставок техники и труб для газопровода «Сибирь–Европа» на повестке дня стоял проект разработки Сахалинского шельфа.

Единственное, чего Рейган смог добиться от европейских союзников, — это обещания не строить пока вторую нитку газопровода, от которой, впрочем, СССР и Европа уже и так отказались. Тем не менее для США это было важно — они боялись (нужно сказать, небезосновательно), что вкус к сибирскому газу придет к европейцам во время еды. А значит, вернуться к строительству второй нитки не составило бы никакого труда, имея перед глазами успешный пример первой от Уренгоя.

Кроме того, Рейгану на словах посулили, что покупатели советского газа будут стараться брать газ в соответствии с минимальными контрактными обязательствами, чтобы не нарушать правило *take or pay* («бери или плати»). За два года до предполагаемого начала поставок и за 5–6 лет до выхода на контрактные уровни отбора такое обещание далось европейским лидерам очень легко.

Американский президент был глубоко уязвлен позицией союзников. После возвращения из зарубежного турне, включавшего помимо саммита в Версале посещение других столиц Европы, он собрал заседание Совета национальной безопасности, который принял решение не только не снимать санкции, очевидно, не работавшие, но, напротив, ужесточить их. Была принята исключительная на тот момент мера — распространить запрет на поставку в Советский Союз оборудования, производимого европейскими фирмами по американским лицензиям. Цель — затормозить реализацию «проекта века» хотя бы на два года, пока французы будут делать роторы турбин.

«Я тоже не хочу стрелять себе в ногу, — цитирует слова президента The New York Times, — но на карту поставлен вопрос о великом принципе. Это влияет на наш авторитет у наших союзников и у русских»⁵³. Эмбарго приняло экстерриториальный характер. Победа «ястребов» в дискуссии с «голубями» о стиле действий против СССР привела к отставке Александра Хейга с поста госсекретаря и назначению на эту должность Джорджа Шульца, некогда занимавшего пост министра финансов в администрации Ричарда Никсона. Именно при нем была демонтирована система фиксированной привязки доллара к золоту.

24 июня 1982 года заместитель министра торговли США по международной торговле Лайонел Олмер озвучил процедурную сторону нового эмбарго. В случае нарушения запрета европейскими лицензиатами им сначала будет направлено письмо с предупреждением. Затем последует отказ в получении запасных частей или технической документации от владельца лицензии. В крайнем случае нарушителю грозит уголовное преследование и штрафы до 100 тыс. долларов. Олмер, впрочем, не разъяснил, как можно наложить штраф на иностранную компанию⁵⁴.

Реакция Европы не заставила себя долго ждать. В тот же день по инициативе Германии, Франции, Великобритании и Италии прошло экстренное заседание комиссии по общим рынкам. В заявлении по его итогам было отмечено, что действия США по экстерриториальному распространению своей юрисдикции «...в сложившихся условиях противоречат международному праву, неприемлемы для Сообщества и вряд ли будут признаны судами на территории Европейского экономического сообщества». Заместитель председателя комиссии по общему рынку, отвечавший за промышленную политику, виконт Этьен Давиньон отметил, что министры иностранных дел Западной Европы решили подготовить правовое досье, чтобы противодействовать эмбарго и разрешить 20 компаниям, оказавшимся под санкциями, функционировать по законам страны пребывания⁵⁵.

Публично раскритиковала своего «друга Рона» (Рональда Рейгана) и «железная леди» Маргарет Тэтчер: «Дело в том, что если одна, пусть даже очень влиятельная держава может сорвать выполнение заключенных контрактов,

⁵³ <http://www.nytimes.com/1982/06/21/opinion/essay-hello-mr-deeds.html>

⁵⁴ <https://www.nytimes.com/1982/06/24/business/us-to-penalize-those-violating-curbs-on-soviet.html>

⁵⁵ <https://www.nytimes.com/1982/06/29/world/common-market-leaders-at-brussels-talks-divided-over-lebanon-move.html>

то я думаю, что это неправильно, — заявила она, выступая в парламенте. — Я думаю, что в конечном итоге это вредно для американских интересов, поскольку очень многие скажут: нет никакого смысла подписывать контракты на поставку материалов, машин и оборудования из США, если в любой момент они могут просто отменить договор» (цитируется по *The New York Times*⁵⁶).

Правительства европейских стран выпустили инструкции для своих компаний, разрешающие не подчиняться новым правилам, введенным США, и выполнять контрактные обязательства перед Советским Союзом в обычном режиме. 23 августа 1982 года правительство Франции выдало распоряжение компании Dresser-France S.A. совершить отгрузку трех компрессоров по уренгойскому договору. Пикантность ситуации придавало то, что Dresser France S.A. являлась стопроцентной «дочкой» американского производителя компрессоров — Dresser Industries Inc. (Даллас).

В итоге компания предпочла выполнить инструкции правительства Франции. 26 августа 1982 года ценный груз оказался на борту французского судна с символическим названием *Borodine* в порту Гавра и отправился в Ригу. Департамент торговли США тут же поместил Dresser-France S.A. и головного контрактора Creusot-Loire в черный список, запрещающий любой экспорт из США в их адрес. Американские власти в тот же день выпустили указ, которым у провинившихся были отозваны все предоставленные ранее привилегии участия (прямого или косвенного) в транзакциях, производстве и прочей деятельности, где задействованы товары, оборудование, технические данные, привезенные из США. Также у Dresser-France отозвали все экспортные лицензии и приняли к ней ряд дополнительных ограничительных мер⁵⁷.

Несколько дней спустя фирма John Brown начала отгрузку шести турбин по контракту, руководствуясь указом правительства Ее Величества. Затем аналогичные операции совершили Nuovo Pignone и AEG. Их также добавили в черный список американского департамента торговли.

В течение полутора месяцев новости об очередных поставках запретного американского лицензионного оборудования для газопровода поступали чуть

---

⁵⁶ <https://www.nytimes.com/1982/07/02/world/mrs-thatcher-faults-us-on-siberia-pipeline.html>

⁵⁷ С фрагментом текста Указа можно ознакомиться в Приложении 4: Case 632; 47 Federal Register, N° 175, 39708.

ли не каждый день — как и сообщения о санкциях со стороны США в отношении нарушителей⁵⁸.

Апофеозом стал тот факт, что европейские производители из-за попадания в черный список не могли выполнить контракты перед покупателями из других стран, никак не связанными с советским газопроводом, а порой даже являющимися потенциальными конкурентами Советского Союза на европейских рынках.

За океаном стало наконец ясно, что санкции наносят вред не столько СССР и газопроводу, который продолжал интенсивно строиться, сколько единству Запада и НАТО. Министр иностранных дел Франции Клод Шессон охарактеризовал ситуацию как «прогрессирующий развод» между США и союзниками в Западной Европе. «Мы больше не говорим на одном языке. Между нами есть значительное непонимание, и это очень печально. Соединенные Штаты, кажется, абсолютно равнодушны к нашим проблемам. И это основной наш союзник, мощнейшая страна в мире, а мы даже больше не разговариваем»⁵⁹, — сказал он в телеэфире.

Администрация Рейгана стала искать пути выхода из ситуации с сохранением лица. Дипломатия работала не покладая рук. Подспорьем стал тот факт, что в конце августа 1982 года семь европейских газовых компаний подписали контракт с норвежской Statoil на поставку газа с небольших месторождений в Северном море. Контракт был карликовым — 1,5 млрд куб. м для Германии и 2 млрд куб. м на всех остальных — Францию, Нидерланды и Бельгию. Но, учитывая, что норвежский газ администрация США предлагала в качестве одного из альтернативных советскому, этот договор можно было представить как успех в борьбе против потенциальной зависимости европейских союзников от СССР. Президент лично собрал несколько брифингов, посвященных открытию компанией Shell перспективной залежи 31/2, позднее названной «Тролль», с запасами газа под 2 трлн кубометров. Американские власти связывали с этим открытием большие надежды убедить Западную Европу перейти с советского газа на норвежский. В Осло летали представители Совета национальной безопасности США, а в Нью-Йорк и Вашингтон — представители Statoil.

---

⁵⁸ Patrizio Merciai, *The Euro-Siberian Gas Pipeline Dispute — A Compelling Case for the Adoption of Jurisdictional Codes of Conduct*, 8 Md. J. Int'l L. 1 (1984).

⁵⁹ <https://www.nytimes.com/1982/07/23/world/france-defies-ban-by-us-on-supplies-for-soviet-pipeline.html>

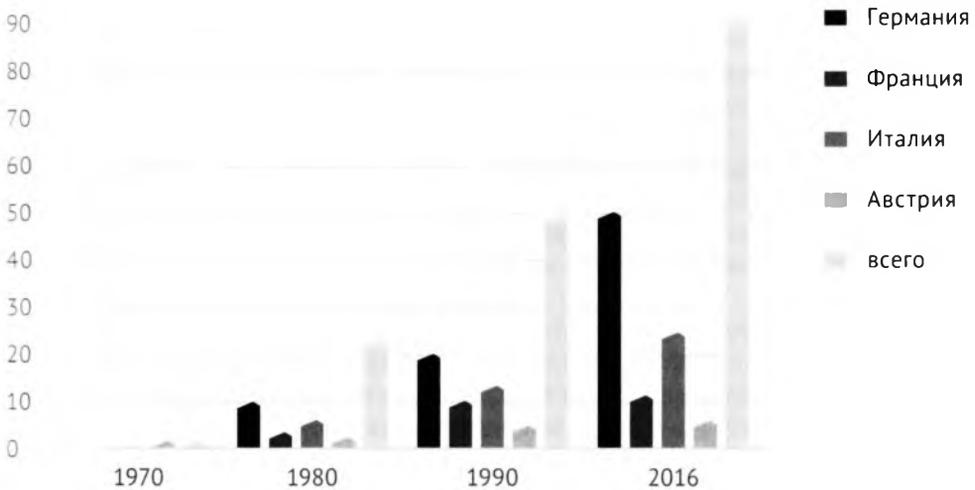
Однако норвежцы сильно разочаровали американцев, твердо сказав, что, учитывая состояние технологий, смогут начать добычу на месторождении «Тролль» никак не раньше середины 1990-х годов. Так и получилось. Но к тому времени уже не было Советского Союза, а поставки из России в Западную Европу (без Турции) выросли до 70 млрд куб. м в год (Рис. 3). В публичном пространстве почву для изменения или отмены санкций, разрушавших единство союзников по НАТО, начали готовить уже в конце августа — начале сентября 1982 года. То есть спустя всего два месяца со дня официального распространения эмбарго на европейские компании. Спецпредставитель Рональда Рейгана по торговле Уильям Брок 28 августа в телевизионном эфире заявил, что правительство США хочет изменить санкции против газопровода таким образом, чтобы экономическое давление на Советский Союз стало общим. Затем в прессе сообщили, что два члена администрации — госсекретарь Шульц и министр торговли Малкольм Болдридж — звонили президенту Рейгану в Санта-Барбару, где он проводил отпуск. Они пытались убедить его не вводить столь суровые санкции против французской фирмы Dresser и британской John Brown, которая уже начала грузить турбины для советского газопровода на корабль в Глазго.

На следующий день меры против нарушителей газопроводного эмбарго просили ограничить уже четверо высокопоставленных членов администрации — к Шульцу и Болдриджу добавились секретарь казначейства Риган и заместитель министра торговли Олмер. Тот самый, который двумя месяцами ранее объяснял механизм действия санкций. Они предлагали запретить поставлять из США компаниям черного списка только товары и услуги, связанные с нефтегазовым оборудованием⁶⁰.

В результате Шульц и Болдридж добились ограничения санкций исключительно нефтегазовыми услугами. Оба также сумели получить мандаты на проведение новых переговоров с европейцами об отмене санкций против газопровода в обмен на соглашение о совместных действиях экономического характера против СССР. Впрочем, уже первые контакты на уровне послов показали, что добиться такого соглашения будет сложно. Франция требовала безусловной отмены «незаконных односторонних санкций». Схожей позиции придерживалась Германия, но в ФРГ в конце сентября 1982 года предстояли очередные выборы в бундестаг, и, по всем прогнозам, социал-демократическая

⁶⁰ <https://www.nytimes.com/1982/08/29/world/us-pipeline-tactic-affirmed.html>

Рис. 3. Поставки советского и российского газа в Западную Европу, млрд куб. м

партия Германии (СДПГ) действующего канцлера Шмидта должна была проиграть коалиции ХДС/ХСС Гельмута Коля. Что и произошло.

13 лет правления немецких социал-демократов, для которых восточная политика налаживания и развития торгово-экономических связей с Советским Союзом и другими странами СЭВ была важной частью внешнеполитического курса, подошли к концу. Но главой МИД ФРГ остался Ханс-Дитрих Геншер, занимавший этот пост и при Шмидте. А официальные представители нового правительства Западной Германии подтвердили приверженность политике строительства газопровода и контрактам на поставку оборудования и труб для его запуска. Гельмут Коль на первой же пресс-конференции в качестве канцлера ФРГ заявил, что отношения с США — это отношения «дружбы и партнерства, а не зависимости»⁶¹. Тем не менее смена караула в ФРГ открывала Вашингтону окно возможностей для того, чтобы подписать «сохраняющее лицо» соглашение о замене санкций на отказ от экономического субсидирования «советской военной мощи» в будущем.

⁶¹ <https://www.nytimes.com/1982/10/05/world/kohl-plans-no-changes-on-gas-pipeline-project.html>

Главная же загвоздка была в том, что европейцы, а особенно Франция, были глубоко уязвлены «ковбойскими» действиями Рейгана в истории с газопроводным эмбарго. Американский президент пытался обойтись с ними не как с союзниками, а как с вассалами, «куриными хвостиками», по его собственному выражению. Вашингтону же для сохранения лица требовалось формальное соглашение, которое в сложившихся условиях, по сути, было невозможно.

В начале ноября 1982 года Ф. Миттеран и М. Тэтчер после переговоров провели совместную пресс-конференцию, на которой дружно заявили, что будут приветствовать отмену санкций Вашингтоном, но никаких «свежих обязательств» со стороны европейцев ждать не стоит.

Этот клинч, вероятно, мог тянуться еще несколько месяцев, если бы не смерть в ночь с 9 на 10 ноября 1982 года генерального секретаря СССР Л.И. Брежнева. Официально о ней сообщили лишь через сутки. А уже 13 ноября президент США Рональд Рейган в еженедельном субботнем радиообращении к нации объявил, что Соединенные Штаты достигли с европейцами соглашения о согласованной экономической политике в отношении Советского Союза. Поэтому он принял решение снять санкции против газопровода.

«Я только что вернулся в Белый дом из советского посольства, где подписал книгу соболезнования президенту Брежневу, — сказал американский лидер в завершение речи. — Новые люди приходят к власти в Советском Союзе. Если они будут действовать ответственно, то получат быстрый позитивный ответ от Запада»⁶². На следующий день после обращения к нации в Москву вылетели вице-президент Джордж Буш-старший и госсекретарь Шульц для участия в похоронах советского генсека.

Суть соглашения, якобы достигнутого с союзниками, заключалась, по словам Рейгана, в следующем: не предоставлять преференций в торговле, которые будут служить военному или стратегическому преимуществу СССР; провести срочное исследование альтернативных источников энергоснабжения Западной Европы. Кроме того, по заявлению президента США, союзники пообещали не заключать новых контрактов на закупки советского газа, пока упомянутое исследование не будет завершено; проявлять повышенное внимание при поставках высокотехнологичной продукции в Советский Союз; усилить

⁶² <http://www.nytimes.com/1982/11/14/world/transcript-of-reagan-speech-on-soviet-union.html>

контроль над торговлей стратегическими товарами и гармонизировать кредитную политику — иными словами, отказаться от субсидирования процентных ставок при предоставлении новых займов.

Все эти положения были и так уже отражены в коммюнике встречи G7 в Версале, после которой Вашингтон распространил санкции на европейские компании и развязал торгово-дипломатическую войну. Что касается обещания не подписывать новые контракты на закупку газа, то западные европейцы и не планировали этого делать в ближайшее время. Дело в том, что рост спроса на газ значительно замедлился, и новые поставки до начала 1990-х вряд ли бы потребовались.

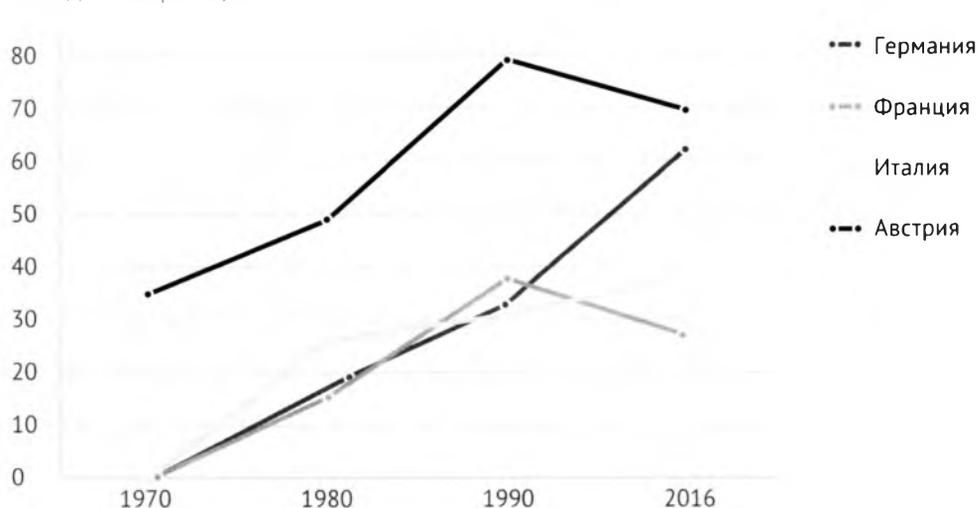
Более того, министры энергетики стран общего рынка Европы, заседавшие за неделю до выступления Рейгана, рассмотрели ситуацию с поставками газа и пришли к выводу, что, хотя к 1990 году СССР станет крупнейшим поставщиком, его доля в газовом балансе Западной Европы составит около 20%, а в общем энергетическом коктейле — менее 4% и опасаться европейцам нечего (Рис. 4).

В Лондоне, Риме и Бонне сдержанно поприветствовали решение Рейгана, заявив, что это позитивные новости для Запада и торговли с СССР. Хорошую мину при плохой игре американцам подпортила Франция. Министерство иностранных дел Пятой республики выпустило официальное заявление, гласившее, что «объявление президента Рейгана о новом соглашении по торговле между Востоком и Западом в министерстве расценивают как преждевременное»⁶³.

Советская пресса тоже встретила эти новости достаточно сдержанно. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) констатировало, что таким образом Вашингтон признал неудачу своих попыток сорвать строительство газопровода из Западной Сибири в Западную Европу. А буквально на следующий день после похорон Л.И. Брежнева министр внешней торговли СССР Николай Патоличев впервые за четыре года принял делегацию из 250 американских бизнесменов. Встреча состоялась не случайно. Девятью годами раньше бизнес-форум СССР–США по договоренности с Патоличевым запустил не кто иной, как Джордж Шульц, теперь возглавлявший Государственный департамент США. Американские компании спешили воспользоваться новыми возможностями, открывавшимися в результате снятия санкций и смены руководства в Советском Союзе.

⁶³ <https://www.nytimes.com/1982/11/15/world/france-denies-trade-pact-was-reached.html>

Рис. 4. Доля советского и российского газа на рынках ключевых экономик Западной Европы, %

Еще одна «странность» действий Рейгана заключалась в том, что они никак не затронули нефтегазовые корпорации. В то время американские компании Exxon, Mobil, Texaco вместе с британскими British Petroleum и Shell владели 66% акций главного покупателя советского газа в Западной Европе — компании Ruhrgas AG. Но серьезного давления во время переговоров с СССР со стороны американских акционеров менеджмент компании, по словам члена правления, а затем и главы Ruhrgas Буркхарда Бергманна, не испытывал, хотя несколько раз встречался с послом США в ФРГ. Более того, 6 февраля 1982 года в газете The Washington Post председатель немецкой «дочки» Exxon Вольфганг Эме заявил, что у Рейгана не было ни малейших оснований запрещать этот бизнес. «Мы работаем в рамках представлений правительства Германии, что этот проект хорош для Германии», — подчеркнул он.

Эмбарго против газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород» продержалось меньше года и не причинило особого вреда его строительству, а ужесточенный вариант санкций просуществовал всего 143 дня и чуть не развалил НАТО.

«Проект века» и его всесоюзная стройка

«В качестве задачи первостепенной экономической и политической важности считаю нужным выделить быстрое увеличение добычи сибирского газа. Месторождения западносибирского региона уникальны, — говорил Брежнев на XXVI съезде КПСС (23 февраля — 3 марта 1981 года). — Наиболее крупное из них — Уренгойское — отличается такими гигантскими запасами, что на протяжении многих лет может обеспечивать как внутренние потребности страны, так и экспорт, в том числе в капиталистические страны. Добычу газа и нефти в Западной Сибири, их транспортировку в европейскую часть страны предстоит сделать важнейшими звеньями энергетической программы 11-й, да и 12-й пятилеток. Такова установка Центрального Комитета партии, и, надеюсь, она будет поддержана съездом (*продолжительные аплодисменты*).

Мы ожидаем, что в осуществлении этого проекта, равно как и в развитии атомной энергетики, примут участие заинтересованные социалистические страны. Это имело бы существенное значение для всего нашего сотрудничества». ⁶⁴

В той пятилетке Советский Союз решил построить сразу шесть ниток магистральных газопроводов от Уренгоя до центральной части страны. Экспортный — газопровод «Уренгой–Помары–Ужгород» — был известен как магистраль № 6.

А уже в июле 1981 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР выпустили закрытое постановление о строительстве системы магистральных газопроводов «Уренгой–Помары–Ужгород» для выполнения подписанных контрактов на поставки советского природного газа в Западную Европу. То самое постановление (с него до сих пор не снят гриф секретности), о котором рассказал Юрий Зайцев. В нем же, как говорится в книге Бориса Щербины, в то время министра нефтегазового строительства СССР, был установлен директивный срок ввода газопровода — апрель 1984 года. Достаточно амбициозный, но все-таки не

⁶⁴ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля — 3 марта 1981 года. Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1981.

слишком фантастический — на реализацию давалось почти три года⁶⁵. Интересно, что на тот момент не существовало ни контрактов на закупку газа, ни кредитных соглашений, ни окончательного решения по оборудованию и проекту газопровода.

На ноябрьском пленуме ЦК КПСС в 1981 году Брежнев называет строительство газопроводов из Уренгоя центральными стройками пятилетки⁶⁶.

В сентябре 1981 года, когда переговоры с поставщиками импортного оборудования в Дюссельдорфе уже вышли на финишную прямую, но еще не были оформлены контрактом, ЦК КПСС принял решение оснастить первоочередные компрессорные станции отечественным оборудованием и ввести газопровод в строй раньше первоначального срока — в декабре 1983 года. Это было одновременно и формой давления на европейских производителей, и страховкой от разного рода неожиданностей. И что особенно важно — трезвой оценкой возможностей поставки и монтажа импортного оборудования. Благо пять газопроводов из Уренгоя в европейскую часть Советского Союза уже строились в основном на советских газоперекачивающих машинах.

Сергей Сердюков

«Когда вводили „Уренгой–Помары–Ужгород“, мы не могли поставить на него штатные компрессорные станции, так как из-за эмбарго импортные турбины для них стали поступать без роторов. Тогда решили, что компрессорные станции на отечественном оборудовании с внутреннего

⁶⁵ Щербина Б.Е., Чирсков В.Г., Шмаль Г.И. Трансконтинентальный газопровод «Уренгой–Помары–Ужгород». — М.: Недра, 1985.

⁶⁶ Брежнев Л.И. Речь на пленуме ЦК КПСС 16 ноября 1981 года. Постановление пленума ЦК КПСС. — М.: Политиздат, 1981.

газопровода „Уренгой–Центр — 1“ будут работать на экспортную трубу. Пришлось опережающими темпами строить свои компрессорные станции, чтобы запустить газопровод и поставить газ по заключенным контрактам. Только после снятия санкций и поступления роторов штатные КС были запущены на „Уренгой–Помары–Ужгород“».

Вот почему реакция Москвы на «газопроводное» эмбарго со стороны Рейгана и в конце 1981 года, и в середине 1982-го оказалась достаточно сдержанной. Газеты, конечно, клеймили подлость американских капиталистов, но никаких серьезных демаршей советское руководство в отношении западноевропейских компаний не предпринимало. Один раз только, в начале июня 1982 года, министр газовой промышленности В.А. Динков провел в швейцарской Лозанне встречу с представителями компаний, участвующих в поставке оборудования для «проекта века», где пригрозил им неприятностями за срыв поставок.

Но в тот момент все подготовительные работы на газопроводе завершились, и стартовало строительство. Хотя первые компрессорные станции, как уже отмечалось, были отправлены в советские порты лишь к концу лета 1982 года.

В мае того же года делегация Deutsche Bank AG во главе с Фридрихом Кристиансом прибыла по приглашению Госбанка СССР в Западную Сибирь для осмотра Уренгоя. Им предстоял четырехчасовой перелет в сердце газовой Сибири, а затем вертолетная прогулка вдоль строящихся газопроводов.

«Немецкие гости находились под сильным впечатлением от „беспримерной“ деятельности и способностей рабочих и инженеров, которым приходилось трудиться в суровых условиях сибирских зим при температуре минус 40–50 градусов, а также от используемых ими технологий. Таким примером был, в частности, высокий уровень техники сваривания. Разработанный советскими инженерами сварочный аппарат вводился в трубу и прочно и эластично сваривал трубы диаметром 1420 мм за 4 минуты. Ранее на такую операцию двое рабочих тратили 7 часов»⁶⁷, — пишет историк Deutsche Bank AG профессор Манфред Польш.

Глава московского офиса Deutsche Bank Аксель Лебан лично участвовал в той поездке.

⁶⁷ Manfred Pohl, *Geschäft und Politik. Deutsch-russisch / sowjetische Wirtschaftsbeziehungen*. v. Hase&Koehler, 1988. P. 169.

Аксель Лебан

«Уренгой был тогда закрытой для иностранцев зоной. Но мы с Кристиансом сообщили российской стороне, что хотим сами хотя бы один раз посмотреть на то, как добывается газ в Сибири и строится газопровод. Российская сторона сначала насторожилась, долго размышляла, но в итоге разрешение на посещение Нового Уренгоя для трех иностранцев было получено. Однако затем нам сказали, что в Новом Уренгое уже началась весна, и аэропорт не может принять наш самолет. На это Кристианс возразил, что знает русских летчиков: они всегда справляются со сложными задачами. В итоге мы отправились в Уренгой. Прилетели туда как раз на Пасху. Мы стали первыми западными гостями в этом городе. Конечно, впечатление было колоссальным».

Реальные темпы строительства оказались просто космическими. Если к 1 июля 1982 года было проложено 75 км трассы, то уже 17 августа 1983 года руководство Миннефтегазстроя рапортовало о проведении испытаний всей линейной части трубы протяженностью 4451 км через труднодоступную тундру, Уральские горы, бесчисленное количество рек и Карпаты — вплоть до западной границы Советского Союза.

Санкции привели к тому, что строительство газопровода стало для СССР одним из национальных приоритетов. Возможно, сегодня слова о трудовом энтузиазме вызывают ироничную улыбку, но это было действительно так. В марте 1982 года министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б. Щербина пишет записку в ЦК КПСС, где фиксирует, что только к февралю 1982 года министерство получило около 8 тыс. писем от желающих трудиться на строительстве газопроводов.

Отечественные строители построили газопровод «Уренгой–Помары–Ужгород» всего за 18 месяцев: средняя приведенная к единому диаметру 1420 мм скорость строительства в 7 раз превысила скорость прокладки

Трансаляскинского трубопровода в США и в 11 раз — трубопровода из Алжира в Италию (Табл. 2). Правда, алжирский включал и более сложный с технической точки зрения участок по дну Средиземного моря.

О новинках в организации строительных работ рассказал Геннадий Шмаль, бывший заместитель главы Миннефтегазстроя Советского Союза.

Геннадий Шмаль

«Мы в ответ на все санкции построили газопровод за 18 месяцев при нормативе по меньшей мере 5 лет, то есть 60 месяцев. Мы изменили подход к строительству, перешли на поточный метод, когда за каждый участок отвечал „под ключ“ поток, состоявший из 170–200 человек всех необходимых специальностей. Раньше у нас как было? Специализированные строительные тресты. Один трест копает землю. Второй трест сваривает трубу в нитку. Третий ее изолирует и укладывает. А „землерои“ потом засыпают. Это очень тормозило работы и размывало ответственность за конечный результат. И вот тогда, кстати говоря, отличился Леонид Викторович Михельсон⁶⁸. Он был начальником одного из потоков. Мы показали, как надо и как можно работать, и я всегда говорю: в данном случае санкции повлияли только в положительную сторону, чисто психологически. В ответ на эти вещи народ сплачивается и старается работать. Ну и, конечно, заработки. Могу сказать, что в период такой интенсивности труда, особенно зимой, у нас сварщик получал примерно 800–1000 рублей в месяц. Министр получал меньше».

⁶⁸ Л. Михельсон сейчас президент и совладелец компании НОВАТЭК, а начинал строить газопроводы еще на проекте «Оренбург — Западная Сибирь».

Таблица 2. Сравнительные характеристики крупных трубопроводных проектов конца 1970-х — начала 1980-х годов

Характеристики	«Уренгой– Помары– Ужгород»	Трансая- скинский трубопровод	«Кактус– Сан- Фернандо»	«Морган– Вентура»	«Алжир– Тунис– Сицилия– Италия»
Протяжен- ность, км	4451	1285	1350	1320	1160
Диаметр, мм	1420	1220	1220	1067	1220
Продолжи- тельность строитель- ства, мес.	18	36	16	16	42
Продолжи- тельность строительства, приведенная к диаметру 1420 мм, мес.	18	49	22	31	57
Средние темпы строительства, км/мес.	248	34,9	61,3	42,5	21,5
Среднеме- сячное число работающих потоков	20	6	11	9	3
Средняя про- изводительность потока, км/мес.	12,4	5,8	5,6	4,7	6,8

Впрочем, не обошлось на стройке и без негативных проявлений атмосферы санкций и обострения холодной войны.

Сергей Сердюков

«Часто оборудование приходило некондиционным. Взять хотя бы историю с подшипниками в турбинах AEG Kanis. Без всяких причин в одной из них начала расти температура. И после 4000 часов работы, примерно за девять месяцев, турбина просто развалилась, подшипник расплавился, лопатки все вылетели. Вскрытие показало, что внутри турбины оказался замасленный номер газетки Frankfurter Allgemeine Zeitung. Это была такая закладка на будущее. Она ломала турбину не сразу, а через определенное время, пока газета по трубкам не дошла до подшипника и не вывела его из строя. Такой привет от противников сотрудничества с Советским Союзом. А положили бы крафт-бумагу — и тогда выяснить, „откуда ноги растут“, было бы невозможно. Это произошло на компрессорной станции „Чайковская“ в Пермском регионе. Газету ту мы отдали в КГБ.

Или взять нагнетатели газовой турбины французской фирмы Dresser. Нагнетатель имеет заводскую обвязку, которую при монтаже промывают маслом от грязи. Обычно для такой операции хватает трех дней, чтобы убедиться, что там все чисто и можно нагнетатели запускать в работу. Но тут мы и через три месяца непрерывного промывания не могли добиться нужного результата. В конце концов фирма-изготовитель предложила нам обстучать трубы деревянными молотками. Поток грязи и окалины только усилился, но не прекратился. Позже мы отдали эти частицы на анализ, и выяснилось, что труба обработана изнутри кислотой, вызвавшей глубокую коррозию металла. Трубу специально испортили с целью затруднить стабильную работу компрессорной станции. Если бы мы не стали ее так

тщательно промывать, то она просто постоянно забивала бы фильтры, и каждые пару дней пришлось бы останавливаться на их чистку.

В итоге французы поставляли новые детали взамен испорченных, но все это приводило к тому, что оборудование простаивало, графики вводов оказались под угрозой. Такая вот «итальянская забастовка»⁶⁹ механического типа, когда машины есть, но они не работают».

Подводя итоги истории удивительного во всех смыслах проекта, можно сказать, что ввод экспортного газопровода стал возможен благодаря отечественному оборудованию — хотя оно и было менее технологичным и эффективным. Все получилось, пусть и с некоторой отсрочкой поставок газа на внутренний рынок — советские министерства и ведомства прекрасно это осознавали. Уже тогда руководству страны было ясно, что выбранная стратегия была дальновидной и перспективной. Разделение рисков путем вовлечения в проект производителей оборудования (наряду с газовыми компаниями-покупателями), обладающих внушительным весом внутри своих стран, оперирующих большим количеством рабочих мест и процентов ВВП, делали конструкцию проекта более устойчивой к воздействию негативных политических сил в условиях холодной войны.

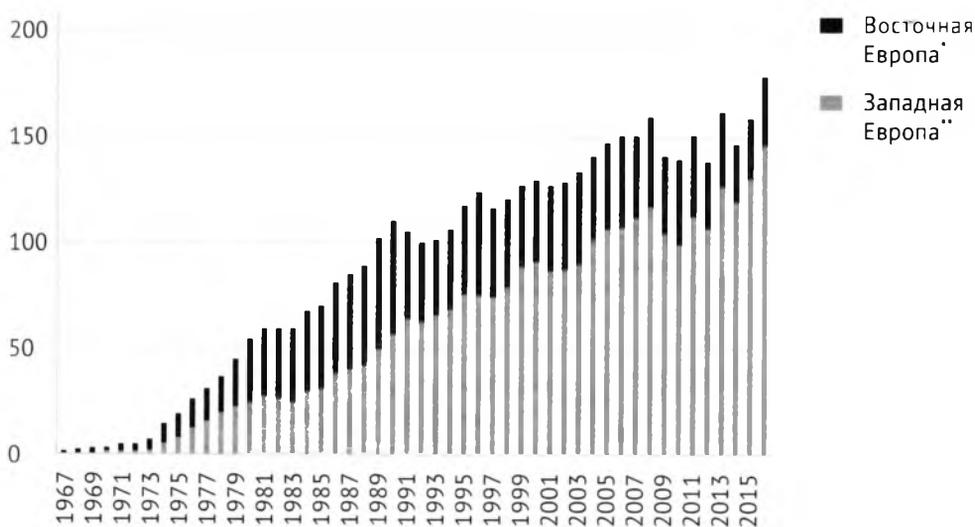
Поэтому даже мелкий и средний саботаж, который наблюдался со стороны некоторых поставщиков импортного оборудования, не отменял главного — более глубокой кооперации для формирования успешного долгосрочного рынка газовых поставок из Советского Союза и России в Европу.

Ввод в действие газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород» привел к тому, что впоследствии, в 1990 году, объемы поставок советского газа в Западную Европу (без учета Турции и Финляндии) удвоились по сравнению с 1983 годом (общая сумма 4,7 млрд долларов). Весь же экспорт природного газа с учетом стран СЭВ, Турции и Финляндии перевалил за 110 млрд куб. м и принес стране более 10,5 млрд долларов (Рис. 5).

---

⁶⁹ **Итальянская забастовка** — также называется обструкция — форма протеста, при которой сотрудники предприятия предельно строго исполняют свои должностные обязанности и правила, ни на шаг не отступая от них и ни на шаг не выходя за их пределы. Иногда итальянскую забастовку называют *работой по правилам* (англ. *Work-to-rule*). Такой метод забастовочной борьбы весьма эффективен, так как работать строго по инструкциям практически невозможно, и, вкуче с бюрократическим характером должностных инструкций и невозможностью учесть в них все нюансы производства, такая форма протеста приводит к существенному спаду производительности и, соответственно, к крупным убыткам для предприятия.

Рис. 5. Экспорт советского и российского газа в Западную и Восточную Европу, млрд куб. м

* ГДР (до 1990 года включительно), Чехия, Словакия, Польша, Болгария, Венгрия, Румыния, бывшие республики СФРЮ.

** Австрия, ФРГ, Италия, Франция, Швейцария, Нидерланды, Финляндия, Турция, Греция, Великобритания, Дания, Бельгия.

III ГЛАВА

Роль США
в газовом
треугольнике.
Санкционный
террор >

Общаясь с непосредственными участниками событий 1970–1980-х годов, как с европейской, так и с советской стороны, мы весьма часто сталкивались с упоминанием США. Казалось бы, где Соединенные Штаты, а где газопроводы из СССР в Европу. Однако США всегда оставались активными участниками переговорного процесса и почти всегда пытались убедить европейцев ни в коем случае не заключать долгосрочные газовые контракты с Советским Союзом. США пугала сама возможность энергетической кооперации Европы с «русскими», и они делали все, чтобы ликвидировать ее в зародыше. Вашингтон любыми способами пытался сорвать заключение первых газовых контрактов и строительство новых магистральных газопроводов из СССР в Западную Европу.

И в новейшее время, когда «железный занавес» рухнул, Соединенные Штаты «не успокоились». Американские политики, дипломаты, военные и сотрудники спецслужб продолжали активно убеждать ЕС, что нужны диверсификация, альтернативные поставщики, что Россия — рискованный партнер, что она якобы использует некое «энергетическое оружие» и шантажирует Европу прерыванием поставок. Это не конспирология — многие популярные в Европе лозунги и мифы сконструированы именно Соединенными Штатами. Если бы Европа придерживалась большей самостоятельности в принятии энергетических решений, отношения развивались бы гораздо динамичнее и с меньшими издержками как для России, так и для ЕС.

В разговорах с ветеранами российской нефтегазовой индустрии выяснился весьма любопытный факт: кооперация с американским бизнесом существовала, и весьма внушительная. Оказалось, что развитие российской нефтегазовой индустрии вряд ли шло бы такими темпами без сотрудничества с компаниями из США: многие принципиально важные для отрасли решения были заимствованы именно в Соединенных Штатах в период так называемой разрядки в первой половине 1970-х. Довольно большой объем необходимого оборудования также был приобретен именно в США.

Поэтому надо понимать, что когда авторы говорят: «США делали все, чтобы сорвать энергетическую кооперацию между РФ и Европой», то под этим подразумевается политическая элита. Бизнес воспринимал все совершенно в ином свете.

Американский бизнес в период холодной войны очень прагматично подходил к Советскому Союзу: как только политическое напряжение в отношениях

двух сверхдержав немного спадало, он тут же включался в торговые операции. Казалось бы, логичнее было экономически душить главного соперника, не допускать его к технологическим секретам. Но бизнесмены с удовольствием торговали с СССР, иногда даже приспособливая вектор политики и его апологетов к своим целям — особенно когда речь шла о ключевых для стабильного развития СССР отраслях и прежде всего о нефтегазовой промышленности.

Американское деловое сообщество действительно рассматривало СССР в качестве очень емкого и привлекательного рынка. Это в полной мере касалось и сегмента энергетического машиностроения, поэтому бизнесмены продолжали решительно выступать против санкций. Поставки газа из СССР в страны Западной Европы воспринимались чрезвычайно позитивно, потому что подразумевали продажу необходимых Москве трубоукладчиков, экскаваторов, бульдозеров и газоперекачивающих турбин. Самые первые газопроводы в Европу строились именно с использованием американского оборудования. На газопроводе «Уренгой–Помары–Ужгород» тоже должны были стоять американские турбины, а работать на его строительстве — американская техника.

Коммерческий интерес в борьбе с советским газом был разве что у угольщиков США. Поэтому противодействие Вашингтона крупным газотранспортным проектам Европы имело в гораздо большей степени политическую подоплеку. Увы, но в стране, считающей себя самой капиталистической в мире, бизнес вынужден был уступить политике — тогда как в Европе в 1970–1980-е годы многие политики, напротив, оказали бизнесу поддержку. Казалось бы, все должно быть наоборот: Европа граничила с советским блоком, и это ей, а не Соединенным Штатам следовало опасаться идеологически чуждого соседа. К тому же в Старом Свете позиции бизнеса, особенно после двух мировых войн, были не столь определяющими, как в Северной Америке. И тем не менее европейские политики и бизнесмены сумели прагматично подойти к этой истории. Сказалось, конечно же, и отсутствие разумных альтернатив — экономика Европы нуждалась в советском газе, а надежных и относительно экономических вариантов его замещения не предвиделось.

Что же касается Соединенных Штатов, то у них, надо полагать, был еще один аспект политической (точнее будет сказать — геополитической) заинтересованности, кроме борьбы с СССР как с чисто идеологическим противником.

Об этом свидетельствует тот факт, что, хотя Советского Союза на политической арене нет уже более 25 лет, Россию продолжают воспринимать как идеологического врага, приписывают ей мечты о восстановлении СССР, а решения российских руководителей интерпретируют в стиле «они мстят за Советский Союз». На самом же деле причина в том, что Соединенные Штаты после окончания Второй мировой войны и реализации плана Маршалла получили колоссальное влияние на Западную Европу. Это был чрезвычайно ценный политический и экономический ресурс, делиться которым США не хотели. Именно поэтому — из-за нежелания отпустить Европу в самостоятельное плавание — любая торговля с СССР воспринималась ими столь болезненно.

Можно с уверенностью сказать: главным препятствием для реализации газотранспортных проектов из СССР в Европу оказался вовсе не страх перед коммунизмом, не сомнение европейского бизнеса в том, что СССР окажется надежным партнером, справится со строительством газопроводов и запуском новой газовой провинции на севере Тюменской области. Основным барьером стала боязнь Вашингтона потерять сюзеренитет над Европой. Именно поэтому США всячески оттащивали европейских союзников (точнее, учитывая послевоенные реалии, сателлитов) от кооперации с СССР.

Для внешнего мира у американцев было два главных аргумента. Первый: расширяя поставки с Востока, можно впасть в зависимость от русских, и они используют это в собственных политических целях. Второй: продавая энергоносители, Россия станет сильнее и силу эту обратит против Европы же.

Но Европа не боялась СССР. Наоборот, идея заключалась в том, что торговать лучше, чем воевать. Торговля воспринималась как альтернативный путь, который может вывести континент и весь мир из тупиковой и опасной гонки вооружений. Не случайно переговоры по газу совпали с ростом антивоенного общественного движения в Европе, которое тоже оказало определенное давление на политиков. Позиция европейского бизнеса нашла поддержку у значительной части граждан Западной Европы — в отличие от США, где общественное мнение оказалось не таким лояльным к СССР.

1970-е годы: бизнес сильнее политиков

Если бы американские политики прислушивались к собственному бизнес-сообществу, история газовых отношений России и Европы могла сложиться по-другому. Дело в том, что бизнес США стремился торговать с Советским Союзом ничуть не меньше, чем их европейские конкуренты. Они рассматривали СССР не как врага, а как выгодного покупателя или надежного поставщика. Капиталистическое сознание, основанное на примате выгоды, брало верх.

Интересно, что практически все ветераны нефтегазовой промышленности СССР весьма лестно отзываются об американских партнерах, подразумевая не современный эвфемизм западной дипломатии, а настоящих бизнес-партнеров, которые четко выполняют свои обязательства. Нельзя не признать, что Америка являлась одним из лидеров в области нефтегазовых технологий и учиться у нее было вовсе не стыдно. Да и в целом советские хозяйственники с большим уважением относились к американским промышленникам.

Успехи американцев в области развития реального сектора экономики не только не отрицались, но и признавались, и даже пропагандировались публично. Вот характерная цитата из книги заместителя министра внешней торговли СССР Николая Смелякова, изданной в СССР в 1969 году. Сам автор до назначения в МВТ (1959) два года возглавлял в Нью-Йорке «Амторг» — специальное акционерное общество, учрежденное советскими госучреждениями в США для проведения экспортно-импортных операций между Москвой и американскими компаниями.

«Промышленность США, — пишет Смеляков, — характеризуется огромными мощностями высокой производительности труда, хорошим и надежным качеством продукции. Организация производства и труда на предприятиях находится в целом на высоком уровне и обеспечивает достаточную конкурентоспособность американских товаров на рынке. Особенно хорошо поставлено проектирование и подготовка производства, калькулирование издержек производства и снабжение материалами и комплектующими изделиями. Американская промышленность отличается высокой степенью механизации и автоматизации, располагает прекрасной экспериментальной

базой. Если же говорить о специализации, то, пожалуй, немного найдется стран, которые могли бы быть серьезными соперниками США в этой области. Очень много сделано в области методики конструирования промышленной продукции, проектирования технологических процессов, оснастки, контрольно-измерительных приборов, организации поточных линий. Проведена колоссальная работа по рационализации труда»⁷⁰.

Другие ветераны отрасли подчеркивают особую значимость кооперации с США в ключевой период бурного освоения нефтяных и газовых богатств Западной Сибири. В книге о министре нефтяной промышленности В. Д. Шашине⁷¹ постоянно упоминаются контакты и взаимодействие советских специалистов с американским бизнесом. В 1970 году делегация во главе с Шашиным летала в США, после чего были подписаны важные контракты на поставку оборудования. Прежде всего, делегация посетила производителей долот, буровых насосов, комплексных систем управления скважинами, затем побывала на гигантском месторождении Prudhoe Bay на Аляске, открытом буквально за два года до этого. Геологические запасы нефти месторождения оценивались более чем в 3 млрд тонн, а газа — более чем в 700 млрд кубометров⁷².

Иногда американскому бизнесу удавалось уговорить политиков прислушаться к его мнению. Но в итоге политика все равно брала верх, и сотрудничество замораживалось. Первый серьезный разлад между Европой и США относительно советских трубопроводов возник в связи с намерением СССР построить нефтепровод «Дружба». Он не касался поставок нефти в Западную Европу — стояла задача снабжать нефтью страны соцлагеря по трубе, а не по железной дороге, что было намного дороже. (Интересно, что в 2017 году австрийская OMV предложила все же продлить этот трубопровод до Вены.)

США всеми силами старались предотвратить исполнение крупных контрактов на поставку труб большого диаметра со стороны немецких, итальянских и британских компаний. Вашингтон направил жалобы в Координационный комитет по экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export

⁷⁰ Смеляков Н. Деловая Америка. — М.: Политиздат, 1969. — С. 174.

⁷¹ Гайказова М. Н. Валентин Дмитриевич Шашин — блистательный стратег нефтяной промышленности. — М.: ФГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2006.

⁷² Подробнее см.: Шашин — к 100-летию со дня рождения. — М., 2016. — С. 114–115.

Controls, CoCom), основанный в 1949 году для контроля над экспортом в СССР и другие соцстраны. Когда эта инициатива завершилась провалом, Соединенные Штаты обратились за поддержкой к НАТО. 21 ноября 1962 года Совет НАТО принял секретное решение, призывавшее государства-члены немедленно прекратить экспорт труб большого диаметра (ТБД) в страны советского блока. Текст данной резолюции содержал два основных положения:

- > о прекращении поставок ТБД (более 19 дюймов) странам советского блока по действующим контрактам;
- > о предотвращении заключения новых контрактов, предполагающих аналогичные поставки.

Возникла большая дискуссия на предмет того, является ли этот документ рекомендацией или носит обязательный характер. Страны-поставщики, такие как Великобритания и Италия, решили проинтерпретировать резолюцию как рекомендательную. В итоге запрет оказался малоэффективным, а 1 ноября 1966 года альянс выпустил пресс-релиз, в котором говорилось о нецелесообразности запрета на продажи ТБД⁷³.

Сам же американский бизнес не только сохранял лояльность советским покупателям, но и убеждал политиков в том, что такое сотрудничество не наносит вреда национальным интересам США. И в какой-то момент настойчивость бизнесменов дала свои плоды. В немалой степени этому способствовало пребывание в Белом доме Ричарда Никсона, который во внешней политике пытался, говоря модным сегодня словом, «перезагрузить» отношения с СССР и коммунистическим Китаем. Надо сказать, что, в отличие от современных американских политиков, ему это действительно удалось. Начался короткий период разрядки.

В 1972 году Никсон совершил во многих отношениях сенсационные визиты в Пекин и в Москву. В столицу Советского Союза он прибыл 24 мая по личному приглашению Л.И. Брежнева. Многим тот визит памятен подписанием первого договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1). Именно тогда было принято решение о проведении в СССР американской выставки «Нефть и газ — 1973», которая с грандиозным размахом прошла в Сокольниках.

---

⁷³ Полный текст пресс-релиза можно прочитать в Приложении 5.

По итогам выставки были закуплены 25 шарошечных долот у компании Dresser Industries Inc., что позже вылилось в приобретение Советским Союзом долотного завода. Это была уже не просто закупка оборудования, а полноценный импорт технологий. И американцы шли на это⁷⁴.

Уровень доверия вырос настолько, что позволил перейти к совершенно фантастическим на первый взгляд проектам. В 1972–1973 годах предметно обсуждался проект «Северная звезда», который мог стать альтернативой развитию трубопроводного экспорта российского газа в Европу. Речь шла о прокладке трубы с Уренгойского месторождения до Кольского полуострова, где планировалось возвести первый в Советском Союзе завод по производству сжиженного природного газа для поставок его в США. Порт и СПГ-завод решили строить рядом с поселком Индига. На тот момент это был чрезвычайно высокотехнологичный проект — первый крупнотоннажный СПГ-завод построили в 1964 году в Алжире, возводились заводы в Ливии и Брунее, а всего за три года до начала переговоров о «Северной звезде» американцы ввели в строй подобный экспортный терминал на Аляске. То есть американцы были готовы делиться с СССР самыми новыми технологиями. Кроме того, банки США выразили готовность выделить на строительство кредит, который затем возвращался бы за счет поставок СПГ из СССР. Фактически предлагался вариант сделки «газ — трубы», но видоизмененный в форму «газ — холодильники».

Проект «Северная звезда» обсуждался на самом высоком уровне: в 1973 году — на совещании у председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина. Мнения разделились. Представители отрасли — министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Алексей Кортунев и министр нефтяной промышленности СССР Валентин Шашин — поддержали проект. Однако категорически против выступил министр морского флота Тимофей Гуженко⁷⁵, который посчитал его сомнительным из-за стоимости перевозки.

Потом начались трудности в переговорах о стоимости поставок газа в США, а некоторое время спустя из-за угрозы импичмента, связанного с Уотергейтским скандалом, ушел в отставку президент Никсон. Проект положили в долгий ящик. Но сам факт обсуждения в советском правительстве строительства

---

⁷⁴ В. Д. Шашин — к 100-летию со дня рождения. — М., 2016. — С. 118–120.

⁷⁵ Андриянов В. Кортунев. — М.: Молодая гвардия, 2007. — С. 492–493.

СПГ-завода на американские деньги и по американским технологиям в 1973 году весьма показателен. Он говорит о том, что в 1970-е годы в советско-американских отношениях доминировал реалистичный подход: США не боялись взаимодействовать с Советами и показывать свои технологические решения и новинки.

Бывший замминистра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Геннадий Шмаль рассказывал авторам книги, как ездил на Аляску с делегацией Миннефтегазстроя в 1976 году. Делегацию возглавлял Юрий Баталин, первый заместитель министра Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Смотрели все то же месторождение Prudhoe Bay. Аляска по климатическим условиям ближе всего к месторождениям севера Тюменской области, поэтому именно там детально изучалась технология комплектно-блочного строительства в промышленных масштабах, позволившая ввести в рекордные сроки Ямбургское газовое месторождение.

В СССР в то время делали блоки весом 40–50 тонн. На Аляске использовались блоки в 2200 тонн. Промысел Prudhoe Bay находился на берегу Северного Ледовитого океана, и американцы создали в Сиэтле мощную базу, где строились блоки, которые потом доставляли морем на Аляску и устанавливали на готовые сваи.

Во время посещения аляскинского месторождения никаких препятствий американские власти советской делегации не чинили, вспоминал Шмаль, а бизнес свои наработки показывал с удовольствием. Советский Союз воспринимался ими как потенциальный клиент, а не как потенциальный противник.

Именно тогда было решено осваивать Ямбург с применением суперблоков. Тюмень стоит на реке Туре. На ее берегу создали базу для реализации комплектно-блочного метода и постройки суперблоков весом 350–450 тонн. Затем их на понтонах сплавляли примерно на 2,5 тыс. км по реке до Ямбурга, после чего примерно 25–30 км волоком тащили до месторождения, где уже были подготовлены сваи.

В трубопроводном бизнесе американские технологии всегда были весьма востребованы. После первых газовых контрактов с европейцами в конце 1960-х — начале 1970-х годов стало понятно, что объем поставок газа из СССР

в Европу будет постоянно расти, и в середине 1970-х годов в Советском Союзе начали активно к этому готовиться.

В 1974 году была закуплена большая партия газоперекачивающих агрегатов у американской компании Solar, входившей в корпорацию Caterpillar. Завод по их производству располагался в городе Сан-Диего в Калифорнии.

На учебу и приемку газотурбинных установок для подземных хранилищ природного газа в Советском Союзе (конкретно — для расположенных на Украине Кегичевки и Красной Поповки) от Мингазпрома командировали Юрия Зайцева. Пикантность ситуации заключалась в том, что в Сан-Диего расположена одна из крупнейших военно-морских баз США. Сегодня корабли на этой базе показывают даже туристам, совершающим прогулку по заливу. Но тогда объект считался секретным, и, естественно, советским гражданам находиться там запрещалось. Однако Юрия Зайцева — как представителя крупного покупателя, а не политического оппонента — не только пустили на завод: он провел там несколько месяцев без особых проблем.

По его словам, единственная трудность заключалась в том, что ему не разрешили жить в городе, а на завод нужно было приезжать ежедневно. Поэтому поселили Зайцева в специально снятом коттедже — то ли под охраной, то ли под присмотром хозяев — этнических украинцев, эмигрантов первой волны. Не обошлось и без курьезов: на конвейере завода работали в основном женщины, и, увидав впервые советского человека, они буквально пережили культурный шок — из СССР приехал похожий на них белый, который говорил по-английски и разбирался в технике!

В 1976–1977 годах были закуплены три комплектные станции General Electric — необходимо было опробовать их в разных климатических условиях. Одну установили на Крайнем Севере — в Надыме, другую, наоборот, в песках Средней Азии, а третью — на Урале. Юрий Зайцев признает, что американское оборудование показало себя прекрасно во всех режимах эксплуатации.

При строительстве газопроводов в 1970-е годы использовалось и другое оборудование из США. Так, при сооружении газопровода «Союз» (он же «Оренбург — Западная граница СССР») применялись материалы для изоляции стыков и ремонта покрытия труб американских компаний Raychem и Polyken. Не обходилось и без проблем. 11 февраля 1976 года приехавший

в СССР заместитель министра угольной и энергетической промышленности ГДР Бернштейн пожаловался заместителю министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Сорокину на задержку с поставкой сварочного оборудования из США. (Речь шла о все том же газопроводе «Союз».) Пришлось срочно перебрасывать в ГДР технологическую базу для сварки плетей труб⁷⁶.

Но в целом сотрудничество разворачивалось и было весьма успешным. Более того, американские банки в 1970-е годы кредитовали советскую экономику. В стенограмме встречи министра внешней торговли СССР Николая Патолечева с министром экономики ФРГ Хансом Фридериксом обнаружился интересный эпизод. Обсуждая проект строительства немцами металлургического завода под Курском, Николай Патолечев указывает, что немецкая сторона хочет кредитовать проект под 9% годовых, в то время как США дают долгосрочные кредиты под 6%. Как тут не вспомнить, что первые сделки «газ — трубы — кредиты» с Германией были в результате заключены как раз под те же 6% годовых.

Все это, конечно же, не означает, что в политической элите США все спокойно наблюдали за развитием бизнес-отношений с СССР. В апреле 1977 года ЦРУ выпустило публичный доклад «Перспективы добычи нефти в Советском Союзе». Доклад содержал прогноз, который сегодня выглядит просто смешным. (Кстати, наблюдая, как один за другим терпели фиаско прогнозисты прошлого, невольно начинаешь спокойнее и более скептически относиться к сегодняшним прогнозам, которые так любят журналисты и эксперты.) По мнению авторов доклада, добыча нефти в СССР должна была рухнуть. Поддержанию высокого уровня добычи мешали, по их версии, две проблемы: неточная оценка доказанных запасов (отчасти связанная с засекреченностью данных) и недостаток оборудования для развития и интенсификации добычи на месторождениях Западной Сибири. В перспективе, делали вывод эксперты, это приведет к тому, что СССР станет чистым импортером нефти. Доходы от экспорта газа и угля, запасы которых в стране значительны, не смогут покрыть потери от падения продаж нефти, поскольку требуют куда более значительных инвестиций в развитие отраслей⁷⁷.

⁷⁶ Архивные документы

⁷⁷ Фрагмент доклада можно прочитать в Приложении 6: Prospects for Soviet Oil Production and The International Energy Situation: Outlook to 1985. CIA, April, 1977: Summary.

Доклад также содержал краткий анализ технологического состояния нефтегазовой отрасли, где были указаны «узкие места»: буровое оборудование (включая нехватку определенных видов долот, проблемы с бурением глубоких скважин и пр.), оборудование для подъема жидкости из скважин и для геологоразведки. В свете выпущенного доклада советник по национальной безопасности президента Джимми Картера Збигнев Бжезинский настаивал на введении ограничений по экспорту в СССР нефтегазового оборудования для разведки и добычи.

И уже в 1978 году такие ограничения были введены. В июне Совет национальной безопасности США приостанавливает 144-миллионную сделку на поставку в Советский Союз высококачественных буровых долот компанией Dresser Industries. В следующем месяце вводятся официальные санкции. Поводом для их применения стало осуждение членов Московской Хельсинкской группы. С 1 августа 1978 года министерство торговли США ввело запрет на экспорт и реэкспорт любых технологий и оборудования для разведки и нефтегазовой добычи в страны советского блока.

Санкционный список был весьма широк. Он включал в себя технические данные, оборудование, иную продукцию машиностроения, инструменты и прочие товары, используемые для разведки и разработки месторождений нефти и газа, в том числе:

- любое оборудование для морской добычи (и для сбора нефти);
- оборудование для добычи и транспортировки, предназначенное для работ в арктических регионах и морских регионах Заполярья;
- роторные и подъемные буровые установки (БУ);
- различные части для БУ (в том числе долота разных типов, лопасти, бурильные трубы и прочее — список не ограничен документом);
- оборудование для газлифтной эксплуатации скважины;
- различные виды насосов для нефтегазового и сервисного оборудования;

- > нефте- и газопроводную арматуру;
- > забойное оборудование (проволочные тросы для перфорации скважины, пулевые перфораторы, воротники буров и прочее — список не ограничен документом);
- > оптические, электрические и электронные геофизические инструменты и оборудование для разведки недр (в том числе оборудование для магнитного, гравитационного, сейсмического каротажа и оборудование для дистанционного зондирования).

Также список содержал любые жидкости, материалы и полимеры для интенсификации добычи. Полный перечень подсанкционного оборудования опубликован в официальном журнале Федерального правительства США от 1 августа 1978 года⁷⁸.

В феврале 1979 года ЦРУ выпустило новый анализ перспектив развития энергетического сектора СССР. Он также предрекал падение добычи нефти, однако содержал позитивный прогноз по развитию газовой отрасли. Было отмечено, что темпы добычи газа позволят удовлетворить внутренний спрос и благодаря Западно-Сибирским месторождениям значительно увеличить экспорт к 1985 году. Прогноз предполагал, что к середине 1980-х годов за счет поставок газа СССР станет лидером по получаемым доходам в твердой валюте, несмотря на отсутствие газовой инфраструктуры.

Все это привело к тому, что в Белом доме всерьез обеспокоились перспективами газового сотрудничества между Европой и СССР. Времена стремительно менялись. Прагматики уступали место идеологам. Когда началась подготовка к большому контракту, который и дал жизнь газопроводу «Уренгой–Помары–Ужгород», Советский Союз еще рассчитывал на возможное партнерство с американскими фирмами по проекту. Однако политики в Вашингтоне со все большей очевидностью меняли курс, делая ставку не на партнерство и торговлю с Советами, а на усиление конфронтации по любым направлениям.

---

⁷⁸ Приложение 7: Federal Register, № 148, 33699.

К голосу бизнеса перестали прислушиваться: если воспользоваться марксистской терминологией, политическая надстройка побеждала экономический базис. США словно искали предлоги для ужесточения экономического давления на СССР. И надо сказать, что политика СССР — как внешняя, так и внутренняя — не замедляла такие поводы предоставлять.

Не стоит забывать и про смену хозяев Овального кабинета. Пытавшийся наладить диалог с Москвой Ричард Никсон вынужден был под угрозой начала процедуры импичмента в 1974 году уйти в отставку. История эта также не лишена исторических параллелей: Никсона, пытавшегося нормализовать отношения с СССР, подвергли серьезному политическому преследованию внутри США и в итоге выдавили из политики. Сегодня Дональд Трамп, обещавший в ходе предвыборной кампании наладить диалог с Россией, с первого дня своего президентства подвергается жесточайшему прессингу.

Но вернемся в 1970-е. Новый президент Джимми Картер поначалу еще пытался продолжить курс предшественника в отношении СССР. Несмотря на санкции 1978 года, он даже подписал с Л.И. Брежневым в начале 1979 года договор ОСВ-2. Однако этот договор так и не был ратифицирован конгрессом, ориентированным на проведение гораздо более жесткой линии в отношении Москвы. (Кстати, о параллелях: именно конгресс в 2017 году инициировал ужесточение санкций в отношении России и сделал все, чтобы Трамп оказался в своих попытках нормализовать отношения с Россией связан по рукам и ногам.)

Тогда же, в 1979 году, в Соединенных Штатах была принята новая версия закона о контроле над экспортом. Согласно ему, контроль мог осуществляться в целях национальной безопасности, достижения целей внешней политики США, а также предотвращения вывоза дефицитных товаров. Это стало серьезным сигналом о скором наступлении новой эпохи.

О деструктивной роли спецслужб в формировании политики США, направленной против газового сотрудничества СССР и Европы, весьма наглядно свидетельствует байка — или, говоря современным языком, фейк — которую можно встретить даже в серьезной западной публицистической, научной литературе и мемуарах. Речь идет о гигантском взрыве, который якобы произошел при строительстве газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород». О том, что Соединенные Штаты сознательно поставили некачественное

оборудование и спровоцировали этот взрыв и случился он в результате спецоперации ЦРУ, подстроившего продажу агентам КГБ программного обеспечения с вирусом, что при работе привело к неконтролируемому росту давления и взрыву⁷⁹.

Этот абсолютно голливудский мнимый инцидент упоминается, в частности, в мемуарах бывшего главкома ВВС США и члена Совета национальной безопасности США Томаса Рида. По его словам, взрыв трубы в Сибири, который якобы зафиксировали спутники НАСА из космоса, произошел в июне 1982 года. Что уже само по себе невозможно, поскольку строительство газопровода в этот момент только началось и взрываться там было нечему. А американское оборудование при строительстве газопровода вообще не использовалось. По той причине, что США сами ввели санкции на его поставки, о чем подробно рассказано ранее.

Конечно, такая версия могла бы политически выглядеть очень выгодной для нас. Но вот незадача: все опрошенные ветераны российской газовой индустрии опровергают эту историю — взрыва не было! Зато ветераны американской политики этот фейк активно распространяют.

Юрий Зайцев

«Серьезных инцидентов при пусконаладке и эксплуатации газопровода на иностранном оборудовании не было, не говоря уже об аварии или взрыве. Да и не могло быть, учитывая, что „Уренгой–Помары–Ужгород“ успешно запущен в работу в рекордно короткие сроки. Мы бы попросту не успели его ввести».

⁷⁹ Reed Thomas. *At the Abyss: An Insider's History of the Cold War*. Ballantine Books, 2004.

Начало 1980-х: политики берут реванш. Война с газопроводами

Ситуацию серьезно обострила война в Афганистане. Решение о вводе войск Политбюро приняло на заседании 12 декабря 1979 года, и уже 25 декабря первые советские подразделения перешли афганскую границу. Соединенные Штаты получили прекрасный повод для санкций. Идеологи окончательно взяли верх над прагматиками.

Позже американцы не скрывали, что как минимум за полгода до ввода советских войск начали секретную государственную программу помощи афганским моджахедам в борьбе с просоветским правительством, подготавливая почву для госпереворота в этой стране и формирования очага нестабильности в подбрюшье Советского Союза. В частности, об этом рассказал в своих мемуарах Роберт Гейтс — в то время главный офицер ЦРУ, занимавшийся СССР, а впоследствии — глава этого ведомства при Джордже Буше-старшем и министр обороны в администрациях Буша-младшего и Барака Обамы⁸⁰. Ту же версию подтвердил в 1998 году в интервью газете *Le Nouvel Observateur* и советник по национальной безопасности президента Джимми Картера, маститый антисоветчик Збигнев Бжезинский⁸¹. Поэтому события в Афганистане можно расценивать не иначе как сознательную масштабную провокацию против Советского Союза.

План американцев сработал. Даже активные сторонники большого газового альянса с СССР понимали, что афганские события грозят катастрофой. Сделка, работа над которой шла полным ходом, оказалась в подвешенном состоянии.

Вот что вспоминает об этом времени Аксель Лебан, третий глава московского офиса *Deutsche Bank*, руководивший офисом в тот период, когда заключалась и реализовывалась сделка «газ — трубы». Лебан должен был стать главой

---

⁸⁰ Gates Robert. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. Simon & Schuster, 2007. P. 146

⁸¹ https://dgitbbs.faculty.arizona.edu/brzezinski_interview.

московского офиса в середине января 1980 года. Вместе с главой Deutsche Bank Фридрихом Вильгельмом Кристиансом он в декабре 1979 года приехал в Москву для обсуждения схемы кредитования строительства газопровода. Об Афганистане никто не упоминал.

Аксель Лебан

«Утром 2 января 1980 года в Геттингене я открыл газету — и обомлел: сообщалось о вторжении СССР в Афганистан. В обед меня вызвали в центральный офис Deutsche Bank. Утром 3 января руководство Deutsche Bank приняло решение о закрытии московского офиса. Однако после бурных совещаний к вечеру решение уже было пересмотрено — офис решили не закрывать, меня отправили в Москву, но запретили вступать в переговоры».

Однако сделку уже было не остановить — тем более что на первом этапе США воздерживались от новых санкций в отношении советской нефтегазовой промышленности и сконцентрировались на других сегментах экономики. Было введено зерновое эмбарго, ограничены поставки техники и технологий для Олимпийских игр 1980 года. Так, запрет от 2 апреля 1980 года подразумевал прекращение всех финансовых транзакций, связанных с поддержкой Олимпийских игр в Москве, а также запрет на экспорт/реэкспорт частным лицам или корпорациям (субъектам юрисдикции США) технологических данных и оборудования для подготовки к Играм. Ограничение на экспорт зерна в СССР, введенное 8 июля 1980 года⁸², по сути своей провалилось: американское зерно быстро заменили аргентинским. Американские фермеры настаивали на отмене эмбарго, но их уже никто не слушал. Картер решительно отказался снять зерновой запрет. Серьезным ограничениям подверглись научный и культурный обмены.

⁸² Приложение 8: 45 Federal Register. № 132, 45899.

К Афганистану очень скоро добавилась еще одна проблема. В 1980 году резко усилилось политическое напряжение в Польше. Экономический кризис привел к резкой активизации деятельности оппозиционного профсоюза «Солидарность». Его активисты призывали к всеобщей забастовке и гражданскому протесту. В 1981 году ситуация накалилась и начала выходить из-под контроля руководства страны. Обеспокоенный Советский Союз рассматривал вариант ввода войск. Ставший 11 февраля 1981 года председателем Совета Министров Польской Народной Республики Войцех Ярузельский в ночь с 12 на 13 декабря 1981 года ввел чрезвычайное положение и создал Военный совет национального спасения. Эти события стали еще одним поводом для американских санкций, и на сей раз они уже непосредственно били по проекту строительства газопровода в Европу.

Тем временем президентом США в ноябре 1980 года был избран Рональд Рейган — сторонник жесткой линии в отношениях с СССР. Он сразу же сделал ставку на рост расходов на оборону — то, что в Советском Союзе назовут «новым витком гонки вооружений». Вместо стратегии сосуществования двух систем Рейган взял курс на активизацию борьбы с соцлагерем. Естественно, при таком подходе голос американского бизнеса слушать в Белом доме уже не собирались.

Троянский конь для Польши. Кредитное оружие Запада

Дестабилизация социалистической Польши стала одним из важнейших направлений работы американских властей и спецслужб в ходе холодной войны. Крупнейшее после СССР государство советского блока с 36 млн населения имело и стратегическое, и символическое значение — именно в столице ПНР в 1955 году был создан восточный аналог НАТО — Организация Варшавского договора. Однако благоприятные для нажима извне условия сложились только к концу 1970-х годов, а основным инструментом стали кредиты западных банков.

Внешний долг ПНР западным странам составлял в 1979 году уже 11 млрд долларов. На первый взгляд такая цена за ускоренную индустриализацию и рост уровня жизни не выглядела излишне высокой — к концу десятилетия Польша вошла в десятку промышленно развитых стран мира.

Кредиты казались относительно недорогими, а взамен от Варшавы требовали небольшой «оттепели» — открытых границ. В результате к концу 1970-х годов в Польше насчитывалось около сорока подпольных организаций. Их первенцем стал «Комитет общественной самообороны — Комитет защиты рабочих» (КОС–КОР) — организация, созданная в 1976 году после подавленных властями забастовок в Радоме и мало-помалу взявшая на себя функции координационного центра всей оппозиционной активности. Затем неофициальные объединения пошли расти как грибы: «Студенческий комитет солидарности», «Движение молодой Польши», «Конфедерация независимой Польши» и, наконец, «Комитет свободных профсоюзов», из которого, собственно, и выросла десятиmillionная «Солидарность».

Естественно, активность не была спонтанной — она весьма серьезно поддерживалась и стимулировалась извне. Джимми Картер, ставший президентом США в 1976 году, не случайно назначил советником по внешней политике этнического поляка Збигнева Бжезинского.

Громадную роль в польском процессе сыграла Католическая церковь, которая никакой симпатии к советской власти в ПНР, естественно, не испытывала — впрочем, как и особого давления с ее стороны. Спустя 30 лет после прихода коммунистов к власти около 80% населения социалистической Польши были католиками, а 60% посещали костелы. Более того, авторитет и влияние Церкви многократно усилились в 1978 году, когда впервые с XVI века на папский престол избрали не итальянца, а иностранца. И при этом выходца из Восточной Европы — поляка, кардинала Кароля Войтылу, ставшего Иоанном Павлом II. «Президент Картер заявил, что выбор [папы] был „очень впечатляющим“ и очень хорошим. Новый папа — личный друг Збигнева Бжезинского»⁸³. Документальных подтверждений нет, но скоропостижная и таинственная смерть папы Иоанна Павла I, задумавшего масштабные реформы католической курии и поощрявшего расследование связей банка Ватикана с мафией, и последовавшее за этой смертью достаточно

⁸³ <http://www.voltairenet.org/article179878.html>

неожиданное избрание новым папой кардинала из советской Польши, по мнению многих исследователей, не могли быть простым совпадением.

Именно в 1978 году, за полгода до событий в Ватикане, Збигнев Бжезинский представил президенту Картеру секретный план по дестабилизации Польши и всего советского блока — об этом писал в феврале 1983 года испанский журнал *El Tiempo*.

Идеологическая база для выступлений против режима готовилась с учетом поддержки Церкви и достаточно мягкой политики польских властей по отношению к диссидентам. Оставалось сформировать экономические основания для протеста, и для этого прекрасно подходила критически возросшая кредитная задолженность Польши перед западными банками. «В 80-е годы, — прогнозирует Бжезинский, — Варшава будет вынуждена выплачивать 90% своих доходов от экспорта на покрытие долгов, которые достигнут 18–20 млрд долларов»⁸⁴.

И эта часть плана сработала в полной мере. Кризис в Западной Европе, последовавший за вторым нефтяным шоком, привел к тому, что польским товарам стало сложнее попадать на экспортные рынки — приток валюты начал иссякать. А сумма валютного долга продолжала нарастать, поскольку на протяжении сытых 1970-х обеспечивать себя продовольствием Польша — как, впрочем, и Советский Союз — так и не научилась. Одновременно нарастали и выплаты по кредитам, которые хотя и продолжали давать довольно охотно, но уже под другие процентные ставки. В первой половине 1970-х полякам давали деньги под 5–6% годовых, в 1976–1979 годах — под 8–10%, а в момент активизации протестов ставка составляла 15–20%. Причем банки США в 1980 году подняли ее до 21,5%. В результате на момент введения военного положения долг Польши составлял уже 25 млрд долларов, а к 1985 году выросал до 37 млрд (без учета 13 млрд долларов процентов).

Бывший глава Deutsche Bank Кристианс, который в то время вел переговоры с СССР по финансированию газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», в своей книге признал, что продолжал кредитование Польши, несмотря на ее очевидную неплатежеспособность, во многом из-за рекомендаций правительства

---

⁸⁴ Трубников В. П. Крах «операции Полония» 1980–1981 гг. Докум. очерк / Вадим Трубников. — М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1983. — С. 16.

Германии. В главе «Кредитное оружие и его действие» он пишет: «Федеральный министр хозяйства в кабинете министров Шмидта граф Ламбсдорф настаивал на том, чтобы я в качестве президента банковского союза дал, наконец, согласие на предоставление этого дополнительного кредита, который якобы отвечал интересам федерального правительства и Советского Союза. В моей профессиональной жизни, насколько я могу вспомнить, это был единственный случай, когда правительство проявило такую настойчивость в отношении банков»⁸⁵.

Троянский «кредитный» конь сыграл свою роль. Правительство Польши, чтобы выплачивать многомиллиардные кредиты, вынужденно пошло на непопулярные меры — повысило цены на продукты, пополняя тем самым армию недовольных.

Введение военного положения и достаточно быстрое подавление «Солидарности» (режим военного положения просуществовал 10 месяцев, а протестное движение было дезорганизовано и фактически остановлено за несколько недель и без особой крови) вызвало в США ступор. Вашингтон рассчитывал либо на смену режима в Польше путем переворота или народного восстания, либо на худой конец — на введение советских войск и окончательный подрыв отношений Москвы с Западной Европой. Однако действия правительства Войцеха Ярузельского выглядели как наведение конституционного порядка в стране законными властями, и польский вопрос не смог стать яблоком раздора в газовой сфере между Советским Союзом и его партнерами в Западной Европе.

И все же США воспользовались ситуацией в Польше как поводом для новой экономической атаки на СССР. В Рождественской речи 1981 года Рональд Рейган обнародовал экономические санкции против Польши, а несколькими днями позже ввел санкции уже против СССР как ответ на «репрессии в Польше». Действия Рейгана попадали под раздел 6 Закона об управлении экспортом США от 1979 года, который уполномочивает президента запрещать экспорт (реэкспорт), подразумевая внешнеполитические цели. Это тоже весьма показательный документ, наглядно отражавший взгляды американской правящей элиты: политические интересы страны ставятся выше интересов бизнеса и норм международного права.

---

⁸⁵ Кристианс Ф. В. Дороги в Россию. — М.: Международные отношения, 1990. — С. 69.

США против «проекта века»

Политическое руководство США сразу же продемонстрировало к «проекту века» негативное отношение. Еще в марте 1981 года, через два месяца после инаугурации Рональда Рейгана, ЦРУ подготовило доклад под названием «СССР — Западная Европа: последствия газопровода из Сибири в Европу». В этом документе, рассекреченном в 1999 году, впервые использован термин «газовое оружие».

«Вероятность того, что Советы попробуют тонко эксплуатировать развитие газовых отношений [с Западной Европой], велика»⁸⁶, — подчеркивали американские аналитики, не предполагая, конечно, что СССР решится просто прекращать поставки европейцам — подобные действия подорвали бы все усилия, направленные на выстраивание взаимовыгодного сотрудничества. «Они [СССР], возможно, будут ссылаться на газовый бизнес, напоминая западным европейцам о преимуществах экономического сотрудничества и делая упор на необходимость избегать антисоветских действий. Играя на различиях между Западной Европой и США, а также между самими западно-европейскими странами, Советы таким образом могут ухудшить политический климат в Западной Европе»⁸⁷, — говорилось в докладе. Американцам было очевидно, что европейцам придется считаться с наличием крупных поставок газа из Советского Союза при рассмотрении вопроса о поддержке действующих и будущих экономических санкций со стороны США. Кроме того, развивая экономическое сотрудничество с СССР, страны Западной Европы могли счесть необязательными большие расходы на военные проекты в рамках НАТО.

Вашингтон испытывал серьезные опасения по поводу того, что его возможности диктовать европейцам свою волю во внешней и оборонной политике могут быть существенно ограничены. Американцам также не нравилось, что экспорт газа станет приносить СССР дополнительную экспортную выручку в твердой валюте. ЦРУ в упомянутом выше докладе оценивало ее в 15 млрд долларов,

⁸⁶ https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000500594.pdf

⁸⁷ Там же.

что было сопоставимо с выручкой Москвы от продажи нефти в 1980 году. В более поздних отчетах разведка США сократила объем валюты от продажи газа через новый газопровод из Западной Сибири до 6–8 млрд долларов в год.

Уже в июне группа американских конгрессменов написала Рональду Рейгану письмо, в котором выразила озабоченность тем, что труба «Уренгой–Помары–Ужгород» угрожает безопасности Западной Европы, поэтому необходимо предложить западноевропейским партнерам альтернативные варианты энергоснабжения. Основные аргументы парламентариев повторяли то, что было изложено в мартовской записке ЦРУ.

К очередному заседанию Совета национальной безопасности США глава ЦРУ Уильям Кейси направил 9 июля 1981 года президенту, вице-президенту, госсекретарю, главе казначейства, министрам обороны, торговли и энергетики и некоторым другим членам администрации меморандум о «Сибирском трубопроводе».

«Соединенные Штаты должны отговорить европейцев от доведения этого соглашения до логического конца. Как минимум, союзники должны отложить решение вплоть до проведения совместного исследования их энергетической безопасности в меняющейся экономической и политической среде 1980-х»⁸⁸, — говорилось в меморандуме. В качестве альтернативы предлагались варианты в виде снабжения углем из США и Австралии, увеличение поставок газа из британского сектора Северного моря и Норвегии, а также тот самый СПГ из Алжира и Нигерии, от которого отказались американцы. В частности, Кейси предполагал, что европейцы могли бы вместо сибирского газопровода инвестировать средства в строительство крупного порта в США для закупок необходимого дополнительного объема угля. Предполагавшийся вывоз 40–60 млн тонн угля в год означали рост угольного импорта из США в Европу на одну треть по сравнению с действовавшими на тот момент планами.

Через десять дней Рональд Рейган привез эти идеи на саммит «Большой семерки» в Оттаве. Он хотел убедить западноевропейских партнеров — прежде всего канцлера Германии Гельмута Шмидта и только что избранного 21 мая 1981 года президента Франции, социалиста Франсуа Миттерана — отказаться

⁸⁸ См. Меморандум ЦРУ для Рейгана: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84B00049R001303120015-1.pdf>

от газового сотрудничества с Советским Союзом. Отчитываясь после саммита перед сенаторами, госсекретарь Александр Хейг рассказал, что Рейган предлагал европейским коллегам три варианта альтернативы росту закупок советского газа: кроме американского угля и газа из других источников, речь шла и об ускоренном строительстве атомных электростанций.

The New York Times отмечала, что усилия Рейгана оказались тщетными: «...официальные лица Западной Германии сообщили, что, хотя американские источники энергии могут дополнять другие неевропейские источники поставок, они не являются реальной альтернативой природному газу из Советского Союза»⁸⁹. Символично, что буквально через три дня после саммита в Оттаве было подписано рамочное кредитное соглашение между Советским Союзом и консорциумом немецких банков. Американская пресса расценила это как зеленый свет «проекту века» со стороны канцлера Шмидта, которого совершенно не убедили американские аргументы.

«Вашингтон без промедления потребовал от нас участия в торговой и экономической войне против СССР. Ярким примером могут служить острые споры между администрацией Рейгана и нами, европейцами, особенно Миттераном и мною, по поводу заключения европейско-советского соглашения „газ — трубы“»⁹⁰, — писал Гельмут Шмидт в предисловии к российскому изданию книги бывшего главы Deutsche Bank Кристианса. Но полностью отмахнуться от требований заокеанских союзников Бонн не мог. Поэтому, как признался экс-канцлер, «чтобы не попасть в зависимость от СССР, мое правительство сократило [максимальную] долю ввозимого русского газа до 30% и, что еще важнее, до 5% нашей общей потребности в энергоносителях. Совершенно очевидно, что зависимость Федеративной Республики от поставок нефти с Ближнего Востока осталась во много раз выше»⁹¹.

Поняв, что европейские политики продолжают поддерживать строительство газопровода из СССР, Соединенные Штаты решили продолжать закручивать гайки. Новые санкции не заставили себя ждать. 28 декабря 1981 года советник президента США Э. Миз передает своему патрону список действий

⁸⁹ <https://www.nytimes.com/1981/07/29/business/us-pushes-soviet-gas-alternative.html>

⁹⁰ Кристианс Ф.В. Дороги в Россию. — М., 1990. — С. 19–20.

⁹¹ Кристианс Ф.В. Дороги в Россию. — М., 1990. — С. 19–20.

против СССР. 29 декабря Рейган объявляет о введении мер экономического давления на СССР в ответ на политику последнего в Польше. Были ограничены поставки продовольствия в СССР, прекращены полеты «Аэрофлота» в США, заморожены переговоры о новом советско-американском соглашении по морскому судоходству, запрещена выдача кредитов.

Но, что самое главное, вводился запрет на продажу оборудования для нефтегазовой промышленности СССР. В этом и заключался основной смысл новых санкций. Запрет прежде всего коснулся оборудования для транспортировки и переработки нефти и газа, а также строительной техники для укладки газопроводов.

Министерство торговли США уже 5 января 1982 года выпустило подробный список дополнительных ограничений по экспорту/реэкспорту товаров для нефтегазовой отрасли. Естественно, главной мишенью санкций был газопровод «Уренгой–Помары–Ужгород». Поэтому среди запрещенных к экспорту товаров оказались газовые компрессоры, компоненты для турбин, газотурбинные двигатели, оборудование и компоненты для трубопроводов. Полный список, являвшийся официальным дополнением к продолжавшему действовать стоп-листу 1978 года, был опубликован в официальном журнале Федерального правительства США от 5 января 1982 года⁹². Санкции затронули все секторы нефтегазовой индустрии: от разведки и добычи до транспортировки и переработки.

6 января 1982 года Рейган встретился с Гельмутом Шмидтом, чтобы вновь постараться убедить его активнее включиться в давление на СССР. Однако позиция немецкого канцлера состояла в том, что экономические санкции — далеко не лучшее средство разрешения возникшей в Польше ситуации.

В начале февраля 1982 года вышла секретная Директива № 24⁹³, согласно которой на основании решения Совета национальной безопасности США уполномоченные от американских министерств и ведомств должны были провести встречу с лидерами европейских стран (Италии, Франции, ФРГ, Британии) по вопросам экспорта/реэкспорта запрещенной продукции и ограничения выдачи кредитов СССР. Ограничение финансирования включало в себя как

---

⁹² Приложение 9: 47 Federal Register, № 2, 141.

⁹³ В настоящее время гриф секретности снят. Текст Директивы приведен в Приложении 10.

тотальный отказ в выдаче новых кредитов, так и повышение стоимости обслуживания уже выданных, а также обсуждение взаимопомощи в случае объявления Советским Союзом дефолта по внешним займам.

Но европейские власти явно не были заинтересованы в предложениях США. К концу февраля 1982 года краткосрочный кредит (на два года) в объеме около 600 млн долларов для финансирования австрийского экспорта выдала под низкие процентные ставки группа австрийских банков. Ранее французские банки приняли решение о финансировании строительства трубопровода на условиях вдвое выгоднее среднерыночных (процентная ставка около 7,5%) под закупки французского оборудования. Но самая масштабная кредитная программа действовала у Deutsche Bank.

Вашингтон продолжал все агрессивнее убеждать европейцев. В ход пошли экзотические аргументы вроде того, что существующие технологии изготовления долот, турбин, труб и другого оборудования могут быть использованы русскими для изготовления противотанковых снарядов.

Сами же американские санкции нарастали. Была приостановлена доставка большой партии роторов производства General Electric для европейских турбинных заводов, что стало для реализации проекта газопровода серьезной проблемой. Постоянные попытки европейских стран обойти американские санкции и их несогласие на приостановку кредитования СССР вынудили Рейгана закрыть оставшиеся лазейки. 18 июня 1982 года он объявил о запрете на экспорт/реэкспорт продукции для нефтегазовой индустрии иностранных дочерних предприятий компаний США, а также оборудования, изготовленного зарубежными компаниями по американским лицензиям. Запрет распространялся на контракты, подписанные до декабрьских санкций 1981 года, что было расценено европейцами как неправомерное и даже вероломное поведение Вашингтона.

Официальным мотивом столь жестких мер было стремление достичь стабилизации ситуации в Польше, поскольку никакого «движения в сторону улучшения» американская администрация якобы не видела. А сами ограничения очень скоро были опубликованы в журнале Федерального правительства США от 24 июня 1982 года⁹⁴.

---

⁹⁴ Приложение 12: 47 Federal Register, № 122, 27250.

Запрет распространялся на экспорт/реэкспорт товаров для нефтегазового сектора, произведенных:

- › за пределами США дочерними компаниями американских корпораций;
- › на территории США любыми иностранными корпорациями;
- › за пределами США на основе американских технических данных любой иностранной корпорацией независимо от даты приобретения этих данных на условиях уплаты роялти или другого лицензионного платежа.

Интересно, что подобное расширение подверглось критике не только со стороны промышленников — многие юристы вообще ставили вопрос о законности применения таких мер. Все масштабные санкции, введенные до 1982 года, — например, ограничения 1980 года на поставки технологий для обеспечения московских Олимпийских игр — содержали ключевую фразу: «Ограничениям подвергаются лица, попадающие под юрисдикцию США, исключая иностранные дочерние предприятия американских компаний». Зерновое эмбарго Картера также не распространялось на транзакции иностранных юридических лиц. Теперь же подход радикально изменился — санкции оказались направлены против «дочек» американских компаний, расположенных за пределами США, прежде всего в Европе, и даже против европейских концернов, использующих американские технологии.

В июньском документе министерства торговли США 1982 года трактовка термина «лицо, попадающее под юрисдикцию США» оставляла много вопросов, которые пришлось зачастую разрешать в судебном порядке. Кейсы были сложные, поскольку прецеденты отсутствовали: ни одно из прежних ограничений не затрагивало лиц, находившихся под действием другой национальной юрисдикции.

Сегодня мы сталкиваемся по большому счету с аналогичной ситуацией. США пытаются применять санкции вообще к любой компании, которая хоть как-то связана с ними: например, что-то продает в Америке, покупает у американских компаний, имеет счета в американских банках или американских инвесторов. Такой подход к санкциям делает их экстерриториальными, поскольку предполагает — с учетом масштабов американской экономики, — что подавляющему большинству существующих в мире фирм (особенно европейских) надлежит

выполнять американские законы. Естественно, подобное положение вещей возмущает бизнесменов. А начало спорам о границах американских санкций было положено именно тогда, в 1980-е годы.

Многие «дочки» американских корпораций оказались зажаты между необходимостью следовать запрету США с одной стороны, а с другой — исполнять контракты, уже заключенные с Москвой и ее европейскими партнерами. Рейган стремился ограничить любую возможность экспорта нефтегазового оборудования, несмотря на огромные потери американских корпораций: *Wall Street Journal* оценивала их в 600 млн долларов, а европейских «дочек» — от 75 до 600 млн долларов за три года.

Недовольные европейцы в ответ на ужесточение санкций выпустили в августе 1982 года документ под названием «Комментарии Европейского сообщества к поправкам в Правилах экспортного контроля США от 22 июня 1982 года»⁹⁵. В документе говорилось, что новые правила не только негативно влияют на исполнение заключенных контрактов, но также противоречат принципам международного права, поскольку носят экстерриториальный характер, одновременно нарушая и территориальную, и национальную юрисдикцию в рамках международного права⁹⁶. В «Комментариях» указывалось на несоответствие ряду критериев раздела 6 Закона об управлении экспортом США.

В частности, критерий 1 предполагал, что ограничения могут вводиться только в том случае, если контроль над экспортом позволит достичь намеченной внешнеполитической цели. Европейцы указывали, что СССР подготовил и заранее согласовал планы строительства газопровода и поставок газа. Соответственно, он уже имел достаточные мощности для обслуживания текущих контрактов со странами Европы. Они настаивали, что Советский Союз может спокойно обойтись без американского оборудования, поэтому санкции не имеют смысла и не приведут к достижению поставленных США политических целей.

Критерий 3 требовал учитывать реакцию других стран на предлагаемые меры. Страны Западной Европы выступили решительно против санкций, считая их не соответствующими нормам международного права.

⁹⁵ Приложение 13: *Comments of the European Community on the amendments of 22 June 1982 to the U.S. Export Administration Regulations.*

⁹⁶ Подробное юридическое толкование данного положения приводится на с. 4–10 Приложения 13.

Критерий 4 требовал учитывать долговременное влияние мер на производительность и репутацию американских компаний. Европейское сообщество указывало, что долгосрочные последствия окажутся резко негативными, поскольку у контрагентов возникает вопрос о надежности торговых партнеров, неспособных выполнить уже взятые на себя обязательства.

Надо отметить, что введение санкций не сопровождалось никакой компенсационной поддержкой: пострадали не только прямые поставщики нефтегазового оборудования, но и субподрядчики, вообще не имевшие отношения к отрасли. Над промышленностью нависла угроза нового витка безработицы, связанной с сокращениями на простаивающих мощностях. Это могло вызвать волну социального протеста в виде забастовок, поэтому Европейское сообщество призывало власти США отменить ограничительные меры.

Обратим внимание на этот момент: европейские политики, партнеры США по НАТО, решительно выступили против санкций, не проявив никакой трансатлантической солидарности. В июле-августе 1982 года правительства ФРГ, Франции, Италии, Великобритании заявили о незаконности американских санкций и поддержали национальные компании в намерении продолжить поставки оборудования в СССР.

Безусловно, Европа понимала всю выгоду этих соглашений. Кроме того, европейские политики опасались чрезмерной изоляции Москвы, полагая, что она может быть чревата военным столкновением, от которого первыми пострадали бы именно европейцы. Общественное мнение Старого Света также характеризовал настрой против гонки вооружений и эскалации конфликта с СССР.

Недовольство росло и внутри самих Штатов, где бизнес старался задействовать своих лоббистов. В архивах записей конгресса США, датированных 10 июня 1982 года, можно найти подготовленный членами конгресса — республиканцем П. Финдли и демократом Д. Бонкером — законопроект о прекращении санкций⁹⁷. Его авторы пишут: «Очевидно, что эти санкции не работают, и самый большой урон несет не Советский Союз, а американский экспорт и рынок труда». Кроме того, считали конгрессмены, «нелепо расширять экспортные санкции против СССР, когда Америка не может даже надавить на европейских союзников, чтобы заблокировать дальнейшее строительство газопровода».

⁹⁷ Приложение 14: 128 Congressional Record — House. 13431.

Однако Рейган продолжал проявлять часто свойственную политикам самоуверенность. Он не только не стал слушать свой бизнес и европейцев, но, напротив, решил ужесточить санкции. 22 июля палате представителей официально представлен законопроект H.R. 6838 «О внесении изменений в Закон об управлении экспортом США 1979 г. о прекращении определенных мер экспортного контроля от 30 декабря 1981 г. и 22 июня 1982 г.».

Мнения по предложенному законопроекту разделились. Часть парламентариев утверждала, что американские компании уже потеряли 1,2 млрд долларов на контрактах, в то время как европейские и японские компании зарабатывают на сделках с Советами. Другая часть, наоборот, требовала более решительных действий против страны, индустрия которой, как они пафосно заявляли, «построена на костях миллионов подневольных рабочих»⁹⁸.

В итоге в августе был опубликован доклад с рекомендациями по внесению предложенных поправок в Закон об управлении экспортом. 29 сентября 1982 года документ был принят палатой представителей с мизерным перевесом: 206 его членов (48%) проголосовали за, 203 (47%) — против, и еще 23 (5%) воздержались⁹⁹.

Голосование показало, что единства в американской элите уже нет. Значительная часть парламентариев считала давление на СССР губительным для американской промышленности. Советский Союз даже под санкциями активно строил новые газопроводы. Получалось, что санкции не работали, а деньги уходили европейским и японским поставщикам.

В конечном счете новый закон даже не дошел до верхней палаты. Сенат отказался рассматривать законопроект, который так и не вступил в силу. В администрации Рейгана также появились скептики. Президенту требовались свежие аргументы в защиту своей санкционной политики. И их дал специальный секретный доклад «Перспективы советского газопровода», выпущенный ЦРУ 21 сентября 1982 года¹⁰⁰. Аналитики разведки делали упор на слабость экономики

⁹⁸ Фрагмент стенограммы дебатов можно прочитать в Приложении 15: Congressional Record — Extensions of Remarks, 22512.

⁹⁹ Фрагмент структуры голосования по партиям, представителям и штатам можно найти в Приложении 16: House Vote N° 707, 1982-09-29, to H.R 6838.

¹⁰⁰ Приложение 17: Annex to The Soviet Gas Pipeline in Perspective.

СССР и ее сильную зависимость от кредитов (основными кредиторами выступали Франция и Западная Германия). Целью заключения долгосрочных газовых контрактов называлось желание поставить западноевропейские страны в зависимость от СССР, а также укрепление экономики Советского Союза за счет получения доходов в твердой валюте. Несколько раз подчеркивалось: подъем экономики необходим советским властям в первую очередь для финансирования военных программ и только потом для восполнения дефицита продукции на внутреннем рынке. Эксперты настаивали, что большая часть приобретенных легальных технологий используется СССР в военных целях. В качестве одного из примеров ЦРУ назвало применение американских технологий, приобретенных Чебоксарским тракторным заводом, для строительства нового 12-цилиндрового танкового двигателя.

Вместе с тем ЦРУ признавало, что альтернативных источников поставок газа в Европу не так много и реализация большинства проектов обойдется на много дороже (например, добыча газа в Северном море). В докладе был предложен вариант газификации Европы с помощью поставок сжиженного природного газа. Правда, приведенные проекты оставались крайне дорогостоящими и имели низкую вероятность реализации (упоминались египетский, ливийский, камерунский СПГ).

Объяснялась и главная причина низкой эффективности санкций: европейские союзники не поддерживали усилий США — в том числе потому, что считали СССР более надежным партнером в сравнении с ОПЕК.

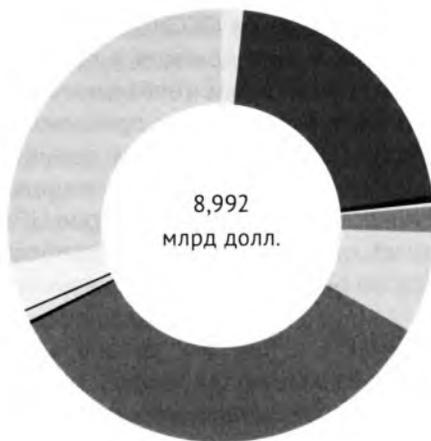
ЦРУ привело подробный анализ выданных европейцами Советскому Союзу кредитов. Цифры впечатляли: почти 9 млрд долларов за три года, с 1977-го по 1980-й (Рис. 6 и 7). По тем временам это были просто гигантские суммы.

ЦРУ тем не менее считало санкции тяжелым бременем для советской экономики. Возможные финансовые потери Советского Союза от перебоев экспорта нефти и газа оценивались в 3% от ВВП страны к 1990 году и определялись как «заметный негативный эффект». Но его можно было достичь лишь в рамках кооперации с европейскими странами. В докладе, в частности, говорилось, что СССР не способен произвести компрессоры с 25-мегаваттными газовыми турбинами. Если бы санкции США в области компрессорного оборудования поддержали страны ЕЭС и Япония, то одно это могло привести к сокращению советских поставок от планируемых объемов на 20 млрд куб. м в течение как минимум двух лет.

Рис. 6. Кредиты, выданные СССР в 1977–1980 годах: структура по секторам

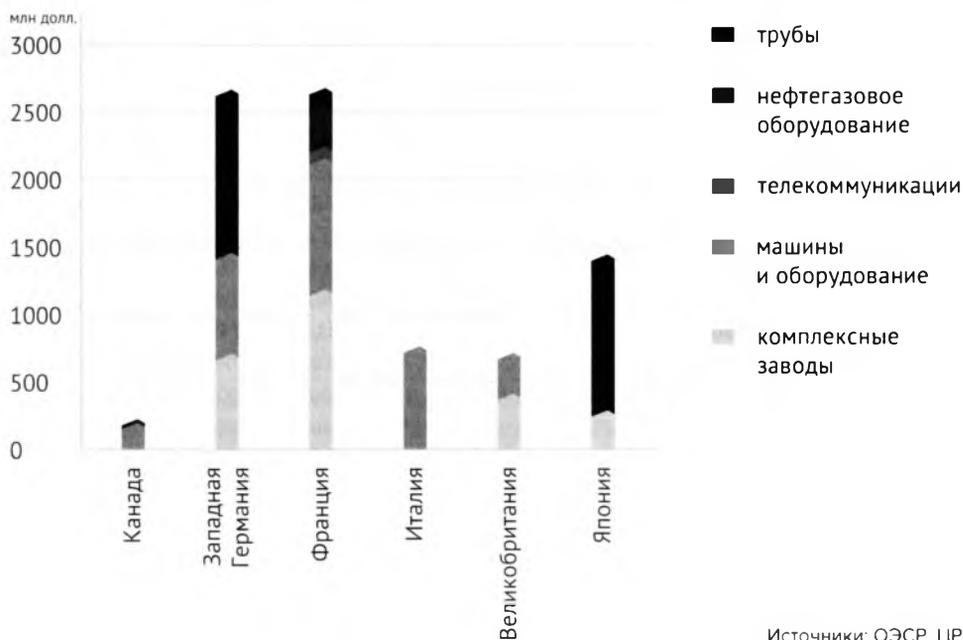
Комплексные заводы, в т.ч. производящие:

сталь	1,87 %
химикаты	21,13 %
древесина, целлюлоза, бумага	0,37 %
гидротермальная энергия	0,49 %
Al, Cu, Zn	1,80 %
прочие	7,63 %
машины и оборудование	34,22 %
морские суда	0,36 %
телекоммуникации	0,97 %
дорожные транспортные средства	0,02 %
нефтегазовое оборудование	3,39 %
трубы	27,76 %

Источник: ЦРУ

Рис. 7. Крупнейшие страны — кредиторы СССР, 1977–1980 годы

Источники: ОЭСР, ЦРУ

Кроме того, в докладе отмечалось, что строительство газопроводов сильно зависит от западных труб большого диаметра, трубоукладчиков, компрессоров, шаровых кранов, покрытия труб и изоляции. Советские трубы не годились для использования в условиях Севера, а производимые в СССР компрессоры, трубоукладчики и клапаны были неприменимы для строительства газопроводов большого диаметра. ЦРУ признавало стремление СССР улучшить собственные технологии и призывало лишить Москву этого шанса, указывая среди прочего, что трубы большого диаметра способны прокладывать только трубоукладчики американского, итальянского или японского производства.

Вывод ЦРУ был следующим: можно добиться того, чтобы как минимум две магистральные трубы из запланированных не были проложены. Это позволит в 1985 году сократить объем поставок газа из СССР в Европу на 45 млрд куб. м.

ЦРУ активно продвигало идею, что усиление давления на Советский Союз приведет в долгосрочной перспективе к ослаблению в первую очередь оборонной отрасли СССР. Разведуправление считало, что нехватка компонентов для газопроводов перенаправит советское военное производство в гражданское русло. Например, для устранения дефицита, возникшего в результате эмбарго, турбины для военных самолетов будут использованы в газовой отрасли. Поэтому разведывательное ведомство настаивало на присоединении к эмбарго всех стран — союзников США. Очевидно, что без одобрения Европы и Японии санкции оставались малоэффективными.

Текст доклада, однако, однозначно свидетельствует о том, что союзники американские санкции игнорировали. И это несмотря на наличие институтов, которые должны были обеспечивать солидарность стран-участниц НАТО в сфере поставок технологий и оборудования в СССР. В частности, с 1949 года действовал Координационный комитет по экспортному контролю (КоКом), в который входили практически все страны Североатлантического блока. Комитет составлял перечни стратегических товаров и технологий, не подлежащих экспорту в СССР. Однако это был коллективный орган, и Штаты не смогли продать распространение своих санкций на всех членов КоКом.

Например, вся необходимая Советскому Союзу строительная техника закупалась в Японии, потому что американская Caterpillar из-за санкций не смогла выполнить уже имевшиеся контракты с СССР. Дело в том, что изначально Caterpillar хотела продать Советскому Союзу 200 трубоукладчиков на

сумму 160 млн долларов. В процессе долгих согласований Москва сократила заявку вдвое, уже заручившись готовностью японцев начать поставку аналогичного оборудования. Тем не менее осенью 1981 года, когда атака США на газопровод «Уренгой–Помары–Ужгород» была в самом разгаре, Caterpillar все же получила экспортную лицензию, но — с ограничением, гласившим, что трубоукладчики не могут быть задействованы в строительстве экспортного газопровода из Западной Сибири в Западную Европу. Понятно, что отследить нарушение этого пункта было бы достаточно сложно, но для поставщика оставался огромный риск получения штрафа или иного преследования, если бы Советский Союз после покупки использовал технику на строительстве экспортной трубы. В этих условиях Caterpillar испугалась начинать поставки, и контракт не состоялся.

В итоге трубоукладчики, экскаваторы и мощные бульдозеры приобрели в Японии. По данным ЦРУ, с японцами в 1981 году было заключено два контракта на закупку 760 трубоукладчиков на сумму 150 млн долларов. Соответственно, от введения санкций пострадала только американская компания, лишившаяся крупного заказа в пользу конкурента. США явно переоценили свое влияние на союзника. Кстати, просчитались и европейцы, полагавшие, что Япония переориентируется на рынок Китая, уже тогда демонстрировавший перспективность, и не станет конкурировать за советские контракты.

В результате тяжелые бульдозеры для газопроводных строек СССР стала поставлять японская фирма Komatsu. По воспоминаниям Геннадия Шмаля, к японской технике не имелось никаких претензий, несмотря на сложнейшие условия Севера. Бульдозеры прозвали «слонами» — они оказались способны рыхлителем вскрывать вечную мерзлоту, которую до того приходилось взрывать. Причем взрывы давали возможность рыть траншеи только глубиной примерно 1,5 м, а для газопровода диаметром 1420 мм требовалась глубина около 2,5 м. Поэтому производили целую серию взрывов, что требовало большого количества времени. Японский бульдозер за счет своего клыка сразу рыл траншею необходимой глубины. Трубоукладчики использовались также фирмы Komatsu, а экскаваторы — фирмы Kato.

Так Япония, «непотопляемый авианосец» Америки, не присоединилась к санкциям и обеспечила Советский Союз критично необходимой ему техникой. Для японцев стратегическая выгода оказалась важнее сиюминутной политики,

а фирма Kato благодаря советскому контракту превратилась из относительно небольшого предприятия в серьезный концерн.

Геннадий Шмаль рассказывал, что уже после завершения строительства газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», в конце 1983 года, представители Caterpillar приезжали в Москву и пробовали наладить отношения. Встретиться с ними Шмалю поручил министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Щербина.

Геннадий Шмаль

«Мне позвонил Щербина: „Вот тут Caterpillar просится. Я их принимать не буду. Ты прими и на строительном языке скажи все, что мы о них думаем“. Я так и поступил — и долгие годы никаких контрактов с Caterpillar Советский Союз не заключал».

Временная победа здорового смысла: отмена рейгановских санкций

В 1982 году становилось все более очевидным, что сорвать строительство газопровода не удастся. Санкционная кампания не смогла остановить проект, а лишь сеяла раздор между американцами и европейцами в невиданных со времен окончания Второй мировой войны масштабах. Поэтому все настойчивее звучал голос американского бизнеса, осознавшего, к каким финансовым потерям привели решения Рейгана, никоим образом не поспособствовавшие достижению внешнеполитических целей. Продолжавшиеся судебные разбирательства с иностранными «дочками» американских компаний, такими как Dresser France S.A. и Creusot-Loire S.A., вызывали недовольство не только американских профсоюзов, но уже и комитетов конгресса, где с февраля 1982 года действия Рейгана стали подвергаться критике Объединенного экономического комитета. В комитете считали, что «любая американская попытка нарушить строительство газопровода вернется бумерангом и может привести к подрыву единства стран НАТО по вопросам расходов на оборону и контроля за оборотом оружия».

Нежелание европейских стран участвовать в санкциях становилось все более очевидным. В сентябре 1982 года на встрече с министром обороны США Каспаром Уайнбергером Маргарет Тэтчер заявила, что никогда не верила в стабилизацию ситуации в Польше с помощью санкций, зато верит в скорое банкротство четырех или пяти крупных британских компаний. Тэтчер — ближайший союзник Рейгана в Европе — в первую очередь думала об интересах Британии.

Американская пресса — прежде всего The New York Times (NYT) и The Wall Street Journal — стали публиковать статьи с язвительными упреками в адрес рейгановской политики, едва ли не обвиняя его в потере европейских союзников. NYT, в частности, назвала причиной отставки госсекретаря Александра Хейга в июле 1982 года его публичные выступления за отмену нефтегазовых санкций и зернового эмбарго в интересах сохранения альянса. Рейган же был категорически против отмены санкций и эмбарго — то есть стоял на еще более «ястребиных» позициях, чем признанный ястреб Хейг.

Сменивший Хейга Джордж Шульц слыл прагматиком. Он стал подталкивать Рейгана к мысли о бесперспективности санкционной политики. Возможно, сказывался опыт работы Шульца министром финансов в администрации Никсона в 1972–1974 годах — как раз тогда американский бизнес активно устанавливал контакты с Москвой.

Вскоре США объявили о готовности отменить эмбарго, если европейские страны пойдут на обсуждение некоторых ограничений по торговле со странами советского блока. В приложении к секретной Директиве № 66 администрации Р. Рейгана написано: «Мы находим, что по итогам переговоров с представителями Канады, ФРГ, Франции, Италии, Японии и Великобритании в Вашингтоне ограничения должны коснуться товаров военного и стратегического назначения и других высокотехнологичных товаров, кредитной политики, энергетики и сельскохозяйственной продукции»¹⁰¹.

США хотели добиться от европейских союзников соглашений по следующим пунктам:

1. Европейским странам необходимо искать альтернативные источники энергии, чтобы уменьшить свою зависимость от поставок советского природного газа. Советский газ не должен превышать 30% импорта Европейского сообщества. Мониторинг должен осуществляться через Международное энергетическое агентство и ОЭСР.
2. Необходимо ограничение доступа советской экономики и армии к современным западным технологиям. Инструментом контроля должен стать КоКом.
3. КоКом также должен принимать решения по ограничению поставок нефтегазового оборудования.
4. Европейские союзники должны взять на себя обязательство выдавать Москве кредиты только по рыночным процентным ставкам и по возможности повысить ставки по уже выданным кредитам.

Первый пункт — об ограничении импорта советского газа — на практике означал запрет на заключение новых контрактов. Давление на европейцев

¹⁰¹ Приложение 18: NSDD N° 66 of Reagan Administration.

оказывалось очень жесткое. В третьем пункте приложения к NSDD № 66 обозначено, что в ходе переговоров европейские союзники действительно согласились не подписывать новых газовых контрактов с СССР¹⁰².

13 ноября 1982 года в радиообращении к стране Рейган объявил об отмене всех введенных им санкций против СССР по итогам достижения договоренностей с европейскими союзниками согласно трем основным стратегическим пунктам:

1. Невозможность заключения новых газовых контрактов с Советским Союзом.
2. Усиление экспортного контроля за товарами военно-стратегического назначения.
3. Усиление мониторинга за финансовыми потоками СССР¹⁰³.

Уже через три часа после выступления президента США МИД Франции заявил, что никогда не являлся участником подобного соглашения. Французов не устроило заявление Рейгана о якобы «двусторонней выгоде» заключенных соглашений с Европой. Белый дом был возмущен поведением еще вчерашнего «союзника», но сделать ничего не мог.

Заметно бросаются в глаза отличия формулировок «достигнутых соглашений», нарастающие от документа к документу. К примеру, ничего не сказано о сохранении контроля за экспортом нефтегазового оборудования.

Официальный документ министерства торговли США был опубликован в журнале Федерального правительства США 18 ноября 1982 года¹⁰⁴. Упразднены санкции декабря 1981 года и их июньское ужесточение 1982 года, что трактуется многими источниками как «полное снятие ограничений». Это не так, поскольку в документе 47 Federal Register, № 223, 51860 содержится п. 5с Контрольного листа товаров Interpretation 30, согласно которому оборудование для разведки и добычи остается под специальным контролем. Другими словами, санкции 1978 года администрации Джимми Картера оставались в силе.

---

¹⁰² Приложение 18: NSDD № 66 of Reagan Administration.

¹⁰³ Полный текст — в Приложении 19: US Department State Bulletin Vol 83. Jan 1983: President's Radio Address on East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions.

¹⁰⁴ Приложение 20: 47 Federal Register, № 223, 51858.

Полноценная отмена всех санкций против нефтегазового сектора СССР произошла лишь к концу января 1987 года, что связано с потеплением отношений между СССР и США после начавшейся в Советском Союзе перестройки. В журнале Федерального правительства США от 22 января 1987 года¹⁰⁵ можно найти официальную причину отмены санкций: «Экспортный контроль, введенный в 1978 году, был упразднен, поскольку больше не имеет под собой критериев для его продления, одобренных конгрессом; также контроль нанес значительный урон экономическим интересам США. Широкие возможности замещения оборудования иностранными аналогами и образовавшийся экономический урон от ограничения экспорта американской продукции размыли эффективность санкций».

На отмену эмбарго, безусловно, повлияли настроения общественности. Осенью 1986 года в министерство торговли США был направлен запрос на проведение анализа эффективности действующих международных санкций¹⁰⁶. Запрос также касался разумности использования санкций против Афганистана, ЮАР, Намибии, Ливии и других стран.

Американская пресса трактовала девятилетнее эмбарго как меру, «утратившую свое влияние» в деле борьбы с нарушениями прав человека, а упущенная выгода американских компаний составила, по разным оценкам, миллиарды долларов. Газеты внимательно изучили новый пятилетний план СССР на 1986–1990 годы. Он в том числе предусматривал 10-процентное увеличение финансирования развития нефтегазового сектора — и это несмотря на снижение мировых цен на нефть. Напомним, что именно в конце 1980-х годов СССР действительно установил исторические рекорды по добыче нефти. Конгресс США обозначил цифру финансовых потерь американскими компаниями от непродаж оборудования для нефтегазового сектора в 2 млрд долларов и настоятельно призвал, пока не поздно, восстанавливать торговые отношения.

Таким образом, девятилетнее эмбарго на экспорт американского нефтегазового и сервисного оборудования для разведки и добычи обернулось не чем иным, как убытком национальных компаний, и чуть не привело к политическому расколу среди стран НАТО. Газопроводы были построены, а Россия стала ведущим поставщиком газа на европейский рынок. Но попытки американцев разрушить основы взаимовыгодной кооперации России и Европы в газовой сфере не прекратились.

¹⁰⁵ Приложение 21: 52 Federal Register, № 14, 2500.

¹⁰⁶ Приложение 22: 51 Federal Register, № 199, 36702.

IV ГЛАВА

Потоки газа
из России.

История
повторяется

в виде

фарса

Реализация «проекта века» пришлось на середину 1980-х годов: газ Западной Сибири пришел в Европу, несмотря на отчаянное сопротивление американцев, и тем самым обеспечил на десятилетия вперед энергетическую безопасность и экономическое развитие континента. А это, в свою очередь, подвигло заинтересованные страны к компромиссам и взаимоприемлемому разрешению острых ситуаций, как и полагается партнерам.

Прошло более 36 лет с момента отмены рейгановского «газопроводного» эмбарго — и мы вновь живем в эпоху американских санкций. Теперь они должны, по мнению Вашингтона, помешать строительству новой прямой магистральной из Западной Сибири в Западную Европу — «Северного потока — 2». А если удастся, то и вовсе разрушить российско-европейские газовые отношения. И какая ирония судьбы: сегодня, используя в своих интересах Украину, американцы защищают газопровод «Уренгой–Помары–Ужгород», часть которого после развала СССР оказалась во владении Киева и против которого Соединенные Штаты так рьяно выступали в 80-е. А ведь газопровод уже выработал производственный ресурс (срок службы трубы и газоперекачивающего оборудования составляет 33 года). Без тотальной реконструкции, которая потребует многомиллиардных инвестиций, он не может рассматриваться в качестве надежного способа доставки российского газа в Европу. Не говоря уже о политических рисках, связанных с антироссийской позицией киевских властей после переворота на Украине в 2014 году и действиями радикально настроенных групп, которые в совокупности в любой момент могут вылиться в новый транзитный кризис. Нужен ли он поставщикам российского газа на рынок Европы?

Короче говоря, никто не застрахован от случайностей — например, от аварий на изношенных трубах. Но не застрахован никто и от злого умысла: конкурентам нужно расчищать рынок под собственный сжиженный газ. А значит — создавать проблемы с поступлением в Европу гораздо более конкурентоспособного и доступного российского газа.

Энергетическая сверхдержава

Возникшая на развалинах Советского Союза Российская Федерация в 1990-е годы утратила статус субъекта большой геополитики. Да, Россию при первом президенте Б.Н. Ельцине кооптировали в клуб развитых стран мира — «Большая семерка» формально превратилась в «Большую восьмерку», но это оказалось всего лишь утешительным призом лидеру «молодой российской демократии». Обсуждение ключевых вопросов — мировых финансов, внешней политики — продолжалось в формате G7.

Естественно, ни о каком энергетическом доминировании или осознанной энергетической политике Москвы не шло и речи. Добыча нефти с 1992 по 1999 год снизилась на четверть — с 400 до 300 млн тонн. С газом ситуация складывалась немного лучше, но и здесь объемы сократились с 640 до 590 млрд кубометров. Цены на нефть большую часть десятилетия колебались в пределах 16–21 доллара за баррель, а к лету 1998 года, после мощнейшего экономического кризиса в Азии, обвалились до 12 долларов за бочку марки Brent, спровоцировав в России дефолт по государственным облигациям. К концу года котировки сползли до 10 долларов — так мало в сопоставимых ценах нефть не стоила с начала 1970-х годов, то есть со времен, предшествовавших первому арабскому эмбарго.

Российский газ в 1999 году поставлялся в Европу по долгосрочным контрактам чуть более чем по 60 долл./тыс. куб. м, а выручка «Газпрома» от европейского экспорта и поставок в Турцию (за вычетом акцизов) составила всего 6,2 млрд долларов.

Но ресурсный потенциал России (несмотря на то что откололись нефтегазоносные Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан) оставался огромным. Поэтому в качестве сырьевого придатка она представляла для западных стран и корпораций вполне понятный и отнюдь не праздный интерес. Поучаствовать в разделе такого «пирога» они стремились ничуть не меньше, чем «красные директора» и доморощенные олигархи.

В августе 1999 года, когда директор ФСБ Владимир Путин был назначен на пост премьер-министра, средняя цена нефти марки Brent подросла

до 20 долларов, а к моменту обращения Бориса Ельцина к народу в канун Нового года («Я устал, я ухожу») — достигла 25 долларов за баррель. Весь первый президентский срок Путина она оставалась волатильной: то поднималась выше 30 долларов за баррель, то падала до 19.

Но в целом тренд в сторону дорогой нефти уже прослеживался. К моменту переизбрания российского президента на второй срок цена за бочку достигла 33 доллара, а исторический максимум (40 долларов за баррель) преодолела в мае 2004 года, практически в дни инаугурации. Экспортные цены на газ удвоились и по итогам 2004 года составили в среднем 137 долларов за тысячу кубометров, а выручка «Газпрома» от продаж в дальнейшем зарубежье утроилась к показателю 1999 года. Все это явно намекало на дальнейший рост. И действительно: за два следующих года цены на газ вновь выросли вдвое.

В международной политике дела тоже обстояли относительно неплохо. Американские власти обхаживали новую яркую звезду Кремля: президент-демократ Билл Клинтон еще в октябре 1999 года в разговоре с британским премьером Тони Блэром очень высоко оценил потенциал Владимира Путина как вероятного преемника Ельцина. (Расшифровка той беседы частично рассекречена и опубликована американскими властями в 2016 году.) И едва Путин занял пост президента, Клинтон снова в очередном разговоре с Блэром подчеркнул: «Я думаю, он очень толковый и вдумчивый. Мы с ним вместе сможем сделать много хорошего». А после первой встречи главы правительства Великобритании с российским коллегой интересовался, как все прошло. «Отлично, — отвечал Блэр. — Очень интересно. Он чувствует, что никто не понимает, с какими проблемами ему приходится сталкиваться. Очень был озабочен тем, чтобы произвести впечатление на меня. Думаю, он хочет видеть Америку в качестве партнера». На это Клинтон ответил уже более осторожно: «Думаю, да — в зависимости от того, кто выиграет наши выборы. Это может занять некоторое время, но чем больше времени ты проведешь с ним, тем лучше. Думаю, что для русских он — парень с большими возможностями и амбициями. Его намерения в основном честные и прямые, но он еще не определился. Он может завязнуть в демократии»¹⁰⁷.

Выборы в США, как известно, выиграл республиканец Джордж Буш-младший, с которым Путин сразу же поладил. После первой встречи в Любляне на

¹⁰⁷ <https://www.nytimes.com/interactive/2016/01/07/us/politics/clinton-blair-transcripts-document.html>

провокационный вопрос журналистов о том, что он увидел в глазах бывшего офицера КГБ, президент США ответил: «Я заглянул человеку в глаза. Понял, что он очень прямой и надежный. У нас состоялся очень хороший диалог. Я смог почувствовать его душу. Это человек, глубоко преданный своей стране и ее интересам, и я ценю этот откровенный диалог. Это начало очень конструктивных отношений»¹⁰⁸.

После сокрушительной атаки террористов в США 11 сентября 2001 года Владимир Путин, выразив сочувствие Бушу и американскому народу, доказал готовность выстраивать партнерство не только на словах, но и на деле. Спустя 15 лет Ари Флейшнер, занимавший в 2001 году пост пресс-секретаря президента США, охарактеризовал ту ситуацию предельно четко: «У Америки не могло быть лучшего союзника 11 сентября, чем Россия и Путин»¹⁰⁹. Действительно: Москва тут же остановила проведение начавшихся учений российской армии, чтобы исключить ненужную неразбериху в американских вооруженных силах, и не стала объявлять тревогу из-за приведения ядерных сил США в полную боевую готовность. Более того, Владимир Путин поддержал намерение Штатов провести антитеррористическую операцию в Афганистане, где, как предполагалось, находился центр планирования атаки 11 сентября. Вашингтону было предоставлено право использования воздушного пространства над российской территорией для полетов военно-транспортной авиации в Афганистан. Путин также распорядился о налаживании самого тесного сотрудничества российских спецслужб с американскими коллегами.

А уже 30 ноября 2001 года в газете *The New York Times* вышла статья, название которой — *Russian Oil Power* — дословно можно было перевести как «Русское нефтяное могущество» или «Российская нефтяная держава». Не исключено, что авторитетная газета выражала видение Вашингтоном роли России в новом мировом порядке. «Россия больше не может считаться военной сверхдержавой, но в последние годы она незаметно превратилась в гиганта нефтяного бизнеса, и это будет иметь важные политические и экономические последствия для Соединенных Штатов и их союзников, — писала газета. — Москва теперь находится в положении, которое позволяет ей резко ограничить возможности Организации стран — экспортеров нефти в области манипулирования ценами на нефть. Отказавшись идти по пути ограничения добычи, который предпочитает ОПЕК, Россия может усилить свою репутацию

¹⁰⁸ <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1392791.stm>

¹⁰⁹ <https://ria.ru/world/20160912/1476639193.html>

как ответственного и надежного поставщика для энергетических нужд Европы. Эту возможность президент Владимир Путин не должен разбазарить»¹¹⁰.

Весной 2002 года в ходе официального визита американского президента Джорджа Буша в Россию был дан старт энергетическому диалогу с Соединенными Штатами. На волне сотрудничества в рамках международной контртеррористической коалиции заговорили о новых инфраструктурных проектах, связанных с экспортом российской нефти в США. Чуть позже возникли идеи производства в России сжиженного природного газа для целевых поставок на североамериканский рынок.

Конечно, в идеях развития энергетического диалога с США превалировало скорее политическое стремление, хотя и объективные предпосылки для этого были. За период с 2001 по 2005 год добыча товарного газа в Соединенных Штатах снизилась на 44 млрд куб. м (или на 8%). Вашингтон предполагал стать крупным импортером сжиженного природного газа, прежде всего из Катара. Для Европы этот вопрос также встал в ряд приоритетных, поскольку обозначился спад добычи голубого топлива в Северном море, месторождения которого закрывали большую часть потребности стран северо-запада континента. Неудивительно поэтому, что в 2000 году по инициативе тогдашнего главы Еврокомиссии Романо Проди начался диалог Евросоюза с Россией, темой которого стало существенное увеличение поставок российских энергоносителей в Европейский союз в обмен на инвестиции и технологии.

Изменение конъюнктуры нефтяного рынка в сочетании с реформой налогообложения российской нефтяной отрасли обеспечили максимальное изъятие сверхприбылей в бюджет, передел собственности в пользу государственных компаний и сформировали новое качество внешней политики Кремля: двусторонние инвестиции, направленные на эквивалентный обмен активами и поддержку технологической модернизации российской экономики.

Однако Запад явно оказался не готов к такой перемене в поведении России и воспринял ее как неслыханную дерзость поверженного противника, а не как приглашение равного партнера к цивилизованному торговому диалогу. Не радовали западных партнеров и события, происходившие на внутреннем политэкономическом поле РФ.

---

¹¹⁰ <http://www.nytimes.com/2001/11/30/opinion/russian-oil-power.html>

Венцом процесса укрепления вертикали власти внутри страны к концу первого президентского срока Владимира Путина стало дело ЮКОСа. Оно возникло в тот момент, когда основным совладелец компании Михаил Ходорковский, поглотив «Сибнефть», собрался продать значительный пакет акций еще не закончившей процесс объединения новой суперкомпании (условно — ЮКСи) американским ExxonMobil и ChevronTexaco. Впрочем, не сам факт возможной продажи крупнейшей на тот момент нефтяной компании России стал причиной неприятностей Ходорковского. Перед этим, к примеру, Кремль не просто одобрил, а, можно сказать, благословил слияние нефтяных активов консорциума Alfa Group/Access-Renova с российскими активами ВР и создание на паритетных условиях, то есть без российского контроля, нефтяной компании ТНК-ВР. А через год после ареста главы ЮКОСа по обвинению в налоговых преступлениях американская ConocoPhillips в ходе приватизации приобрела у правительства РФ 7,6% акций другого российского нефтяного гиганта — «Лукойла», получив разрешение от властей довести свою долю в компании до 20%.

Проблемы у Ходорковского возникли из-за того, что руководитель и основной совладелец ЮКОСа не скрывал, что имеет серьезные политические намерения — вплоть до формирования в Государственной Думе парламентского большинства из финансово поддерживаемых им партий и преобразования России в парламентскую республику. Это было расценено как очевидное нарушение негласного соглашения, заключенного Путиным с российскими олигархами после вынужденной эмиграции медиамагнатов Б. Березовского и В. Гусинского. Суть соглашения была в том, что власти не занимаются пересмотром итогов приватизации 1990-х годов, а представители бизнеса не вмешиваются в большую политику. Поэтому демарш Ходорковского власти восприняли более чем серьезно.

Как показали дальнейшие события, политические амбиции олигарха, подкрепленные деньгами, полученными от продажи доли в ЮКОСе, вполне могли отвечать интересам его западных партнеров и, более того, поощряться ими.

Действительно, события на международной арене развивались стремительно. В ноябре 2003 года к власти в Грузии пришел стипендиат Госдепартамента США Михаил Саакашвили. Еще через год «оранжевая революция» произошла на Украине — у власти оказался Виктор Ющенко, уже через полтора месяца приглашенный в качестве почетного гостя на саммит глав государств НАТО в Брюсселе. На том саммите Ющенко, представлявший единственную страну, не входящую в альянс, заявил журналистам: «Мы стремимся к вступлению

Украины в ЕС и НАТО». А на вопрос, когда это может произойти, лаконично ответил: «Скоро»¹¹¹. Все это можно было трактовать как прямой, неприкрытый удар по интересам России и вызов ее национальной безопасности.

В марте 2004 года в Североатлантический военный альянс приняли Болгарию, Словакию, Румынию и Словению, завершив тем самым включение в НАТО стран — бывших участниц Варшавского договора. Более того: в блок вошли три бывшие прибалтийские республики СССР — Литва, Латвия и Эстония. Альянс вплотную приблизился к границам РФ.

В Кремле не без оснований предполагали, что похожая судьба — смена режима в результате «цветной» революции — была уготована и неокрепшей российской демократии. «Медовый месяц» Москвы и Вашингтона подошел к концу.

Тогда Россия готовилась к эпохальному событию — председательству в G8 и первому саммиту «Большой восьмерки», который должен был пройти в Санкт-Петербурге летом 2006 года. В качестве главной темы российская сторона заявила энергетическую безопасность. В конце декабря 2005 года президент Владимир Путин провел заседание Совета безопасности РФ «по вопросу о роли России в обеспечении международной энергетической безопасности». Он подробно остановился на необходимости объединения усилий с целью надежного обеспечения мировой экономики традиционными видами топлива. Речь шла о важности диверсификации и безопасности энергоснабжения, в том числе — защите его от терроризма.

Но уже через несколько дней произошла первая краткосрочная «транзитная война» с Украиной. Киев отказался подписывать контракт по закупке российского газа на рыночных условиях, хотя еще в мае новое «оранжево-революционное» руководство «Нафтогаза Украины» предложило перейти на европейское ценообразование. Не имея контракта, Москва ограничила поставки для нужд Украины, продолжая полностью обеспечивать объемы для подачи газа в Европу. Но украинцы начали отбирать необходимые им объемы из транзитного потока, предназначенного для европейцев. Тогда в широкий обиход вошел термин «несанкционированный отбор» — иносказательное обозначение воровства газа из транзитного трубопровода.

---

¹¹¹ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4287000/4287201.stm

Хотя сам транзитный кризис, вызванный несанкционированным отбором, продлился считанные часы и не привел к серьезным перебоям в поставках газа в Европу, в западных СМИ началась кампания по обвинению России в использовании «газового оружия». Так термин из документов ЦРУ времен холодной войны и битвы США против строительства газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород» вновь оказался востребованным в новых информационных сражениях.

Практически накануне 2006 года в газете *The New York Times* вышла статья под заголовком «„Газпром“ становится Русским Медведем». В ней говорилось, что в центре геополитической игры Кремля находится «Газпром» — российская газовая монополия, крупнейшая компания страны и производитель трети всего газа, добываемого в мире. «Он также является мощным инструментом реализации внешнеполитической доктрины России, которая зиждется на энергетическом экспорте, обеспечивающем власть и престиж вместо утерянной военной мощи», — писала газета¹¹². В том же издании, в статье от 3 января 2006 года выдвигался тезис, что теперь «в контексте сокращения экспорта через Украину, концентрацию европейского газового импорта на России можно расценивать как угрозу, возрождающую страхи времен холодной войны, когда США беспокоила зависимость Европы от российского газа»¹¹³. А уже на следующий день газетчики опубликовали заметку о том, что европейцам следует срочно искать альтернативы российскому голубому топливу.

Этот подход стал лейтмотивом публикаций об энергетическом сотрудничестве Европы и России в большинстве западных СМИ. Стало понятно, что украинский кризис — не более чем удобный повод, возможно, даже инспирированный извне. Кто-то же внушил весьма «ручным» украинским властям мысль о том, что они могут шантажировать Москву транзитом и не подписывать соглашение о закупке российского газа. При этом считалось вполне допустимым, что украинской стороне это не принесет никаких дивидендов, а Кремль проявит жесткость. Европейцы надавили на Украину только после того, как сбой транзита уже произошел, поэтому у заинтересованной стороны было достаточно времени, чтобы начать кампанию против российского газа.

¹¹² <http://www.nytimes.com/2005/12/27/business/worldbusiness/gazprom-becomes-the-bear-of-russia.html>

¹¹³ <http://www.nytimes.com/2006/01/03/business/worldbusiness/a-dispute-under-scores-the-new-power-of-gas.html>

В начале мая 2006 года Дик Чейни, всесильный вице-президент в администрации Джорджа Буша-младшего и выходец из нефтесервисной компании Haliburton, прибыл в Литву. Там он выступил с программной антироссийской речью на встрече с лидерами стран Балтийского и Черноморского регионов. Встреча была посвящена демократии на постсоветском пространстве. «Америка и вся Европа хотят видеть и Россию в числе здоровых, ярких демократий. Однако в России противники реформ сегодня стремятся отменить завоевания последнего десятилетия. Во многих областях гражданского общества — от религии и средств массовой информации до правозащитных групп и политических партий — правительство несправедливо и ненадлежащим образом ограничивает права своего народа. Такие действия правительства контрпродуктивны и могут повлиять на отношения с другими странами. Никакой интерес не представляется законным, когда нефть и газ становятся орудиями запугивания или шантажа, будь то манипулирование поставками или попытки монополизировать транспортную сеть. Ничто не может оправдать действия, подрывающие территориальную целостность соседа или мешающие движению к демократии», — заявил Чейни¹¹⁴.

Термин «энергетическая сверхдержава» в отношении России стал использоваться в Европе разве что не для того, чтобы пугать им детей, — хотя еще несколько лет назад именно эту роль, но со знаком плюс, Москве прочили те же самые европейские и американские СМИ. Запад, обвинявший Москву в политизации энергетического бизнеса, сам взял на вооружение исключительно политический подход. Его кульминацией стали звучавшие в декабре 2006 года в кулуарах саммита НАТО в Риге призывы рассматривать энергетические споры России со странами — членами блока в качестве актов агрессии, которая требует солидарного ответа Североатлантического альянса.

Много лет спустя, в 2014 году, после второго майдана на Украине и воссоединения Крыма с Россией, один из самых ярых антироссийски настроенных представителей американского истеблишмента, сенатор-республиканец Джон Маккейн (в 2006 году он призывал Буша бойкотировать саммит G8 в Санкт-Петербурге), грубо, но предельно откровенно сформулировал возобладавшее в середине нулевых отношение весомой части американской элиты к РФ: «Россия — это бензоколонка, которая притворяется страной»¹¹⁵.

¹¹⁴ <http://www.nytimes.com/2006/05/04/world/europe/04cnd-chenev-text.html?action=click&contentCollection=World&module=RelatedCoverage&region=Marginalia&pgtype=article&mtrref=undefined>

¹¹⁵ <https://russian.rt.com/inotv/2014-03-16/Makkejn-Rossiya-eto-benzokolonka>

Вашингтон изначально отказывал России в праве иметь собственную внешнеполитическую линию, а когда выяснилось, что у Владимира Путина несколько иные взгляды на суверенитет, иллюзия партнерства окончательно улетучилась.

Ответ Путина на нападки Дика Чейни не заставил себя ждать. Через три недели после обвинений со стороны американского вице-президента российский лидер на саммите «Россия — ЕС» в Сочи заявил: «Когда мы говорим о нашем полном присоединении к Энергетической хартии и дополнительному протоколу о транзите — о чем там идет речь? О свободном допуске к инфраструктуре добычи углеводородов и к инфраструктуре транспорта... Хорошо, вы получаете такой доступ к этим инфраструктурам, а мы что получаем? Мы слышим от них: „И вы то же самое“. А я уже говорил: „Где у вас такие месторождения, к которым вы нас допустите? Или где у вас такие магистральные трубопроводные системы, подобные тем, которыми располагает „Газпром“?“ Нет. Поэтому мы не против того, чтобы обеспечить такой доступ в будущем. Но нам нужно знать, что мы получим взамен. Это легко понять, если вспомнить наше детство. Во двор вышел, конфетку держишь — тебе говорят: „Дай конфетку“. В потный кулачок зажал: „А ты мне что?“ Мы хотим знать: а они нам что? Или у них нет адекватного ответа?..»¹¹⁶

Градус полемики повышался, и в преддверии саммита G8 президент России прокомментировал критический выпад Дика Чейни словами «это все равно что неудачный выстрел на охоте». Путин намекал на то, как американский вице-президент в начале 2006 года случайно подстрелил на охоте своего друга.

«Полагаю, что опасения по поводу возможного энергетического шантажа не выглядят искренними, а поэтому не являются убедительными, — отмечал Путин в интервью американскому телеканалу NBC. — Посмотрите на высказывания президента Соединенных Штатов — я только что их прочитал. Президент США говорит о том, что их „не беспокоит никакой возможный энергетический шантаж и какие-то сбои. У нас, в Соединенных Штатах, все отлажено“. Значит, речь идет только о европейских странах. Но еще в середине 1970-х годов, когда Советский Союз только начинал строительство газопроводной системы в Западную Европу для поставок нашего природного газа, руководство США

¹¹⁶ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23596>

отговаривало европейцев от участия в таких проектах и утверждало, что могут возникнуть проблемы. Вместе с тем и Советский Союз, и сегодняшняя Россия 40 лет час в час, день в день без сбоев выполняют все обязательства. Опасения не подтвердились, и неплохо бы нашим коллегам, партнерам, в том числе в Соединенных Штатах, знать об этом.

Что касается такой позиции отдельных наших друзей в Соединенных Штатах — давайте разберемся прямо и честно, чем она продиктована. Не опасениями по поводу возможных срывов энергопоставок и какой-то зависимости от России. Эта зависимость обоюдна: поставщик настолько же зависит от потребителя, как и потребитель от поставщика. У нас взаимная зависимость. Кстати говоря, взаимозависимость — это элемент стабильности. Но чем же все-таки продиктована американская позиция? Мне кажется, политическими соображениями, желанием поддержать отдельные политические силы в Восточной Европе, продвинуть собственные интересы, полагая, что Россия должна заплатить за их продвижение. Полагаю, что такая позиция не является сбалансированной. Более того, знаете, что меня беспокоит? То, что, по сути, американский подход основан на внешнеполитической философии XX века. Тогда наши партнеры всегда исходили из необходимости сдерживать Россию, рассматривая ее как минимум как политического оппонента, а то и врага. Это — рудимент мышления холодной войны, ошибка, означающая, что люди, которые так говорят, не видят и не понимают геополитических изменений в мире сегодня и тем более не предусматривают развитие ситуации на 15–20–25 лет вперед»¹¹⁷.

Концепция всемирной энергетической безопасности на основе консенсуса и добросовестного партнерства между поставщиками и потребителями уступила место «ресурсному национализму» и исключительно прагматичному обмену стратегическими активами.

«Я, если вы обратили внимание, никогда не говорил о том, что Россия — какая-то энергетическая сверхдержава, — заметил Владимир Путин в сентябре 2006 года, встречаясь с участниками дискуссионного клуба „Валдай“. — Но у нас больше возможностей, чем почти у всех других стран мира... Они должны понять, что это, прежде всего, наши национальные ресурсы, и не раскрывать рот на них, как на свои собственные»¹¹⁸.

¹¹⁷ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23699>

¹¹⁸ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23789>

В 2005–2006 годах правительство РФ усиленно работало над новой версией Закона «О недрах», призванного ужесточить условия доступа иностранных инвесторов к разработке российских недр, закрыв для них крупные (стратегические) месторождения. Прямо в дни Санкт-Петербургского саммита (5 июля 2006 года) Владимир Путин подписал Закон «Об экспорте газа», который закрепиł монополию за собственником Единой системы газоснабжения России, то есть за «Газпромом».

Полтора года спустя, в феврале 2008 года, на ежегодной пресс-конференции президент России подчеркнул: «Дайте нам адекватные активы у себя. Деньги — уже никому не нужные бумажки. Вот честная и открытая наша позиция»¹¹⁹. Позиция, которая категорически не устраивала Вашингтон, что и привело в дальнейшем к непрерывному усилению конфронтации.

Москва поддержала предложение Ирана о формировании постоянно действующей организации на базе Форума стран — экспортеров газа. До этого форум представлял собой неформальный клуб, существовавший с 2001 года в виде нерегулярных и нерегламентированных заседаний министров энергетики, встречавшихся, как правило, раз в год в разных составах.

На очередной встрече в Москве в конце 2008 года был принят устав новой организации, которую в публикациях западных СМИ и речах политиков тут же нарекли «газовой ОПЕК», и выбрано место для расположения штаб-квартиры (в столице Катара Дохе). Само по себе преобразование клуба в организацию экспортеров стало лишь символическим жестом, означавшим, что поставщики газа готовы совместно отстаивать интересы в переговорах с потребителями. Ни о каком картеле речь не шла, да и не могла идти, поскольку для влияния на цены нужны мировой рынок газа и договоренности экспортеров согласованно ограничивать поставки. На деле же не существовало ни того ни другого. Но США воспользовались призывами Ирана к созданию газового картеля и объявили Россию ненадежным поставщиком для Европы. Стартовала политическая и информационная кампания по принуждению европейцев диверсифицироваться любой ценой.

«Россия пытается создать газовый эквивалент ОПЕК, который в дополнение к имеющимся сильным двусторонним отношениям даст ей, как ожидается,

---

¹¹⁹ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24835>

гораздо больше — многосторонний международный охват в сфере газа», — заявила на слушаниях в Сенате 13 января 2009 года (в самый разгар транзитного кризиса на Украине) Хиллари Клинтон, кандидат на пост госсекретаря США в администрации Барака Обамы. И добавила, что в связи с этим «вопрос энергетической безопасности имеет огромное значение для нашей страны, для Европы и, конечно же, для всего мира»¹²⁰.

Когда сенатор-республиканец Ричард Лугар, один из самых ярких противников России в американском истеблишменте, спросил, не следует ли странам НАТО считать случаи отключения поставок газа для некоторых членов альянса и его союзников «нарушением пятой статьи» устава организации¹²¹, Клинтон ответила: «В отношении России и ее взаимодействия с Украиной, Грузией и другими европейскими странами, а также недавнего приобретения ею [Россией] сербской газовой компании¹²², надеюсь, мы сможем осознать, что нам необходимы более широкие рамки, в которых можем говорить об энергетической безопасности. Это может быть, а может и не быть пятая статья. Но это, несомненно, значительный вызов в сфере безопасности, с которым мы столкнемся»¹²³.

Несмотря на обтекаемые формулировки, Рубикон в отношениях России и США был перейден уже тогда, в 2009 году, а вовсе не вследствие случившегося через пять лет переворота на Украине и решения населения Крыма воссоединиться с Россией. Концепция энергетической сверхдержавы, которую выдвинули сами американцы в начале 2000-х, привела к возвращению Москвы на мировую арену как суверенного игрока с собственными интересами и готовностью их жестко отстаивать. Вашингтону это категорически не понравилось, и от относительно мирного сосуществования он перешел к стратегии Рональда Рейгана начала 1980-х. «Мы выигрываем, они проигрывают. Вот моя

¹²⁰ <https://ria.ru/world/20090113/159132633.html>

¹²¹ **Статья 5.** Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом и, ... в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-й Устава ООН, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся ... подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона.

¹²² В 2009 году «Газпромнефть» приобрела контрольный пакет сербской нефтяной компании NIS.

¹²³ <https://ria.ru/world/20090113/159132633.html>

стратегия в холодной войне»¹²⁴, — сказал американский президент во время саммита СССР — США в 1988 году, когда судьба многолетнего противостояния уже фактически была решена.

История вновь повторяется, теперь в виде фарса. Идеологических противоречий больше нет, и даже Западу не совсем ясно, кто на самом деле является «империей зла».

Проект «Украина — не Россия»

После развала Советского Союза в юрисдикции Украины осталась часть единой системы газоснабжения, обеспечивавшей доставку в европейские страны голубого топлива от месторождений Западной Сибири, а также Оренбурга и Средней Азии. Украина распоряжается крупнейшей в мире системой транзита газа, которая, согласно проектной документации, способна транспортировать через ее территорию до 140 млрд куб. м голубого топлива в год.

Газовый трубопровод на Украине — не просто важнейший инфраструктурный объект, источник доходов и инструмент геополитики, но и предмет фетиша для элиты и населения, одновременно и красная тряпка, и табу во внутриполитических раскладах. А для России и «Газпрома» украинский монопольный транзит российского газа в Европу на протяжении двадцати с лишним лет постсоветской истории — источник постоянных рисков, имиджевых проблем и финансовых потерь. Риски, которые нужно контролировать либо минимизировать — начиная с несанкционированного отбора и заканчивая транзитными войнами. Договориться же с Киевом о взаимовыгодной формуле управления в долгосрочной перспективе такими рисками не получается. Происходит это по одной простой причине: для политических архитекторов западного мира Украина, не входящая в орбиту влияния Москвы, ключевой элемент, цель их внешней политики на постсоветском пространстве.

¹²⁴ <https://www.goodreads.com/quotes/525675-here-s-my-strategy-on-the-cold-war-we-win-they>

Збигнев Бжезинский, известный автор теоретической базы антисоветской стратегии Вашингтона, в конце 1970-х, в ряду ключевых геополитических событий XX века наряду с крахом Австро-Венгерской империи и падением Третьего рейха называл не распад Советского Союза, а выход из его состава Украинской ССР. Идеологи «конца истории» и нового однополярного мира никогда не собирались отказываться от главного завоевания 24 августа 1991 года¹²⁵. Они затратили колоссальные ресурсы на то, чтобы вырастить антироссийскую Украину. «С начала украинской независимости в 1991 году Соединенные Штаты поддерживали украинцев, когда они обретали навыки демократии и выстраивали демократические институты, когда продвигали гражданские инициативы и качественное государственное управление, создавали все необходимые условия, чтобы Украина могла реализовать стремление в Европу. Мы инвестировали более 5 млрд долларов, чтобы помочь Украине в достижении этих и других целей»¹²⁶, — заявила помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Виктория Нуланд на приеме в рамках Международной бизнес-конференции по Украине в Вашингтоне 13 декабря 2013 года. А за два дня до этого она посетила лагерь протестующих на майдане в Киеве, чтобы поддержать их в борьбе против президента Виктора Януковича. Все телеканалы облетел репортаж о том, как Нуланд раздает демонстрантам и бойцам «Беркута» печенье.

Любопытно, что выступала Нуланд на фоне больших баннеров крупнейших американских нефтегазовых компаний — ExxonMobil и Chevron. Раздувание поклонения украинцев «газовой трубе» стало одним из инструментов реализации политической линии, направленной на то, чтобы не допустить укрепления связей между Москвой, Киевом и Берлином.

Укреплению таких связей очень способствовала бы реализация идеи Международного консорциума по управлению и развитию газотранспортной системы Украины. Решение о его создании было обнародовано 10 июня 2002 года главами трех государств — президентом России Владимиром Путиным, президентом Украины Леонидом Кучмой и канцлером Германии Герхардом Шредером — по итогам саммита в Санкт-Петербурге. Первоначально идею поддержали Путин и Кучма, после чего к проекту предложили присоединиться европейцам. В ответ федеральный канцлер высказался о возможном участии в таком консорциуме

¹²⁵ Верховный Совет УССР принял Декларацию о национальном суверенитете Украины, что и предопределило распад Советского Союза.

¹²⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=U2fyCHLouXY>

немецких компаний. И 10 июня в официальном заявлении российского президента было сказано: «Эта инициатива будет рассматриваться в качестве приоритетной при реализации решения президентов России и Украины»¹²⁷. «Она позволит консорциуму привлечь в ближайшее время примерно 2,5 млрд долларов для реконструкции, а в ближайшие десять лет — примерно 15 млрд долларов для развития трубопроводной системы, проходящей по территории Украины»¹²⁸.

Для Москвы продление основных долгосрочных контрактов на поставку газа в Германию, Францию, Австрию и Италию, подписанных под строительство газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», было вопросом стратегической важности. Сроки контрактов истекали в конце десятилетия. Но, чтобы вести предметные переговоры об их продлении, требовалось четкое понимание надежности исполнения принятых обязательств в последующие 20–30 лет. Вопрос стабильного, политически предсказуемого и экономически привлекательного транзита приобретал ключевое значение. Создание консорциума гарантировало бы России контракты на экспорт газа, Украине — уверенность в том, что ее система будет востребована и продолжит приносить транзитную выручку, а Европе — надежное поступление энергоресурсов.

К моменту заявления лидеров России, Украины и Германии о формировании консорциума «Газпром» уже почти достроил два альтернативных маршрута доставки газа клиентам: «Ямал–Европа» (через Белоруссию и Польшу в Германию), а также прямой газопровод через Черное море — в Турцию. В рамках этих проектов, хотя они и реализовывались под новые экспортные контракты, при необходимости можно было проложить дополнительные нитки. С 1997 года рассматривался и проект строительства Северо-Европейского газопровода — через Балтику в Западную Европу. Хотя свободных ресурсов для того, чтобы инвестировать в безопасность транзита, у России и «Газпрома» не было, Украина чувствовала угрозу своей монополии — Леонид Кучма это прекрасно понимал и пытался предотвратить подобное развитие событий.

Сегодня это звучит удивительно, но тогда историческая трехсторонняя встреча не вызвала особой реакции западноевропейских СМИ, а американские ее и вовсе проигнорировали — в следующие два года теме создания газотранспортного

¹²⁷ <http://www.kremlin.ru/supplement/3453>

¹²⁸ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21640>

консорциума между Россией и Украиной в газете The New York Times, например, не было уделено ни строчки. Между тем за это время были подписаны межправительственное соглашение о стратегическом российско-украинском сотрудничестве в газовой сфере и контракт на транзит газа до 2013 года, а также сам договор об учреждении консорциума по управлению и развитию ГТС Украины.

Формально между Москвой и Вашингтоном царили дружба и взаимопонимание, поэтому негативный тон в оценке этого события считался неуместным. Впрочем, и одобрить соглашение, укреплявшее партнерство России, Украины и Германии на десятилетия вперед, американцы не могли. Для них существовал риск утраты влияния на Киев в пользу возраставшего влияния Москвы. В январе 2003 года посол США на Украине Карлос Паскуаль, выступая в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, в качестве основной темы взаимодействия США и Украины поставил вопрос: должна ли Украина войти в НАТО? И сам же ответил на него утвердительно, без оговорок и допущений¹²⁹. Но о какой интеграции в НАТО и ЕС могла идти речь, если Москва и Киев как основные внешнеторговые партнеры стали бы вместе управлять газопроводом?

В результате переговоры о формировании консорциума начали тормозиться из-за политической ситуации на Украине и давления на президента Кучму извне. Еще в 2001 году США предоставили политическое убежище бывшему офицеру службы госохраны Украины Николаю Мельниченко. Тот якобы организовал прослушку кабинета Леонида Кучмы и его телефонных разговоров, а затем передал кассеты с записями представителям парламентской оппозиции. Основываясь на данных, полученных в результате прослушки, оппозиционеры обвиняли президента в том, что он заказал руководству МВД Украины убийство журналиста Георгия Гонгадзе в 2000 году¹³⁰. Так называемый «кассетный скандал» вылился в мощную политическую кампанию «Украина без Кучмы». И главной целью кампании стала подготовка к смене президента на следующих выборах.

В итоге после очередных раундов переговоров с Москвой представители украинских властей заявили, что отказываются говорить о совместном

---

¹²⁹ <https://ria.ru/world/20090113/159132633.html>

¹³⁰ Георгий Русланович Гонгадзе (21 мая 1969 г., Тбилиси, Грузия — 17 сентября 2000 г., Украина) — украинский журналист грузинского происхождения, основатель и первый главный редактор интернет-издания «Украинская правда». Обстоятельства его смерти стали национальной драмой и поводом для протестов против президента Леонида Кучмы.

управлении действующей газотранспортной системой. «Вопрос консорциума по управлению существующей ГТС Украины снят с повестки дня», — заявил еще в мае 2003 года профильный вице-премьер Виталий Гайдук (по совместительству совладелец мощной олигархической группы «Индустриальный союз Донбасса»). Он напомнил, что ранее эксперты установили нецелесообразность других вариантов его создания, кроме передачи ГТС в концессию: «Мы что, плохо управляем? У нас что, в плохом состоянии газотранспортная система?»¹³¹

Киев настаивал на том, чтобы консорциум инвестировал в развитие системы, а конкретно — в строительство перемычки на участке «Ужгород–Долина» и новой ветки «Новопсков–Ужгород», которая заменила бы стареющий газопровод «Союз». Правда, никаких действий по выходу из договоров по созданию консорциума Киев не предпринял.

Новый формат, безусловно, не устраивал Москву, так как не снимал риски по эксплуатации действующего транзита. Но, поскольку в ближайшие год-полтора предстояли президентские выборы и в России, и на Украине, обе стороны взяли паузу в переговорах, и решение по консорциуму было отложено до следующего политического цикла и нового окна возможностей. Которое так и не открылось.

В сентябре 2003-го, за год до новых президентских выборов, Паскуалья на посту посла США в Киеве сменил Джон Хербст. Вашингтон собирался сделать ставку на кандидата от оппозиции Виктора Ющенко, поэтому первоочередной задачей Хербста было не допустить выдвижения Леонида Кучмы на третий срок. На слушаниях в Сенате США при рассмотрении его кандидатуры на пост посла на Украине Хербст заявил: «Если я буду утвержден, моим приоритетом станет делать все, что могу, чтобы убедить украинские власти обеспечить равное игровое поле для кандидатов в президенты; чтобы подготовка к выборам и сами выборы проводились свободным и справедливым образом. Наличие избирательного процесса, который соответствует стандартам ОБСЕ, и результат, отражающий волю народа, имеют жизненно важное значение для реализации намерения Украины вступить в НАТО и приблизиться к Европейскому союзу»¹³².

¹³¹ <https://lenta.ru/news/2003/12/05/gas/>

¹³² <https://www.globalresearch.ca/history-the-power-struggle-in-ukraine-and-americas-strategy-for-global-supremacy/5382379>

Конституционный суд Украины подтвердил право гражданина страны Леонида Даниловича Кучмы баллотироваться на пост главы государства в третий раз. Но Вашингтон через посла Хербста постоянно напоминал, что ему не следует этого делать ни в коем случае. И компромат политэмигранта Мельниченко по делу Георгия Гонгадзе был козырным тузом в решении поставленной задачи.

Леонид Кучма от участия в президентской гонке отказался, хотя до того все-речь рассматривал для себя такую возможность — еще будучи действующим главой государства, он в 2003 году выпустил книгу с говорящим названием «Украина — не Россия», в которой позиционировал себя как апологета «украинства».

«В мире, Европе, России и, уж конечно, на Украине остается все меньше людей, полагающих, что Украина исторически неотъемлемая часть России, отколовшаяся по какому-то странному недоразумению или даже чудачеству, — писал Кучма. — Со временем подобные взгляды станут и вовсе экзотическими, хотя, допускаю, не исчезнут совсем: и сегодня существуют общества изобретателей вечного двигателя и приверженцы постулата о плоской Земле. Едва ли это произойдет в ближайшее время; скорее всего, потребуется смена поколений и немалая работа. В связи с этим нужно и полезно констатировать, напоминать и разъяснять, что Украина — не продолжение и не филиал России и вообще не Россия. Я призываю своих читателей делать это во всех уместных случаях, особенно за границей»¹³³.

У действующих президентов обычно хватает работы и без написания мемуаров и философских размышлений о судьбах мира — не говоря уже о том, что манифест-противопоставление ближайшему соседу и главному торговому партнеру от официального лица выглядел совсем дико. Примерно так же, как если бы канадский премьер-министр вдруг разразился трудом на тему «Канада — не США». Единственное, чем можно объяснить такой демарш Кучмы, — стремлением выглядеть в глазах Соединенных Штатов и Европы самым большим западником и украинским националистом. Антироссийский настрой казался Леониду Кучме шансом получить мандат на дальнейшее пребывание во власти. В своей книге он открытым текстом объяснял, что означает для него «быть в Европе»: для Украины, по его мнению, это осознанный исторический выбор, означающий соответствие критериям «Европейского совета, Европейского союза, НАТО и других известных организаций»¹³⁴.

¹³³ Кучма Л.В. Украина — не Россия. — Л.: Время, 2003. — С. 508.

¹³⁴ Кучма Л.В. Украина — не Россия. — Л.: Время, 2003. — С. 511.

Однако в Вашингтоне резонно решили, что рулить Украиной на пути к североатлантической интеграции должны проверенные кадры, а не бывший директор «Южмаша» — одного из ключевых предприятий Советского Союза по производству ракетно-космической техники. Кучма же за отказ от попытки избрания на третий президентский срок и от применения силы против первого Майдана осенью 2004 года получил возможность избежать уголовной ответственности. Хотя пришедшая к власти в результате «оранжевой революции» проамериканская коалиция во главе с Виктором Ющенко объявляла делом чести найти и посадить заказчиков убийства журналиста Гонгадзе.

При новой власти идеи сотрудничества в эксплуатации украинской ГТС отбросили не сразу. Киев не стал денонсировать имевшиеся договоренности, а сам Виктор Ющенко поначалу даже публично заявлял, что считает трехстороннюю модель консорциума по управлению газотранспортными системами Украины оптимальной. «Я хочу такую ситуацию, в которой украинский транзитный интерес будет отрегулирован на десятки лет, чтобы не быть под риском ежегодного снижения объемов прокачки газа»¹³⁵, — сказал он в январе 2005 года в ходе первого визита в Евросоюз. А два месяца спустя, выступая после встречи с новым президентом Украины, Владимир Путин сообщил на пресс-конференции: «Виктор Ющенко заверил меня, что Украина не будет стремиться к пересмотру достигнутых договоренностей по консорциуму». Возможно, подобное заявление стало следствием того, что в конце 1990-х — начале 2000-х годов Ющенко, будучи в команде Кучмы на постах вице-премьера и премьера, вел переговоры о передаче России 40%-ной доли в компании по управлению ГТС Украины в счет уплаты многомиллиардных долгов, накопившихся за первое десятилетие независимости. Тогда же высказывалась идея передачи ГТС в управление «Газпрому» и Shell, в конечном итоге так и оставшаяся на бумаге.

Новый украинский президент предложил перейти на рыночные цены в расчетах за газ уже с 2006 года. Следует учесть, что Украине газ из России обходился в два-три раза дешевле, чем европейским покупателям. Впрочем, переговоры и о консорциуме, и об условиях перехода на рыночное ценообразование предстояло вести Юлии Тимошенко. Она активно участвовала в 1990-е годы в схемах перепродажи российского и туркменского газа на Украине, за что даже получила прозвище «газовая принцесса», а также

¹³⁵ <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20050127123806.shtml>

несколько уголовных дел в России и на родине в придачу. По итогам «оранжевой революции» «принцесса» оказалась в кресле премьер-министра, однако занимала она престижную должность всего семь месяцев, наполненных в основном конфликтами в рядах победителей первого Евромайдана.

Да и сами переговоры о консорциуме были отложены надолго. Главным стал острейший для экономики Украины вопрос о цене на газ с 1 января 2006 года. Правительству под руководством премьера Юрия Еханурова, давнего соратника Ющенко, предстояло найти выход из щекотливого положения, в которое Украина попала милостью нового президента, инициировавшего переход на рыночное ценообразование. Контракт до 2006 года так и не был подписан, в результате чего Москва прекратила поставки газа для нужд Украины, оставив только транзитный поток. Киев в ответ заявил, что имеет право использовать часть транспортируемого газа, и начал неразрешенный отбор топлива, предназначенного европейским потребителям.

Продолжалось такое воровство недолго. Уже в ночь с 3 на 4 января 2006 года было достигнуто соглашение о схеме поставок российского и среднеазиатского газа на Украину, а в схему интегрирован посредник — RosUkrEnergy, 50% которого принадлежало «Газпрому». Украинская же половина оказалась в номинальной собственности у австрийской инвестиционной компании Raiffeisen Invest. Позднее стало известно, что бенефициарами¹³⁶ этой доли являются украинские бизнесмены Дмитрий Фирташ (45%) и Иван Фурсин (5%), близкие к президенту Виктору Ющенко. В результате сделки Украина получила более приемлемую цену импортного газа — 95 долл./тыс. куб. м; а «Газпром» — 50% от трейдинга среднеазиатского газа, ранее законтрактованного Украиной. Частные акционеры с украинской стороны обрели возможность зарабатывать сотни миллионов долларов в год.

Поначалу европейцы не почувствовали последствий несанкционированного отбора. Но ситуация усугубилась сильными морозами и традиционными зимними ограничениями поставок на экспорт со стороны Туркменистана. Украина вновь отбирала газ из транзитного потока, обещая позже компенсировать забранное. Однако для американских СМИ случившееся сразу же послужило поводом к развязыванию информационной кампании, подхваченной частью европейских медиа, о ненадежности России в качестве поставщика голубого

---

¹³⁶ Бенефициарий (или бенефициар) — выгодоприобретатель в современной финансовой и юридической терминологии. Получатель платежа (выгоды в другой форме) по страховому полису или иному договору.

топлива и необходимости диверсификации поставок в Европу. Украина же рассматривалась либо как элемент непредсказуемой системы газоснабжения, либо и вовсе как невинная жертва мести Москвы за «оранжевую революцию». О том, что победители первого Майдана уже давно разругались и полностью дискредитировали себя, предпочитали умалчивать.

В марте 2006 года парламентские выборы выиграла «Партия регионов» во главе с Виктором Януковичем, который был официальным преемником Леонида Кучмы и его последним премьером. Однако в должности главы кабинета министров его утвердили только спустя четыре с половиной месяца. А через полгода Янукович, публично отказавшись от курса на вступление в НАТО, столкнулся с указом президента о роспуске Верховной рады. Внеочередные выборы в итоге состоялись лишь в конце 2007 года, премьер-министром стала Юлия Тимошенко, которая первым делом начала войну против схемы поставок газа на Украину образца 2006 года и против посредника в лице RosUkrEnergo — из-за чего, в частности, еще сильнее поссорилась с Виктором Ющенко.

Переговоры о газотранспортном консорциуме даже с более склонным к диалогу Януковичем в условиях глубокого и перманентного политического кризиса на Украине не представлялись возможными. Достойно упоминания заявление от 1 августа 2006 года (перед самым утверждением Януковича на пост премьера) Арсения Яценюка — министра экономики в техническом правительстве Юрия Еханурова. Яценюк настаивал, что к созданию газотранспортного консорциума, помимо поставщика газа в лице России и потребителя — Европы, следует привлечь и США как страну, наименее зависимую от потребления и приобретения соответствующего энергоносителя, которая к тому же имеет значительный финансовый ресурс¹³⁷.

Конфликт в руководстве Украины, возникший вокруг RosUkrEnergo (Тимошенко требовала убрать трейдера, а Ющенко пытался сохранить), привел в итоге ко второй транзитной войне. Российская сторона была готова отказаться от посредника — этот вопрос целиком находился в компетенции украинского правительства. И было даже достигнуто соглашение о поставках газа напрямую «Нафтогазу Украины». Все предварительно оговорили на уровне

¹³⁷ <https://neftegaz.ru/news/view/65208-Ministr-ekonomiki-Ukrainy-V-gazotransportnom-konsortsiume-dolzhen-uchastvovat-SShA>

премьеров и глав компаний — в России на посту главы правительства уже работал Владимир Путин, не ставший, как и Леонид Кучма, баллотироваться на третий подряд президентский срок. Однако главу «Нафтогаза Украины» Олега Дубина срочно отозвал из Москвы президент Виктор Ющенко. Подписание нового соглашения не состоялось, а старая схема оказалась заблокирована правительством Юлии Тимошенко.

В итоге в новый, 2009 год Киев вновь вступил без контракта на закупку газа. Зима опять выдалась суровой. И «Нафтогаз Украины» снова стал несанкционированно отбирать часть газа из транзитного потока. Однако жесткая реакция со стороны ЕС отсутствовала. Там не предприняли никаких конкретных действий, чтобы заставить Украину либо прекратить воровать (что невозможно в условиях зимы — украинцы бы попросту замерзли), либо быстро подписать контракт на поставку.

Это были самые тяжелые три недели в 40-летней (на тот момент) истории российско-европейских газовых отношений. Выяснилось, что ЕС не имеет оперативных рычагов воздействия на Киев или не хочет ими воспользоваться. Украинцы стали интенсивно отбирать газ из подземных хранилищ на западной границе. А газотранспортную систему страны титаническими усилиями переключили в реверсный режим, чтобы обеспечивать хотя бы минимальным теплом потребителей в Центральной и Юго-Восточной Европе. Европейцы мерзли, их политики суетились: ездили то в Киев, то в Москву.

Но говорили они о малозначимых на тот момент вещах, вроде отправки наблюдателей на измерительные станции. Хотя следовало искать компромисс для заключения нового контракта и возобновлять поставки. США же совсем не спешили оказать помощь в принуждении руководства Украины к миру и цивилизованному поведению.

В итоге долгосрочный — до конца 2019 года — контракт на поставку газа между «Газпромом» и «Нафтогазом» оформили лишь 19 января 2009 года. А договор на транзит — в ночь с 20 на 21 января, когда запасы в украинских хранилищах сократились настолько, что не могли обеспечивать внутренние нужды Украины. ГТС больше была не в состоянии работать в реверсном режиме для снабжения украинских потребителей, что заставило Киев пойти на подписание жестких, но в то же время необходимых контрактов, действие которых истечет в 10 часов утра 1 января 2020 года.

Договор предполагает, что «Нафтогаз Украины» покупает у «Газпрома» 52 млрд куб. м газа в год по формуле цены, привязанной к стоимости нефтепродуктов. По правилу «бери или плати» покупатель обязан оплатить 80% от годового контрактного объема, то есть 41,6 млрд куб. м в год. Важно отметить, что к январю 2009 года, когда контракт подписали, цены на газ в Европе находились на историческом максимуме — 450–500 долл./тыс. куб. м (за полтора года, с лета 2007 года, они практически удвоились). Поэтому в качестве базовой для Украины была зафиксирована цена 450 долл./тыс. куб. м. Но предполагалось скорое падение вслед за ценой на нефть, которая уже упала с лета 2008 года в три раза. К концу кризисного 2009 года российский газ продавался в Европу в среднем по 250 долларов. Цена для Украины с учетом 20%-ной скидки уменьшилась до 208 долларов.

Транзитный договор был стандартным. Стоимость транспортировки рассчитывалась по формуле, привязанной к цене газа, поставляемого на Украину, и с поправкой на инфляцию в ЕС. На 2009 год «Газпром» получил 20%-ную скидку к тарифу. Но было сделано два исключения из общепринятой практики транзитных договоров. Во-первых, за несанкционированный отбор газа из транзитного потока зимой Украина должна была платить в трехкратном размере по сравнению со стандартной ценой по контракту. Вне отопительного сезона повышающий коэффициент устанавливался равным 1,5. Во-вторых, договор предусматривал транспортировку 110 млрд куб. м в год. Но никаких санкций за снижение этого объема — «качай или плати» — не предусматривалось.

Так выглядела жесткая позиция российской стороны, которая совместно с европейскими партнерами уже занималась обходными проектами — «Северным потоком» и «Южным потоком». Часть украинского транзита в будущем должна была уйти к самым надежным «транзитерам» — Балтийскому и Черному морям.

Оба договора были подписаны по личному указанию премьер-министра Юлии Тимошенко. Но ситуация с поставками оставалась критической как для Украины, так и некоторых стран Европы. Уже зимой 2010 года Юлия Тимошенко проиграла президентские выборы главе «Партии регионов» Виктору Януковичу, а затем лишилась и поста премьера в результате формирования новой правящей коалиции в Верховной раде. Тем временем цены на газ в Европе начали расти, потянув за собой и стоимость российского газа для Украины.

Новые власти начали уголовное преследование экс-премьера за подписание газовых соглашений 2009 года. Весной 2011 года против Юлии Тимошенко открыли дело «за превышение власти и служебных полномочий» при заключении газовых контрактов и через три месяца отправили ее под арест. Осенью суд приговорил «газовую принцессу» к семи годам заключения, лишению права занимать определенные должности в государственной власти в течение трех лет после отбытия основного наказания, а также обязал возместить ущерб «Нафтогазу» в размере 189 млн долларов.

Считается, что таким образом украинские власти хотели получить рычаг для давления на Россию в вопросе пересмотра газовых контрактов. Мол, договоры подписывались украинской стороной с нарушениями законодательства и могут быть оспорены в суде. Заодно это был шанс устранить опасного конкурента в преддверии выборов президента Украины в начале 2015 года.

Не прошло и двух месяцев после инаугурации Виктора Януковича, как он встретился с Дмитрием Медведевым, чтобы подписать так называемые Харьковские соглашения. Они де-факто закрепляли внеблоковый статус Украины, так как продлевали срок пребывания российской военно-морской базы в Севастополе на 25 лет — до 2042 года. Одновременно правительство России изменяло для Украины ставку экспортной пошлины. При цене газа на границе Украины ниже 333 долл./тыс. куб. м она обнулялась. Если газ по формуле стоил дороже, то размер пошлины снижался на 100 долларов. Более того, скидка (формально накопительным итогом) учитывалась на специальном счете и должна была погашаться в качестве повышенной платы за аренду севастопольской базы российских военно-морских сил начиная с 2017 года. Соглашения служили многомиллиардной гарантией того, что в один прекрасный день правительство Украины не передумает. По той же причине Москва отказалась вносить коррективы в контракт на поставку газа.

Цены на нефть продолжали быстро расти и тянули за собой цены на природный газ по экспортным контрактам «Газпрома», в том числе и по украинскому договору. К середине 2011 года стоимость голубого топлива достигла 350 долл./тыс. куб. м, а к концу года превысила 400 долларов даже с учетом скидки по Харьковским соглашениям. Такой рост оказался чрезвычайно тяжел для украинской промышленности и бюджета страны, потому что часть импортного газа направлялась предприятиям теплоэнергетики по заниженным тарифам, а разницу должны были покрывать из других доходов бюджет

и «Нафтогаз». Именно возвращение высоких цен на газ стало одной из причин возбуждения уголовного преследования Юлии Тимошенко.

Тогда же возобновились разговоры о консорциуме по управлению украинской ГТС. Из обсуждения окончательно ушла формулировка о «развитии системы». В условиях строительства новых газопроводов и старения ГТС Украины, построенной во времена СССР, Киеву следовало либо срочно делиться контролем над трубой, либо смириться с ее превращением в недалеком будущем в ржавый металлолом.

Переговоры велись, но достаточно вяло. Виктор Янукович во всех программных речах заявлял, что полностью поддерживает возрождение идеи трехстороннего консорциума по управлению ГТС. Но реально запустить процесс предметных переговоров в 2010–2011 годах не удалось. Перед новым, 2012 годом глава «Газпрома» Алексей Миллер раскрыл некоторые подробности предложений украинской стороны: «Заявочная сумма значительная. Наши украинские друзья оценили стоимость своей газотранспортной системы в районе 20 млрд долларов. Это большая сумма с учетом того, что еще потребуется внести солидные средства для модернизации», — цитировало Миллера РИА «Новости»¹³⁸. По разным оценкам, на модернизацию украинской ГТС могло понадобиться от 2–3 до 7–8 млрд евро. Кроме того, Украина потребовала дополнительную скидку на российский газ. «Если считать на объем 40 млрд куб. м — тот объем, который Украина будет отбирать в соответствии с действующим контрактом, — то скидка должна составлять в районе 9 млрд долларов ежегодно», — отмечал председатель правления российской газовой компании.

С одной стороны, это выглядело как приглашение к торгу, хотя следовало учитывать, что переговорные позиции России были очень сильны. Отвечая на вопрос о том, какое место «Газпром» видит для ГТС Украины с учетом строительства морского газопровода «Южный поток», Алексей Миллер сказал: «Это полностью зависит от той роли, которую отводит газотранспортной системе сама украинская сторона. Если, как можно услышать на Украине, ГТС — историческое сокровище, то, по-видимому, ее место в музее»¹³⁹.

¹³⁸ <https://ria.ru/economy/20111230/530008787.html>

¹³⁹ <https://ria.ru/economy/20120116/540662300.html>

С другой стороны, нельзя было игнорировать отсутствие гарантий, вызванное политической ситуацией на Украине. Оппозиция в Верховной раде клялась, что не допустит передачи ГТС, и даже сумела провести закон о запрете приватизации и передачи в концессию магистральных газопроводов Украины. В Москве подозревали, что это часть переговорной тактики администрации Януковича — он тянул время, хотя мог бы силами «Партии регионов» и своих союзников не допустить демарша со стороны парламента. Это выглядело тем более вероятным, что в то же самое время, как бы в противовес политике стратегического сотрудничества с Москвой, Янукович интенсифицировал переговоры со странами Старого Света. Украина присоединилась к Европейскому энергетическому сообществу и взяла на себя обязательства по реформированию газового сектора по европейскому подобию. Это по умолчанию исключало создание совместного с «Газпромом» управления украинской ГТС. (К тому времени в ЕС уже приняли Третий энергетический пакет¹⁴⁰, который запрещал участникам газового рынка владеть газотранспортными активами и/или участвовать в управлении ими.)

Венцом движения Януковича в сторону объединенной Европы стала подготовка соглашения «Об ассоциации с ЕС». Подписание этого документа Украиной сделало бы невозможным присоединение страны к Таможенному союзу и Евразийскому экономическому союзу, которые организовали Москва, Минск и Астана.

Надо сказать, что на интенсивность переговоров о создании консорциума повлияла и внутривнутриполитическая ситуация в России. После выборов в Госдуму в конце 2011 года начались гражданские протесты, вылившиеся в попытку очередной «цветной революции» на постсоветском пространстве — «белой революции» в Москве. Пик политических выступлений и требований смены режима должен был прийти на президентские выборы в марте 2012 года, когда Владимир Путин после четырех лет премьерства вновь избирался на пост главы государства. Специально перед выборами в Москву прибыл новый посол США Майкл Макфол, который отвечал в администрации Барака Обамы за политику в отношении России и был одним из главных теоретиков экспорта демократии по-американски, прежде всего в республике бывшего СССР.

---

¹⁴⁰ **Третий энергетический пакет** (англ. *Third Energy Package*) — законодательство Евросоюза по либерализации газового и электрического рынков. Принято Советом ЕС и Европарламентом в июле 2009-го и вступило в силу 3 сентября того же года. Ключевой аспект данного пакета директив и регламентов ЕС — ограничение монополии поставщиков газа и электричества, которые блокируют поставку конкурирующих энергетических компаний за счет владения сетями доставки к потребителям (газопроводами, ЛЭП и т. п.).

«Я был студентом в СССР, учился в Ленинграде и Москве. Впервые приехал в 1983 году и тогда еще любил социализм. Таким же и уехал, — говорил Макфол о себе. — Но в 1985 году я столкнулся с проблемами социализма — например, с многочасовыми очередями. И впервые встретил диссидентов. Это сделало меня более критичным. Вообще-то диссертация у меня защищена по ЮАР. Большинство Russia watchers [„наблюдателей за Россией“] — дипломаты, специалисты по безопасности, контролю над вооружениями. Или по русской культуре. Я — не то и не другое. Я не могу процитировать Пушкина наизусть. Я специалист по демократии, антидиктаторским движениям, по революциям. И когда я приехал в Союз в 1989 году, то как раз оказался в стране в такое время. Живя в Москве в 1990–1991 годы, я очень сблизился с российскими демократами. Это было, возможно, лучшее время моей жизни»¹⁴¹.

Госсекретарь США Хиллари Клинтон, приводя Макфола к присяге, заявила, что сложившаяся ситуация в России делает его назначение чрезвычайно своевременным, поскольку «предстоящие месяцы будут иметь ключевое значение для демократии в России»¹⁴². Если учесть, что в публичных выступлениях до прихода в администрацию Барака Обамы Макфол только и делал, что обвинял Владимира Путина в авторитаризме и имперском поведении, то относительно целей американского посла (едва ли не единственного в истории, не имевшего опыта дипломатической работы) никаких сомнений не остается.

Впрочем, закончилась его миссия полным провалом, в том числе в сфере продвижения новой русской революции. Его отозвали из Москвы в феврале 2014 года, в разгар украинских событий.

Однако в Киеве американская ставка сыграла.

Понятно, что плясками вокруг ассоциации с ЕС Виктор Янукович и его соратники пытались выторговать у России наилучшие условия экономических и в том числе энергетических отношений. Однако в заигрывании с Европой они зашли слишком далеко, усилив раскол украинского общества. Этому, конечно, способствовали и 5 млрд долларов, потраченных за 20 лет американцами на «продвижение демократии» на Украине.

¹⁴¹ https://republic.ru/world/spetsialist_po_antidiktatorskim_dvizheniyam-730708.xhtml

¹⁴² <http://tass.ru/politika/547360>

С точки зрения укрепления экономических связей, устойчивого развития, обеспечения энергоносителями и рынка сбыта кооперация с Россией и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) выглядела для Украины очевидным выбором номер один. Не имея возможности это игнорировать, Виктор Янукович отменил в последний момент подписание Соглашения об ассоциации с ЕС, предотвратил экономическое самоубийство Украины и получил от Москвы кредитную линию на 15 млрд долларов, а также снижение цен на газ еще на 30% — до 268 долларов. Все это вполне могло повысить конкурентоспособность ориентированной на экспорт химической и металлургической промышленности страны.

Но Запад, сделав упор на «европейскую мечту», сумел мобилизовать молодежь и «новых украинцев». Именно об их появлении мечтал десятью годами раньше Леонид Кучма, именно это и привело к очередному Майдану, насильственной смене власти, выходу Крыма из состава Украины и гражданской войне на Донбассе.

Проект «Украина — не Россия» был претворен в жизнь и обошелся очень дорого и России, и самой Украине. В газовой сфере его реализация означала, что если раньше зависимость от транзита доставляла неудобства и приводила к краткосрочным транзитным войнам, то теперь риск того, что Киев перекроет газовый вентиль, стал материальным. Под предлогом ли санкций или ответа на действия «агрессора» (как тамошние власти называли Россию), или просто по причине окончания транзитного контракта 1 января 2020 года. Следовательно, строительство альтернативных маршрутов доставки газа покупателям в Европе и Турции приобрело, как принято говорить, статус *must have* (очень желанной вещи) с четко обозначенным дедлайном¹⁴³.

Рост спроса на голубое топливо в Евросоюзе в совокупности с ускоренным падением собственной его добычи оставлял украинской транзитной системе шанс на продление существования. Конечно, потребовались бы модернизация и оптимизация. Но главным условием России для заключения нового транзитного соглашения стала экономическая привлекательность транспортировки и политические гарантии ее безопасности.

---

¹⁴³ **Дедлайн** (от англ. *deadline*) — крайний, предельный срок, дата или время, к которому должна быть выполнена задача.

От Северо-Европейского газопровода — к «Северному потоку»

На протяжении 1990-х годов почти стопроцентная зависимость российского экспорта от состояния украинского трубопровода и настроения тех, кто его контролирует, приводила к воровству газа, коррупционным скандалам, накоплению многомиллиардных задолженностей и уголовных дел. На это нужно было соответственно реагировать. С учетом роста спроса на российский газ в дальнем зарубежье Москва реализовала три газотранспортных проекта: модернизацию компрессорных станций и линейной части газопровода «Ананьев–Тирасполь–Измаил» на территории Украины (для увеличения экспорта в Турцию); одну нитку трубы «Ямал–Европа» (через Белоруссию и Польшу в Германию), а также первый морской газопровод из России «Голубой поток» (для рынка Турции).

И если первый укрепил транзитную роль Украины за счет инвестиций «Газпрома», «Нафтогаза» и турецких компаний Botas (импортер) и Gama Holding (строительство инфраструктуры), то два других стали первыми обходными путями, снижавшими транзитную гегемонию Киева.

Случилось это не быстро и не без проблем, обычно присущих крупным инвестиционным проектам. Реализация газопровода «Ямал–Европа» с момента подписания межправительственного соглашения заняла 13 лет (выход на проектную мощность состоялся после 2006 года). «Голубой поток» введен в строй в 2003 году, но из-за недостаточного роста потребления в Турции достиг проектного уровня поставок только через восемь лет. Тем не менее уже к 2008 году доля украинского транзита в обеспечении экспорта российского газа сократилась до 74%. Хотя физически через ГТС Украины в Европу прошло почти 117 млрд куб. м, что очень близко к ее пропускной способности на тот момент, — то есть новые маршруты обеспечили не обход Украины, но прирост экспорта отечественного газа.

Идея построить газопровод из России в Западную Европу, минуя всех транзитеров, родилась более 20 лет назад. Тогда «Газпром» и финская государственная газовая компания Neste (сейчас Fortum) учредили в Финляндии

компанию North Transgas Oy для изучения проекта Северо-Европейского газопровода. Партнеры рассматривали как сухопутный вариант — через Финляндию и Швецию, так и полностью морской трубопровод — по дну Балтики в Германию. В конце 2000 года проект, существуя еще только на бумаге, получил политическую поддержку Брюсселя. Европейская комиссия присвоила ему статус трансъевропейской сети (TEN). Это предусматривало помимо упрощенных процедур согласования еще и возможность получения (сейчас такое сложно себе представить) финансирования из европейских фондов.

Тем временем к проекту проявили интерес главные партнеры — покупатели газа в Германии — Ruhrgas и BASF. Вместе с North Transgas были проведены исследования технической возможности строительства трансбалтийского газопровода. Такая активность в итоге и подтолкнула тогдашнего президента Украины Леонида Кучму к мысли о создании трехстороннего консорциума по управлению украинской ГТС.

Но жест со стороны Киева не слишком поколебал решимость Москвы всерьез заниматься строительством балтийского трубопровода. Напротив, определенные трудности в переговорах с украинскими партнерами лишь укрепляли ее. В конце ноября 2002 года правление «Газпрома» приняло решение о реализации проекта Северо-Европейского газопровода (СЕГ), что подтолкнуло ход масштабных переговоров с потенциальными западными партнерами. Уже тогда стало понятно, что одна финская компания не потянет новый «проект века», нужны участники из Западной Европы. Они обеспечили бы стройку контрактами на закупку газа, финансированием и поддержкой регуляторов на местах.

Кроме немцев, интенсивные переговоры велись с Великобританией, которая рассматривалась в качестве перспективного конечного рынка для СЕГ. Проект обсуждали Владимир Путин и премьер-министр Тони Блэр. Глава BP лорд Джон Браун регулярно встречался с председателем правления «Газпрома» Алексеем Миллером, чтобы оценить возможность участия британской компании в строительстве трубопровода. Даже самовольное, в обход международного права, вторжение США и их союзников (главным из которых была Великобритания) в Ирак в марте 2003 года не заморозило эти контакты. Обсуждения велись с голландцами, французами и со шведами, которые решали в тот момент, как развивать собственную энергетику и делать ли ставку на импорт газа. Переговоры шли даже с конкурентами на европейском газовом

рынке — норвежцами, представителями второй по величине нефтегазовой компании страны Norsk Hydro. Параллельно продолжалась подготовка к строительству сухопутного участка на территории России.

Однако лишь через три года, 8 сентября 2005-го, удалось выйти на подписание соглашения о реализации проекта. В присутствии президента России Владимира Путина и канцлера Германии Герхарда Шредера «Газпром» подписал с компаниями BASF и электроэнергетической E.ON (успевшей за время переговоров поглотить Ruhrgas) учредительные документы по созданию North European Pipeline Company. Через месяц в Германии прошли парламентские выборы. Партия социал-демократов их проиграла, и Шредер оставил свой пост.

Впервые канцлером Германии стала женщина, лидер ХДС Ангела Меркель. А новому амбициозному газовому проекту требовался мощный лоббист в европейских деловых и политических кругах. Лучшей кандидатуры, чем Шредер, за годы взаимодействия по-настоящему подружившийся с Владимиром Путиным, было не найти. Еще в 2000 году Путин и Шредер, едва познакомившись, провели четыре рабочие встречи за три дня и договорились об углублении экономического сотрудничества. «Что вы хотите от нас услышать, — шутя, спросил российский лидер у журналистов на пресс-конференции. — Что мы влюбились друг в друга?» А канцлер, который принял предложение российского коллеги встретить Рождество вместе с супругой Дорис в Кремле, добавил: «Мы договорились вдохнуть новую жизнь в наши отношения. Это не должно стать негативным для кого бы то ни было — ни для наших европейских партнеров, ни для наших американских друзей. Для Европы хорошо, когда у нас хорошие отношения с Россией» (записано со слов одного из участников пресс-подхода, запись которого, к сожалению, не сохранилась).

Следующие пять лет деловых переговоров и личного общения только усилили первоначальную взаимную симпатию и взаимопонимание, а также подняли российско-германское сотрудничество на новый уровень.

Шредеру пришлось оставить политическую карьеру. Но экс-канцлер решил продолжить миссию по поддержанию и развитию отношений России и Германии. Он возглавил совет акционеров компании-оператора, которая через год была переименована в Nord Stream AG. Сам же проект газопровода по дну Балтийского

моря получил новое официальное название — «Северный поток». К тому времени состав акционеров расширился. Из российско-немецкого он превратился в российско-европейский — BASF и E.ON уступили часть своих акций Gasunie из Нидерландов и французской Gaz de France (сейчас концерн Engie).

Сооружение двух ниток заняло всего 2,5 года (с апреля 2010-го по ноябрь 2012-го) и обошлось в 9 млрд евро. Сама стройка и пуск морского газопровода в эксплуатацию потребовали почти вдвое меньше времени, чем процесс проектирования и процедура получения необходимых согласований. Но дело сделано — Россию и Западную Европу связала прямая экспортная магистраль через (повторимся) самого надежного «транзитера» — Балтийское море.

Новый маршрут прямого снабжения Германии и Северо-Западной Европы получился существенно короче прежнего. Немаловажно, что немецкие партнеры «Газпрома» — BASF и E.ON — получили возможность приобрести доли в проекте разработки Южно-Русского месторождения в Надым-Пур-Тазовском районе ЯНАО в рамках обмена стратегическими активами. (Ту самую «конфетку в ладошке», о которой говорил Владимир Путин.) Однако само месторождение (его запасы до 1 трлн куб. м) могло дать только 25 млрд куб. м газа в год, чего не хватило бы даже для загрузки одной нитки «Северного потока».

Но Единая система газоснабжения «Газпрома» настолько гибка и хорошо интегрирована (это и обеспечивает высочайшую надежность), что способна наполнять газопровод, идущий через Балтику, за счет старых месторождений Надым-Пур-Таза и новых, например Бованенковского, запущенного в эксплуатацию в конце 2012 года, одновременно со второй ниткой Балтийского трубопровода. С той же целью (доставка голубого топлива к берегу Балтики) построена новая система магистральных газопроводов: «Бованенково–Ухта»; «Ухта–Грязовец», «Грязовец–Выборг» с рабочим давлением 100–120 атмосфер. Это практически вдвое больше, чем в украинской транзитной системе.

Протяженность магистрали от Ямала до Германии составляет 4270 км. А до Нидерландов, где расположен самый ликвидный газовый хаб в Европе — ТТФ, — еще около 500 км. Примерно столько же «пробегают» по старой системе уренгойский газ до границы Украины и Словакии — но с более значительными потерями. Еще около 1000 км предстоит преодолеть газовому потоку, чтобы добраться до Германии.

На проектный уровень загрузки — свыше 160 млн куб. м/сут. — «Северный поток» вышел через пять лет, а доля украинского транзита в структуре экспорта российского газа в страны дальнего зарубежья с 2014 года сократилась до 40–45%. Через северные коридоры голубое топливо теперь получают Германия и Чехия. И даже Словакия с Польшей, Австрия и север Балкан могут быть полностью обеспечены через северные направления. В зоне политических и технических рисков украинской ГТС остались только страны Юго-Восточной Европы и европейская часть Турции.

Южно-Европейское газовое кольцо против «Набукко»

История попыток реализации амбициозного проекта «Набукко» отсылает нас к 20 июня 2002 года, когда в Вене пять компаний: турецкая Botas, болгарская Bulgargaz, румынская Transgas и венгерская MOL под предводительством австрийской OMV подписали протокол о намерениях по транспортировке иранского газа в австрийский хаб в Баумгартене. Там еще в середине 1970-х построили специальную измерительную станцию для учета газа из Ирана. Проект многозначительно назвали «Набукко». (*Набукко* — сокращенная итальянская интерпретация имени вавилонского царя Навуходоносора II и название знаменитой оперы Джузеппе Верди). Согласно легенде, именно этот шедевр главы компаний отправились слушать в Венской опере после подписания меморандума.

Целью «Набукко» было строительство магистрального газопровода протяженностью 3300 км в страны ЕС, прежде всего Австрию и Германию.

С самого начала участники проекта столкнулись с большими ресурсными трудностями. Против Ирана как поставщика газа в Европу выступили США, практически заставив этим участников переориентироваться на азербайджанский, туркменский, иракский и даже египетский газ. А дальше (по разным

причинам) из проекта стали выпадать источники. Например, Египет выбрал для себя вариант экспорта трубопроводного газа в Иорданию и Израиль, а также строительство двух СПГ-заводов. Впрочем, уже в начале 2010-х на фоне роста внутреннего потребления и сокращения собственной добычи египтяне стремительно превратились в импортеров газа.

Рассматривать всерьез в качестве источника Ирак не позволила военная нестабильность.

Не помогли по целому ряду причин и трудные переговоры о поставках газа с Туркменией: начиная с территориального спора с Азербайджаном на Каспии и отсутствия общего урегулирования юридического статуса моря и заканчивая подписанными Туркменистаном масштабными контрактами на экспорт 65 млрд куб. м газа в Китай. К 2013 году «в обойме» «Набукко» оставался только азербайджанский газ с глубоководной части месторождения «Шах-Дениз». Но там на пике удавалось добыть всего 10 млрд куб. м газа для Европы и еще 6 млрд куб. м для Турции, в то время как «Набукко», по замыслу учредителей, должен был доставлять в Австрию около 30 млрд куб. м.

В итоге тендер выиграл другой, менее амбициозный и практически не конкурирующий с российским газом вариант — Трансадриатический газопровод (TAP). Он должен поставлять до 8 млрд куб. м газа на юг Италии через Грецию и Албанию. Еще 2 млрд куб. м из европейской квоты месторождения «Шах-Дениз» законтрактованы транзитной Грецией и соседней Болгарией. В результате всех этих осложнений председатель правления OMV Герхард Ройсс в июне 2013 года публично признал: «Проект Nabucco для нас закончился»¹⁴⁴.

Тем не менее долгие годы он считался главным оплотом диверсификации газоснабжения Евросоюза, альтернативой поставкам из России. «Все мы хорошо знаем яркий пример проекта диверсификации источников поставки газа — это „Набукко“. В течение 12 лет эта „опера“ звучала на всех европейских „сценах“ и вот два года тому назад полностью ушла из „репертуара“»¹⁴⁵, — пошутил Алексей Миллер, выступая на форуме в Санкт-Петербурге в 2015 году.

¹⁴⁴ <https://www.rbc.ru/economics/26/06/2013/57040b449a7947fcbd44a8b5>

¹⁴⁵ <http://www.gazprom.ru/press/news/miller-journal/275171/>

Но тогда, в начале 2000-х, Москва не стала игнорировать брошенную перчатку. Запустив в 2003 году «Голубой поток» в Турцию, Россия выиграла конкурентную борьбу за местный рынок у азербайджанского газа. Анкаре в противовес российским поставкам активно предлагали консорциум во главе с британской компанией BP, который на политическом уровне горячо поддерживали союзники по НАТО, прежде всего Соединенные Штаты. В результате же, несмотря на сложности первых лет работы черноморского газопровода и политические трения из-за Сирии, Турция остается вторым по величине импортером российского газа. А Россия занимает более 50% турецкого газового рынка, что существенно превышает потребление российского газа в Евросоюзе.

Впрочем, 15 лет назад уровень развития инфраструктуры и спроса на турецком конце трубопровода существенно отставал. Это создавало не только некоторые проблемы с экономическими показателями проекта, но и открывало ряд возможностей для вариантов транзита «лишнего» газа в третьи страны. А следовательно, продолжения «Голубого потока» по территории Турции и далее.

Так родился проект Южно-Европейского газового кольца, впервые заявленный на высшем уровне 17 ноября 2005 года в турецком городе Самсуне, где «Голубой поток» выходит из Черного моря на турецкий берег. Для презентации проекта даже организовали повторную официальную церемонию пуска «Голубого потока», в которой участвовали президент России Владимир Путин, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, а также премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, с которым у Путина сложились доверительные и дружеские отношения.

«„Голубой поток“ фактически превращает турецкую территорию в энергетический мост между Востоком и Западом, организует другое качество Турции в энергетическом пространстве Европы. Он создает возможности для развития Южно-Европейского газового кольца, которое оптимизирует экспорт в Южную Европу и на Балканы»¹⁴⁶, — сказал тогда президент России.

Участие Берлускони объяснялось не столько личными симпатиями двух лидеров, сколько стратегическими соображениями. Итальянская Eni — паритетный партнер «Голубого потока», а ее инжиниринговая «дочка» Saipem

---

¹⁴⁶ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23276>

проектировала и строила первую морскую экспортную трубу из России. Италия в то время оставалась единственным по-настоящему крупным рынком газа в Юго-Восточной Европе. Сейчас к ней по праву добавилась Турция, где спрос на голубое топливо за последние 10–12 лет удвоился.

Однако через полтора месяца после объявления о проекте «Южного газового кольца» произошел первый транзитный кризис в «оранжевой» Украине. В Москве и Риме осознали, что неиспользованные мощности «Голубого потока» и даже расширение системы не являются решением проблемы украинского транзита. К тому же в конце 2006 года вслед за E.ON, поглотившей Ruhrgas, долгосрочные контракты на импорт российского газа продлила и компания Eni. Требовался большой трубопроводный проект, который бы снял острую зависимость Южной Европы от украинской ГТС и в то же время удовлетворил амбиции партнеров на рынках газа Юго-Восточной Европы.

Летом 2007 года был подписан меморандум о строительстве «Южного потока» из России в Болгарию мощностью 31,5 млрд куб. м газа в год, что почти вдвое больше, чем можно качать через «Голубой поток» в Турцию. Выход из Черного моря в Болгарии, стране ЕС, имел важное преимущество: использование действующей инфраструктуры для доставки газа в Турцию. Но главное — он не предполагал транзитного промежуточного звена между Россией и Евросоюзом.

Кроме того, Анкара предлагала себя не только в качестве транзитера газа, но и рассчитывала получить возможность реэкспортировать часть газа в Европу самостоятельно.

Договоренностей о сооружении новой магистрали через Черное море удалось достичь в тот момент, когда Сильвио Берлускони уже более года находился в своей стране в оппозиции. Правительство Италии тогда возглавлял бывший председатель Еврокомиссии Романо Проди. Однако укрепление энергетической безопасности на Апеннинском полуострове, как и в Германии, оказалось сильнее партийных разногласий. Впрочем, левоцентристская коалиция продержалась у руля в Италии недолго, меньше двух лет. На внеочередных выборах их группировка проиграла правым, лидером которых оставался Берлускони.

В тот период, когда произошел второй, более жестокий, в том числе для итальянских потребителей, транзитный кризис на Украине (январь 2009 года),

Газпром и Eni договорились активизировать создание «Южного потока». А в мае того же года в Сочи прибыл итальянский премьер Берлускони для встречи с российским коллегой — председателем правительства Владимиром Путиным. В официальную программу рабочего визита вошло подписание дополнения к меморандуму между «Газпромом» и Eni. Документ предусматривал увеличение количества ниток «Южного потока» с двух до четырех и рост пропускной способности системы до 63 млрд куб. м в год.

Обновленный «размер» трубопровода в совокупности с «Северным потоком», «Ямал–Европой» и «Голубым потоком» практически полностью покрывал контрактные обязательства по поставкам российского газа в Европу и Турцию. Позднее к проекту присоединились французская компания EdF и немецкая Wintershall, выкупившие у Eni по 15% в компании-операторе South Stream Transport.

Сначала «Газпром» изучал два направления продвижения: на северо-запад — через Болгарию в Сербию, затем в Венгрию — с конечной точкой в австрийском хабе Баумгартен. А также на юго-восток — по действующей системе из Болгарии в Грецию и далее через Адриатическое море — на юг Италии. Решение удвоить мощность «Южного потока» превратило возможные маршруты распределения российского газа через Балканы из альтернативных в дополняющие друг друга.

Страны Европы, по чьим сухопутным территориям проходил газопровод, решили создавать (на основе межправительственных соглашений) паритетные совместные предприятия национальных газовых компаний с «Газпромом». Поскольку международные договоры превалировали над национальными законодательствами, это страховало инвестиции в новую трубопроводную систему. Первый межправительственный договор был подписан с Болгарией в начале 2008 года, последний — с Австрией — весной 2010 года.

Однако попытка Вены «посидеть на двух стульях» не удалась. Чиновники Европейской комиссии настоятельно рекомендовали австрийской компании OMV сосредоточиться на «Набукко». А для верности заблокировали сделку по вхождению «Газпрома» в состав акционеров расположенного в Баумгартене Центрально-Европейского газового хаба (CEGH). После чего австрийское направление трассы было заморожено, а основной маршрут переориентирован на Словению (с точкой передачи газа Eni в итальянском городке Тарвизио).

Для Вены это означало угрозу потерять статус основного газораспределительного хаба в регионе, через который проходило до 40 млрд куб. м в год, по большей части в Италию. Австрийцы и сами понимали, что «Набукко» после утраты Ирана как поставщика выступает сапожником без сапог и может служить только полумертвым символом европейской диверсификации. Еще в 2008 году они предлагали «Газпрому» присоединиться к «Набукко» и обеспечить его голубым топливом. Впрочем, такой вариант не выглядел проходным ни для «Газпрома», продвигавшего «Южный поток», ни для Европейской комиссии, которая рассматривала «Южный газовый коридор» — набор инфраструктуры, включая проект «Набукко», для поставок газа в Юго-Восточную Европу в обход России — в числе главных приоритетов своей энергетической политики.

Поддержкой фаворита эта политика не ограничивалась: огромные усилия направлялись на то, чтобы утопить конкурента — «Южный поток». И тут координирующую роль на себя взял Вашингтон. Еще в 2008 году, при Джордже Буше-младшем, в Госдепартаменте учредили должность специального представителя по энергетической политике в Евразии. Назначенный первым на этот пост бывший посол США в ЕС Бойден Грей толком не успел себя проявить. Зато его сменщик при госсекретаре Хиллари Клинтон Ричард Морнингстар стал одним из главных агитаторов стран Юго-Восточной Европы за «Южный газовый коридор» против «Южного потока». «Посол Морнингстар и его команда поддержат реализацию энергетических целей Соединенных Штатов в Евразийском регионе. Он будет работать над основными энергетическими проблемами, связанными с Европой, Россией, Украиной, Турцией, Центральной Азией и Кавказом»¹⁴⁷, — сказано в пресс-релизе Госдепа по поводу нового назначения.

Первые пару лет в должности Ричард Морнингстар очень дипломатично высказывался по поводу «Южного потока», говоря, что он не конкурент «Набукко» и вполне может его дополнять¹⁴⁸. В тот период Владимир Путин не стал переизбираться на третий срок, а в повестке нового президента США Барака Обамы стояла перезагрузка отношений с Россией. Поэтому на публике американские дипломаты вели себя сдержанно, даже несмотря на транзитный кризис на Украине и создание Форума стран — экспортеров газа. Однако в задачу спецпредставителя входило не только на словах поддерживать «Набукко», но и организовать конкретную реализацию хотя бы какой-нибудь модификации «Южного газового коридора».

¹⁴⁷ <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/04/121930.htm>

¹⁴⁸ <https://www.trend.az/business/energy/1518738.html>

Изучая варианты, Морнингстар понял одну простую вещь. При всем обилии газовых ресурсов на Каспии, Ближнем Востоке и израильском шельфе, где в 2009–2010 годах американская Noble Energy открыла приличные для бедной энергоресурсами страны месторождения, только газ с азербайджанского «Шах-Дениз-2» представлялся реальным источником загрузки системы «Южного газового коридора».

Тогда стало окончательно ясно, что большой интегрированный проект (от восточных границ Турции до Австрии) реализовать, мягко говоря, проблематично. В конце 2011 года в Стамбуле объявили, что Азербайджан и Турция сами построят трубопровод до границы с ЕС. Проект получил название «Трансанатолийский газопровод» (TANAP). Причем усилиями США удалось создать уникальную ситуацию: 80% в проекте досталось Азербайджану в лице госкомпании ГНКАР и лишь 20% должно было отойти Турции. Впоследствии ситуация немного видоизменилась — доля ГНКАР снизилась до 58%, а доля турецкой BOTAS выросла до 30%. Еще 12% выкупила BP, являющаяся оператором проекта «Шах-Дениз-2». После чего Ричарда Морнингстара командировали послом США в Баку, а его прежняя должность спецпредставителя по делам Евразии оставалась вакантной до момента написания этих строк.

С появлением TANAP «Набукко» потерял смысл и был срочно реформирован в «Набукко-Запад» — от турецко-болгарской границы до Баумгартена. Но Азербайджан предпочел Трансадриатический газопровод — в направлении юга Италии.

Австрийцам, чтобы не остаться совсем не у дел, пришлось срочно возвращаться в «Южный поток». Уже после воссоединения Крыма с Россией и в самый разгар противостояния на Донбассе, в ходе визита российского президента Владимира Путина в Вену главы «Газпрома» и OMV подписали соглашение акционеров компании South Stream Austria. Северную нитку «Южного потока» вновь предстояло перенаправить в Баумгартен.

К середине 2014 года проект находился на очень продвинутой стадии. Сухопутный участок в России уже достраивали, включая компрессорную станцию «Русская», стартовали работы в Сербии и Болгарии (наземный участок). Все было готово для начала укладки первой морской нитки «Южного потока»: трубы закуплены и складированы в болгарском порту, получено разрешение от Турции на сооружение в ее экономической зоне, а судно-трубоукладчик итальянской

компании Saipem стояло в порту Анапы в ожидании команды. Процесс тормозило отсутствие разрешения от правительства Болгарии на строительство в ее территориальных водах и на выход трубопровода из моря на сушу.

Софию как ключевого участника проекта, первую страну на территории Евросоюза, Брюссель и Вашингтон изначально избрали в качестве объекта политического давления, которое нарастало не по дням, а по часам. Нужно отметить, что этому способствовала крайняя нестабильность политической системы страны.

Еще в 2009 году на парламентских выборах в Болгарии победило проевропейское движение ГЕРБ Бойко Борисова, который получил право формировать новое правительство. Болгары больше всех европейцев пострадали от транзитного кризиса и, казалось, должны были бы руками и ногами цепляться за «Южный поток». Он не только принес бы стране огромные дивиденды от транзита, но и исключил в будущем возможность сбоя поставок, аналогичного украинскому. Тем не менее Борисов заявил, что будет пересматривать все ранее достигнутые соглашения с Россией в энергетической сфере. Такой политико-бюрократический саботаж со стороны Болгарии, которая, конечно, испытывала сильное давление извне, стал одной из ключевых причин, почему подготовка к реализации проекта заняла пять лет.

В конце 2012 года правительство Борисова резко увеличило для населения цены на газ и электроэнергию, чем спровоцировало волну протестов. Ему пришлось уйти в отставку. По итогам внеочередных выборов ГЕРБ все же набрало большинство голосов. Однако коалицию для формирования нового правительства удалось создать уже социалистам. Пост премьера получил Пламен Орешарски, для чего ему пришлось вступить в союз с «Движением за права и свободы» (ДПС), партией этнических турок. Это противоестественное правительство просуществовало лишь 422 дня и развалилось из-за выхода из коалиции ДПС.

Европейская комиссия обратилась к правительству Болгарии с предложением заморозить строительство «Южного потока» якобы из-за его несоответствия нормам европейского законодательства. Сначала Брюссель требовал этого на основе Третьего энергетического пакета. В пакете содержался запрет компаниям, добывающим и торгующим газом на рынке, владеть и управлять газотранспортной инфраструктурой без специального разрешения

Еврокомиссии. Однако такие нормы антимонопольного законодательства, принятые в ЕС в 2009 году, вступили в законную силу лишь в марте 2011 года. К тому времени межправительственное соглашение России и Болгарии о строительстве трубопровода давно уже было подписано и ратифицировано. Претензии Брюсселя явно выходили за рамки правовых норм. Затем ЕК выразила недовольство итогами тендера на выбор подрядчика строительства болгарского участка «Южного потока», который выиграли структуры бизнесмена Геннадия Тимченко, включенного в черный список США.

В конце июня 2014 года в Софию пожаловал представительный десант американских сенаторов — Джон Маккейн, Рон Джонсон и Кристофер Мерфи. После встречи с ними Пламен Орешарски неожиданно заявил о заморозке проекта. Затем в правительстве опровергли заявление премьера и уточнили, что об остановке строительства речи не идет. В то время реализация продолжалась в штатном режиме, но разрешение на строительство морского участка так и не было выдано.

Далее (напомним) последовал выход протурецкой партии из коалиции, отставка правительства и так называемый «технический» премьер до новых выборов. Они состоялись в октябре, но победивший на выборах Бойко Борисов тут же заявил, что Болгария выдаст разрешение только с санкции Еврокомиссии, то есть никогда. Считается, что и Орешарски, и Борисову прозрачно намекали, что выдача разрешения на «Южный поток» приведет к ограничению или прекращению финансирования Болгарии из фондов ЕС. Бюджет Евросоюза на 2014–2020 годы предполагал выделение Софии различных субсидий на сумму до 15 млрд евро.

Совпадение это или нет, но развал коалиции социалистов с партией турецкого меньшинства (ДПС) в итоге привел к тому, что Москва, устав ждать, отменила «Южный поток»¹⁴⁹. «С учетом позиции Еврокомиссии, которая не способствует реализации этого проекта, с учетом того, что мы до сих пор не получили разрешения от Болгарии, считаем, что Россия не может продолжать реализацию данного проекта. Мы не можем начать строительство в море до тех пор, пока у нас

---

¹⁴⁹ Президент Болгарии Румен Радев 30 мая 2018 года извинился за срыв «Южного потока»: «Благодарен, что Россия не держит зла. Старший всегда прощает». Владимир Путин уточнил на встрече с президентом Болгарии, что общие потери «Газпрома» из-за отказа от газопровода из России в Болгарию составили около 800 млн евро.

нет разрешения от Болгарии, а начать стройку в море, подойти к болгарскому берегу и остановиться — просто нелепо. Думаю, что это понятно всем. Поэтому мы вынуждены пересмотреть свое участие в этом проекте»¹⁵⁰, — сказал российский президент в ходе визита в Турцию в декабре 2014 года. А «Газпром» с турецкой BOTAS подписал меморандум о строительстве аналога «Южного потока» до берегов Турции и организации на границе Греции нового газового хаба для Юго-Восточной Европы.

Потеря проекта для Болгарии в перспективе означала не только лишение будущих транзитных платежей (порядка 3 млрд долларов), но и прекращение имеющегося транзита российского газа в Турцию и Грецию, который приносит Bulgartransgaz около 90 млн евро в год. Бойко Борисов тут же поехал в Брюссель и оттуда пообещал выдать Москве все необходимые разрешения для строительства «Южного потока». Но пообещал он это сделать только для того, чтобы избежать штрафов со стороны «Газпрома» за невыполнение обязательств, подписанных Болгарией, в рамках межправительственного соглашения и других юридически обязывающих документов по проекту.

В 2015 году болгарский премьер на конференции в Софии, организованной Торговой палатой США, чуть ли не прямым текстом указал на тех, кто запретил выдачу необходимых разрешений для первой нитки «Южного потока» осенью 2014 года, когда все было готово к началу строительства: «Я говорю с вами открыто, потому что мы партнеры и друзья — не только когда сидим за одним столом, но и когда возникают проблемы. Если вы знаете что-то важное, скажите мне. Мы едины. Мы друзья. Мы останавливаем российские самолеты, мы также остановили три больших российских проекта»¹⁵¹. Если мы не ваш партнер, так кого же тогда вы называете своим партнером?»¹⁵²

¹⁵⁰ <http://kremlin.ru/events/president/news/47126>

¹⁵¹ Остановленные проекты: АЭС в Белене, нефтепровод «Бургас–Александрополис» и газопровод «Южный поток».

¹⁵² <http://www.novinite.com/articles/171287/Westinghouse+Should+Return+to+Bulgaria,+but+Under+New+Conditions'++PM>

Политическое «убийство» Берлускони

София оказалась неспособна или не пожелала противостоять внешнему нажиму, направленному против собственных интересов. Но и другие европейские участники проекта, особенно представители старой Европы — Австрия и Италия, не смогли воздействовать на Брюссель в вопросах строительства газопроводов. Причиной тому в Италии послужила в немалой степени нестабильность местной политической системы, которая преследовала эту страну с 2010 года. Именно тогда на Апеннинском полуострове началась самая мощная кампания по дискредитации главного итальянского политика 2000-х, медиамагната и на тот момент председателя правительства Сильвио Берлускони. Есть все основания утверждать, что попытка выдать с итальянского олимпа политического тяжеловеса, который в нулевые годы находился у власти восемь лет из десяти, была хорошо спланирована и успешно реализована.

В 2008 году его обвинили в расизме по отношению к недавно избранному президенту США Бараку Обаме, основываясь на словах, сказанных Дмитрию Медведеву (в то время президенту России): «Я постараюсь использовать весь мой опыт и мои возможности, чтобы отношения между США и Россией развивались как можно лучше. Тот факт, что лидеры двух стран принадлежат к новому поколению, вне всякого сомнения, является хорошим отправным пунктом. И потом, Обама — молодой, красивый и загорелый, и поэтому я думаю, что есть возможности для развития хорошего сотрудничества»¹⁵³. В Вашингтоне не стали требовать извинений, хотя в прессе и от политической оппозиции внутри Италии Берлускони досталось.

Однако по мере ухудшения отношений с Россией США сделали вывод, что пребывание во главе итальянского правительства «друга Сильвио», как его называет Владимир Путин, крайне нежелательно. Как следует из переписки американских дипломатов в Риме с Госдепом от 2009 года, раскрытой годом позже в материалах WikiLeaks, их итальянские контактеры назвали необычайно близкими отношения между Владимиром Путиным и Сильвио Берлускони. Отношения были скреплены «щедрыми подарками», «выгодными энергетическими

¹⁵³ <https://www.inopressa.ru/article/07nov2008/lastampa/sunburn.html>

контрактами» (в том числе «Южным потоком») и «теневым» посредничеством русскоязычных итальянцев. Они писали, что господин Берлускони «все чаще становится рупором Путина» в Европе¹⁵⁴.

Это можно было бы принять за обычные дипломатические интриги, если бы в 2010 году в прессе вдруг не появилась серия материалов, где Берлускони обвинялся в коррупционных сделках с Путиным и в связях с итальянской мафией. При этом никаких реальных доказательств коррупционных сделок не приводилось. Часть материалов на Берлускони была подготовлена на основе доклада «Евразийская энергетическая безопасность», сделанного ассоциированным директором Центра исследований вопросов международной безопасности Йельского университета Джеффри Манкоффом по поручению главы Госдепа Хиллари Клинтон.

«Хиллари Клинтон убеждена, что „на кону стоят стратегические и жизненно важные интересы Соединенных Штатов, безопасность Западной Европы“. Вашингтон предупреждает об опасности: такой исторический союзник по НАТО, как Италия, видимо, встал на опасный курс»¹⁵⁵, — говорилось в статье газеты *La Repubblica*, посвященной докладу Манкоффа. Голословные обвинения, как это с некоторых пор водится в демократическом мире, основывались на сведениях о том, что доверенное лицо Берлускони Валентино Валентини выучил русский и регулярно ездит в Москву без сопровождения, и на дружбе Берлускони с Путиным, что вообще являлось секретом Полишинеля.

А дальше у Берлускони начались проблемы по всем фронтам. Тяжелый финансово-экономический кризис в Италии усугублялся действиями партнеров по Евросоюзу. Многочисленные расследования по обвинениям в коррупции, уклонении от уплаты налогов, подкупе политических оппонентов, организации оргий и сексуальных связях с несовершеннолетними следовали одно за другим. Не помогло даже беспрекословное следование Италии дисциплине НАТО, когда американцы решили свалить лидера Ливийской Джамахирии Муаммара Каддафи. США (пристегнув Италию в качестве союзника) не только поддержали антиправительственные выступления в африканской стране, но и способствовали прямой военной интервенции в 2011 году.

---

¹⁵⁴ <http://www.nytimes.com/2010/11/29/world/29cables.html?pagewanted=2>

¹⁵⁵ <https://www.inopressa.ru/article/09Dec2010/repubblica/energ.html>

«Полковник Муаммар Каддафи поклялся отомстить мне за участие Италии в военной операции в Ливии», — признавал Берлускони¹⁵⁶. Он отметил, что не смог противостоять давлению со стороны США и парламента Италии, поддержавшего участие страны в операциях альянса. Но и уходить в отставку из-за несогласия с такой политикой премьер не собирался, хотя еще в 2008 году подписал с полковником договор о «вечной дружбе» между Италией и Ливией.

Подчинение заокеанским партнерам в ливийской истории не помогло. К сентябрю 2011 года Берлускони из-за усиливающегося долгового кризиса (а задолженность Италии перед международными кредиторами превышала 2 трлн долларов) пришлось вводить экстренные меры экономии. Это, естественно, вызвало протесты населения страны. Поддержка со стороны ЕС могла легко потушить «пожар», но «европожарные» занимались прямо противоположным делом — подливали масла в огонь, чтобы свалить правительство Берлускони.

На саммите Евросоюза 23 октября 2011 года Ангела Меркель и Николя Саркози возложили на Берлускони ответственность за кризис еврозоны. Они публично унизили итальянского премьера на пресс-конференции, высмеяв его неспособность держать обещания, провести нужные реформы и сократить расходы¹⁵⁷. Впоследствии выяснилось, что Меркель в те дни в конфиденциальных телефонных разговорах с президентом Италии Джорджо Наполитано обсуждала возможность смещения Берлускони. Сам же Наполитано уже пообещал место премьера Марио Монти, который, как заверили Европу, выполнит все взятые Италией обязательства¹⁵⁸.

По словам тогдашнего министра финансов США Тимоти Гайтнера, на саммите G20 3–4 ноября 2011 года в Каннах при участии президента Франции Николя Саркози и канцлера Германии Ангелы Меркель развернулась целая международная интрига, целью которой было свержение правительства Берлускони. Предполагалось при участии США уговорить синьора Сильвио взять превентивный кредит МВФ размером в 75–80 млрд евро (капля в море на фоне упомянутых 2 трлн евро итальянского долга). Однако итальянский премьер наотрез отказался, понимая,

¹⁵⁶ https://www.corriere.it/political/11_luglio_30/verderami_gheddafo_berlusconi_d9d7012aba72-11e0-9ed5-57850404ec1a.shtml

¹⁵⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=D8NtEXnc4jY>

¹⁵⁸ <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/merkel-under-fire-over-phone-bid-to-oust-berlusconi-6283345.html>

что, приняв помощь МВФ, он лишится остатков доверия в Италии, а само государство фактически утратит суверенитет и попадет в зависимость от международных кредиторов, которые далее станут навязывать любые условия, включая «шоковую терапию». Поддержал своего премьера и сопровождавший его министр финансов Дж. Тромonti: «Я знаю более красивые способы покончить с собой, чем попросить о помощи МВФ». Вместо этого «строптивный премьер» заверил, что Италия согласна с планами Европейской комиссии о проведении реформ, нацеленных на экономию, дал согласие, чтобы делегация МВФ каждые три месяца контролировала в Риме ход проводимых реформ. Это было последнее крупное решение Берлускони в качестве премьер-министра Италии¹⁵⁹.

Дальнейшее было делом техники. Многочисленные судебные процессы целенаправленно работали на то, чтобы исключить возвращение 75-летнего политика во власть. В 2016 году из очередных документов, опубликованных WikiLeaks, стало известно, что как минимум в 2010–2011 годах Агентство национальной безопасности (АНБ) США шпионило за Берлускони и перехватило около 200 секретных дипломатических сообщений о переговорах итальянского премьера с израильским коллегой¹⁶⁰. Нельзя исключать, что американские спецслужбы присматривали и за другими аспектами деятельности Сильвио Берлускони. Добытая ими информация стала достоянием общественности или была передана правоохранительным органам Италии для проведения расследований и судебных тяжб.

Осенью 2012 года по одному из таких дел Берлускони приговорили к четырем годам лишения свободы, хотя позже по амнистии наказание сократили до года домашнего ареста или общественных работ. Но главное — суд запретил ему занимать государственные должности в течение двух лет и до 2018 года баллотироваться на выборах. 29 сентября 2018 года самому политически живучему лидеру Италии исполнилось 82 года, а его возвращения в политику все еще боятся. Берлускони принадлежит рекорд и по общей продолжительности пребывания во главе совета министров, и по непрерывному стажу. В начале 2000-х его правительство продержалось невообразимые по нынешним временам в Италии четыре года.

Сам Берлускони обвинял лидеров других стран ЕС в плетении интриг с целью его смещения с поста премьера, дипломатично обходя роль Соединенных Штатов.

---

¹⁵⁹ Фридман Алан. Берлускони. История человека, на двадцать лет завладевшего Италией. — М.: АСТ: CORPUS, 2016. — С. 352

¹⁶⁰ <http://edition.cnn.com/2016/02/23/world/italy-nsa-wikileaks/index.html>

Даже для такого крупного и политически самостоятельного «последнего из моги-кан», как его называл Владимир Путин, Америка оставалась непререкаемым авторитетом — как жена Цезаря, которая всегда вне подозрений. Надо сказать, что такая позиция вообще характерна для европейской политической элиты периода, наступившего после окончания «холодной войны». Даже канцлер Германии или президент Франции после обнаружения фактов тотальной слежки и прослушки со стороны американского АНБ или национальных спецслужб, действовавших в интересах США, делали вид, что ничего экстраординарного не произошло.

В случае с Сильвио Берлускони преследование закончилось фарсом. Во время предвыборной гонки «Трамп — Клинтон» американские газеты наперегонки стали упражняться в нелестных сравнениях республиканца с бывшим итальянским премьером. The Washington Post, в частности, вышла с заголовком «Дональд Трамп — это американский Сильвио Берлускони. Наш смех над шутком не мешает ему влиять на политику»¹⁶¹. Остервенение, с которым американский истеблишмент боролся с американским же «Берлускони», не оставляет особых сомнений в том, что для бывшего госсекретаря Хиллари Клинтон итальянский премьер был в свое время такой же занозой, какой стал потом Трамп.

Эволюция Эрдогана. Как «Турецкий поток» возродил «Северный поток — 2»

В 2005 году 51-летний премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган вместе с Владимиром Путиным и Сильвио Берлускони стоял у истоков идеи Южно-Европейского газового кольца. Всего лишь двумя с половиной годами раньше он получил в суде право занять пост председателя правительства, хотя его «Партия справедливости и развития» (ПСР) выиграла парламентские выборы

¹⁶¹ https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/09/21/donald-trump-is-americas-silvio-berlusconi/?utm_term=.ccb86887d40

еще в 2002 году. Но изначально политик не мог баллотироваться в Великое национальное собрание Турции из-за приговора суда 1999 года. Тогда ему присудили десять месяцев лишения свободы за разжигание религиозной вражды и призывы к насилию. Помимо четырех месяцев, проведенных в заключении, Эрдоган был вынужден уйти с поста мэра Стамбула и не имел права принимать участие в ближайших парламентских выборах. После безоговорочной победы ПСР запрет отменили. А в провинции Сирт назначили перевыборы, позволившие лидеру партии избраться в парламент и возглавить правительство.

Декларацию о намерениях продлить «Голубой поток» до Италии турецкие политики, впрочем, довольно быстро отложили в сторону. Во-первых, в Турции с энтузиазмом судили бывшего премьер-министра Месута Йелмаза и министра энергетики в его правительстве Кюмюра Эрсумера, при которых были подписаны соглашения по «Голубому потоку». Их дела рассматривались в Верховном суде с середины 2004 года. Правда, Йелмаз обвинения по газовым вопросам избежал. В 2007 году судьи постановили, что министр Эрсумер «заключил договоры по энергетике и природному газу против интересов Турции, злоупотребил служебными полномочиями¹⁶²». Очень похоже на то, как несколько лет спустя на Украине судили Юлию Тимошенко. Однако турецкий суд (в отличие от украинского) назначил бывшему министру только год и восемь месяцев условного заключения. Во-вторых, в самой Турции, как уже отмечалось, начал расти спрос на газ, и требовалось строить новый газопровод и для себя, и для стран ЕС. В таких условиях маршрут на Болгарию выглядел более эффективным как с точки зрения логистики потоков и использования действующей инфраструктуры, так и с точки зрения минимизации транзитных рисков.

Но восемь лет спустя, когда Владимир Путин вынужденно отказался от «Южного потока» из-за политической слабости Софии, возвращение к проекту газопровода через Турцию с «сильным» Эрдоганом, избранным президентом после одиннадцати с половиной лет во главе правительства, стало очевидным решением проблемы. Даже несмотря на то, что турецкий лидер в категоричной форме не признал вхождение Крыма в состав России.

---

¹⁶² <http://www.haber7.com/guncel/haber/258841-ersumer-ve-cakan-davasinda-karar>

Тогда, в конце 2014 года, Анкара вполне оценила подарок, свалившийся на нее буквально с неба. Давняя идея о превращении Турции в энергетический хаб на пути углеводородов в Европу, которая до этого воплощалась ни шатко ни валко (поставки из Азербайджана в Европу по «Южному газовому коридору» должны были выйти на 10 млрд куб. м в год после 2020 года), вдруг заиграла новыми красками. Турция получала бестранзитный маршрут поставки газа из России, не прилагая особых усилий со своей стороны. К этому добавлялась возможность значительно упрочить собственную роль транзитера, доставляя к границам Балкан около 50 млрд куб. м российского газа. И все это в полном объеме уже к концу текущего десятилетия. Для пущего символизма Эрдоган предложил Путину так и назвать новый проект — «Турецкий поток». И российский президент согласился.

Однако нельзя было сбрасывать со счетов и сопутствовавшие риски. Во-первых, фактор зависимости от Турции, способной использовать его для получения дополнительных выгод как от России, так и от Европы. Но это, в конечном счете, цена любого сотрудничества, и зависимость здесь складывалась обоюдная, учитывая 50–60%-ную долю российского газа в турецком балансе. Во-вторых, долгосрочные контракты с австрийскими и итальянскими компаниями предполагали, что «Газпром» будет доставлять голубое топливо до австрийского Баумгартена, а речь шла примерно о 30–35 млрд куб. м в год.

А вот кого перспектива получить Турцию в качестве мегатранзитера газа напугала всерьез, так это европейцев. Эрдоган уже не воспринимался в качестве проевропейского лидера-реформатора, стремящегося вступить в ЕС на условиях Брюсселя, как это было в середине 2000-х (напомним, что в первый премьерский срок он инициировал программу либерализации газового рынка страны по европейским лекалам). В его изменившихся внешнеполитических установках уже не просто просматривались идеи пантюркизма¹⁶³, но звучала вполне явная ностальгия по временам Османской империи, распавшейся после Первой мировой войны.

Интервенция Запада в Ираке и развязывание гражданских войн в Сирии и Йемене резко увеличили поток нелегальных мигрантов через Турцию в Европу. Это дало Эрдогану мощный козырь для давления на Брюссель и другие

---

¹⁶³ Пантюркизм — идеология национально-шовинистического толка, провозглашающая принадлежность к одной нации всех тюркоязычных народов. Ставится задача объединения всех тюрков в одном государстве под главенством Турции.

европейские столицы: с особым цинизмом он угрожал отворить границы и пустить поток беженцев в Евросоюз.

«Мы можем открыть двери в Грецию и Болгарию в любой момент, можем посадить беженцев в автобусы... И как вы будете с ними справляться, если не заключите сделку [со мной]? Убивать беженцев?» — заявил президент Турции председателю Совета ЕС Дональду Туску и главе Еврокомиссии Жан-Клоду Юнкеру (предположительно на закрытой встрече в кулуарах саммита G20 в Анталье в ноябре 2015 года)¹⁶⁴.

На внутренней арене лидер ПСР активно боролся за влияние, прежде всего на армию, которая в истории современной Турции была и остается одним из главных гарантов сохранения светской республики в качестве основы устройства страны. Но ПСР также оказывала давление и на судебные инстанции, и на оппозиционную прессу. Логическим завершением этих действий стало избрание Эрдогана на пост президента и появившиеся тут же заявления о намерениях провести конституционную реформу с целью перехода от парламентской республики к президентской. Одновременно речь шла о расширении полномочий главы государства по контролю над правоохранительными органами и влиянию на судебную систему. Референдум по этим поправкам состоялся в 2017 году, после провала попытки военного переворота, направленного против Эрдогана, и завершился успешно для действующего президента.

Уже в конце зимы 2015 года ключевые европейские партнеры «Газпрома» стали возвращаться к идее расширения «Северного потока» для доставки газа в австрийский Баумгартен не через Турцию, а через Германию. Предложения поступили не только от бизнеса, но и от политиков в ходе консультаций с представителями правительств стран ЕС, и даже от Еврокомиссии. В середине 2015 года на Петербургском международном экономическом форуме руководители четырех европейских энергокомпаний — немецкой E.ON, французской Engie, англо-голландской Shell и австрийской OMV — подписали с главой «Газпрома» меморандум о развитии инфраструктуры по поставкам голубого топлива в Европу. Через месяц аналогичный документ был оформлен с BASF, а в начале сентября авторы меморандума заключили соглашение акционеров по проекту «Северный поток — 2».

¹⁶⁴ <https://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-eu-turkey/turkeys-erdogan-threatened-to-flood-europe-with-migrants-greek-website-idUSKCN0VH1RO>

Партнеры договорились построить две нитки газопровода по дну Балтийского моря общей пропускной способностью до 60 млрд куб. м газа в год. Инфраструктуру в Европе для транспортировки до пунктов сдачи топлива планировалось осуществить на основе правил Третьего энергетического пакета, как и требует ЕК. При наличии спроса со стороны рынка операторы газотранспортных сетей в Европе обязаны заключить с потенциальным клиентом долгосрочный контракт на транспортировку и построить новые трубопроводы для выполнения сделок. Запуск «Северного потока — 2» при наличии у «Газпрома» долгосрочных контрактов на поставку покупателям в Австрии, Италии, Венгрии, Словении и Хорватии означает, что уже есть спрос на новые транспортные мощности между немецким берегом Балтики и хабом в Австрии.

Возрождение «Северного потока — 2»¹⁶⁵ автоматически ударило по масштабам «Турецкого потока», который отныне предстояло сократить до одной-двух ниток для Турции и ее европейских соседей, и, соответственно, по транзитным амбициям Анкары. Правда, надо учесть, что подписание межправительственного соглашения затянула турецкая сторона, требуя от Москвы дополнительных уступок по цене газа.

К тому же в июне 2015 года в Турции состоялись парламентские выборы. На них ПСР, уже без Эрдогана, покинувшего пост лидера партии после избрания президентом, не смогла получить большинство, необходимое для единоличного формирования правительства. В итоге договориться о коалиции депутатам не удалось. Поэтому на осень были назначены внеочередные парламентские выборы, что и стало формальной причиной отложить подписание соглашения по «Турецкому потоку».

Одновременно обострились отношения Анкары и Москвы вокруг ситуации в Сирии, куда были командированы для борьбы с террористическими группами российские ВКС. Эрдоган вместе с партнерами по НАТО оказался по разные стороны баррикад с Путиным.

Апофеозом обострения стала атака турецким летчиком российского Су-24 в небе над Сирией в ходе авиаударов ВКС по позициям антиправительственных

---

¹⁶⁵ Менеджмент компании — оператора первого проекта Nord Stream AG еще в 2011 году по поручению акционеров провел оценку возможности расширения проекта на одну-две нитки и дал положительное заключение, но канцлер Германии Ангела Меркель не поддержала эту идею.

сил на севере страны¹⁶⁶. Гибель самолета и пилота, которого расстреляли с земли протурецкие боевики под камеры западных информагентств, привела к остановке российско-турецкого сотрудничества во всех сферах. Был заморожен «Турецкий поток», отменены безвизовый режим для граждан Турции и российские туристические чартеры на турецкие курорты. Вводилось эмбарго на ввоз в Россию сельскохозяйственной продукции. «Сегодняшняя потеря связана с ударом, который нам нанесли в спину пособники терроризма. По-другому я не могу квалифицировать то, что случилось»¹⁶⁷, — сказал тогда российский лидер.

В то же время Россия не стала ограничивать поставки газа в Турцию, лишь раз опровергнув обвинения западных медиа и некоторых политиков, что Москва использует экспорт углеводородов в качестве энергетического оружия.

В истории со сбитым самолетом до сих пор остается много неясного. Турецкие власти, хотя и высказывали публичное недовольство бомбардировками близких им сил на территории Сирии, вряд ли всерьез рассчитывали на отказ Москвы от этих воздушных ударов из-за потери бомбардировщика. Напротив, в ответ на эти действия Россия перебросила на сирийскую базу новейшую систему ПВО С-400, накрыв тем самым и существенную часть воздушного пространства Турции. Некоторые эксперты придерживаются мнения, что Кремль пытались спровоцировать на нечто большее: возможно, на военный ответ стране НАТО. В пользу этой версии говорит то, что сразу после инцидента турецкое руководство вместо поиска диалога с Россией, как отметил Владимир Путин, сразу «обратилось к своим партнерам по НАТО для обсуждения этого вопроса»¹⁶⁸.

В июле 2016 года произошла попытка военного путча с целью свержения Эрдогана. Интересно, что исходной точкой выступления стала военная авиабаза Инджирлик, которую используют ВВС двух стран: Турции и США, и с которой по странному стечению обстоятельств взлетал истребитель F-16, сбивший российский бомбардировщик. По некоторым данным, президента Турции

---

¹⁶⁶ 24 ноября 2015 года российский Су-24 в Сирии при заходе на посадку был сбит ракетой, выпущенной турецким истребителем F-16. Экипажу удалось катапультироваться. Командир самолета Олег Пешков был убит огнем с земли, штурман Константин Мурахтин смог благополучно приземлиться. Позже его подобрал российский спецназ и доставил на базу.

¹⁶⁷ <http://tass.ru/politika/2467007>

¹⁶⁸ <https://kremlin.ru/events/president/news/50775>

предупредило о готовящемся перевороте руководство России — в ответ на письмо с извинениями за сбитый самолет, которое Эрдоган направил Путину в конце июня 2016 года в качестве приглашения к примирению. Своевременное российское предупреждение могло либо спровоцировать заговорщиков на фальстарт (не до конца подготовленное выступление, окончившееся провалом), либо помогло турецкому президенту устроить противникам ловушку.

После подавления путча отношения между Турцией и США радикально ухудшились, а между Москвой и Анкарой, наоборот, встали на путь оздоровления.

Эрдоган лично не обвинял Вашингтон в организации попытки переворота, но утверждал, что указания заговорщики получали из Соединенных Штатов. По официальной версии турецких властей, выступление против президента задумал и скоординировал проживающий в США проповедник-политэмигрант Фетхуллах Гюлен. Турецкий президент потребовал у Барака Обамы выдачи Гюлена, увязав с его экстрадицией сохранение стратегического партнерства с Вашингтоном.

Резкое охлаждение отношений с США нарастало параллельно возвращению к сотрудничеству с Россией. 10 октября 2016 года в ходе ответного визита Владимира Путина в Турцию министры энергетики двух стран в присутствии президентов подписали межправительственное соглашение по строительству двух ниток «Турецкого потока». Еще через полтора месяца парламент Турции ратифицировал его, установив, вероятно, национальный рекорд по скорости прохождения подобной процедуры. Даже российская Госдума завершила ратификационные мероприятия лишь в феврале 2017 года.

И снова не обошлось без трагической провокации: турецкий радикал застрелил в Анкаре посла РФ в Турции Андрея Карлова¹⁶⁹. Однако остановить нормализацию отношений организаторам теракта не удалось. Созданная еще для сооружения подводного участка «Южного потока» компания South Stream Transport, на 100% принадлежащая «Газпрому» (европейские партнеры продали

¹⁶⁹ Убийство посла России в Турции Андрея Карлова произошло 19 декабря 2016 года около 19:05 в Центре современного искусства Анкары на открытии фотовыставки «Россия глазами путешественника: от Калининграда до Камчатки». Преступник, прошедший на выставку по документам полицейского, расстрелял в спину выступавшего перед микрофоном дипломата. В Карлова попало 9 пуль. Убийца, 22-летний Мевлют Мерт Алтынташ ранее служил в спецподразделении полиции Анкары, но в момент убийства не был при исполнении обязанностей. Примерно через 20 минут в перестрелке с бойцами спецподразделений террорист был убит.

ему свои доли, возместив понесенные затраты), заключила контракты на строительство морского газопровода со швейцарской Allseas. Швейцарцы уже в мае 2017 года начали работы в море и за 12 месяцев полностью уложили первую нитку и пятую часть второй.

До самого момента подписания межправительственного соглашения Болгария пыталась воспользоваться противоречиями между Россией и Турцией и вернуть проект на свою территорию. «Мы видим и знаем, что болгарская сторона хочет вернуться к проекту, но мы понесли убытки от отказа Болгарии. И теперь одних намерений недостаточно. Нам нужны железобетонные гарантии юридического характера, а их нет»¹⁷⁰, — сказал российский президент после завершения переговоров с Эрдоганом. Это был простой и понятный сигнал болгарским партнерам: хотите нитку газопровода через Черное море, приходите вместе со всеми разрешениями от властей Евросоюза. Первая нитка к тому моменту «уплыла» в Турцию, но у болгар оставался небольшой шанс заполнить обратно хотя бы вторую трубу, предназначенную для снабжения Европы.

От Болгарии требовалось предоставить гарантии Еврокомиссии, что та не будет препятствовать строительству морской трубы, а страны региона обеспечат проект инфраструктурой для приема и распределения газа на своей территории. Впрочем, строить новые газопроводы на Балканах придется и под вторую нитку «Турецкого потока», так что в этом плане оба варианта равны. Но София в отличие от Анкары до сих пор не продемонстрировала способность и готовность вести суверенную энергетическую политику.

Охлаждение отношений Турции с США и ЕС существенно ограничило возможности последних влиять на российско-турецкое сотрудничество и реализацию «Турецкого потока», особенно его первой нитки, предназначенной для удовлетворения нужд внутреннего рынка. Поэтому основные усилия противники российско-европейского сотрудничества в газовой сфере направили на противодействие «Северному потоку — 2». Здесь, судя по всему, как и 35 лет назад, ставится задача если не сорвать проект, то хотя бы максимально осложнить его реализацию. Только теперь у Соединенных Штатов появился очевидный коммерческий интерес: они стремятся ограничить доступ российского газа в Европу, чтобы повысить там цены на голубое топливо и сделать рентабельным экспорт американского СПГ, который сейчас проигрывает поставкам из России по всем статьям.

¹⁷⁰ <https://ria.ru/economy/20160809/1473962668.html>

Для достижения этой цели Вашингтон вновь готов прибегнуть к санкционному давлению на европейские компании, еще раз разыграть польскую карту и задействовать теорию энергетического НАТО.

США против «Северного потока — 2». От «любви к искусству» до продвижения американского СПГ

Соединенные Штаты Америки вернулись к риторике холодной войны. Лейтмотив — «Россию нужно наказать», показать ей место в демократическом однополярном мире. Но есть одна загвоздка: Россия и Европа тесно связаны экономически и энергетически. Значит, любые действия Штатов так или иначе рикошетом, а то и напрямую ударят по европейским партнерам Вашингтона. Можно обсуждать силу и масштаб последствий, но жизненный опыт подсказывает, что даже рикошет из-за его непредсказуемости бывает опасным и порой убийственным.

Главный лозунг США — освободить Европу от энергетической зависимости и заодно снизить российскую выручку от продаж энергоносителей в ЕС. Но если раньше американцы продвигали на европейский рынок голубое топливо из разных, в основном «маргинальных» источников, то теперь союзникам предлагается покупать «демократический» американский СПГ.

«Стратегия администрации [президента Обамы] заключается в том, чтобы агрессивно продвигать преимущества новых ресурсов и подорвать продажи российского природного газа на Украину и в Европу, ослабив возможные шаги Путина в будущем, — писала The New York Times в 2014 году, через две недели после переворота на Украине и за десять дней до референдума в Крыму. — Несмотря на то что Россия по-прежнему является крупнейшим экспортером газа в мире, Соединенные Штаты в последнее время превзошли ее, став

крупнейшим в мире производителем природного газа, в основном из-за прорывов в технологии гидравлического разрыва, известной как фрекинг»¹⁷¹.

В США за счет бурения многочисленных горизонтальных скважин и многостадийного гидроразрыва сланцевых пород в 2005 году удалось остановить падение добычи газа. Затем в течение десяти лет там смогли увеличить ее на 45%, или на 300 млрд куб. м, после чего, правда, начался некоторый спад. Этот период роста объявили «сланцевой революцией». Началась медийная кампания по экспорту «революции» в другие регионы мира, прежде всего в Европу и Китай, являющиеся ключевыми рынками для поставок российского газа. Впрочем, в ряде стран эта шумная история не принесла значительных плодов.

Во многих из них добычу газа методами, используемыми на сланцевых формациях в США, запретили или значительно ограничили. А там, где не запретили (например, в Польше), результаты геологоразведочных работ оказались столь плачевными, что инвесторы попросту потеряли свои деньги. В Китае разработка сланцевых пород тоже идет со скрипом. Амбициозные планы по добыче 100 млрд куб. м в год к 2020 году скорректировали до 30 млрд куб. м. Но и эта задача, скорее всего, не будет выполнена, несмотря на выделение государственных субсидий для компаний, добывающих газ из сланцевых залежей.

В 2011 году госсекретарь США Хиллари Клинтон учредила в Госдепе Бюро энергетических ресурсов со штатом 85 человек. Новое подразделение возглавил уже знакомый нам бывший посол США на Украине Карлос Паскуаль, который занимался противодействием сотрудничеству Москвы и Киева в газовой сфере в начале 2000-х. По определению *The New York Times*, перед ним поставили задачу «преобразовать внутренний энергетический бум в геополитический инструмент для продвижения американских интересов во всем мире»¹⁷². Сам Паскуаль признался газете, что его команда работает с Украиной и Европейским союзом над завершением европейской энергетической хартии, которая позволит природному газу быстрее двигаться через Европу,

---

¹⁷¹ <https://www.nytimes.com/2014/03/06/world/europe/us-seeks-to-reduce-ukraines-reliance-on-russia-for-natural-gas.html>

¹⁷² <https://www.nytimes.com/2014/03/06/world/europe/us-seeks-to-reduce-ukraines-reliance-on-russia-for-natural-gas.html>

а странам — успешнее вести переговоры о более низких ставках с «Газпромом». Она поможет европейцам развивать собственные природные ресурсы, в том числе в партнерстве с американскими энергетическими гигантами, а также продвинет американский СПГ на европейский рынок¹⁷³.

Итоги деятельности команды Паскуаля противоречивы. Экспорт «сланцевой революции» в страны Европы, как мы уже отмечали, полностью провалился. Некоторые страны (например, Франция) запретили добычу углеводородов с использованием технологий фрекинга, другие (в том числе Германия) значительно ограничили ее из-за вреда, наносимого окружающей среде.

В Восточной Европе и на Украине, чьи правительства всячески поощряли поиск сланцевых запасов американскими компаниями (которые, кстати, либо не участвовали в разработке сланцевых запасов в США, либо быстро вышли из этих проектов), дело в итоге пошло по шекспировскому сценарию — «много шума из ничего». Поляки, которые «рисовали» себе 5 трлн куб. м запасов и собирались заполнить своим сланцевым газом Европу, так и не нашли коммерчески привлекательных залежей, потеряв несколько миллиардов долларов. Контракты с Shell и Chevron по изучению перспективных площадей с трудноизвлекаемыми запасами на Восточной и Западной Украине были вскоре расторгнуты, так, по сути, и не начавшись.

До экспорта американского СПГ, как выяснилось, было еще довольно далеко. И Паскуаль, и даже лично Барак Обама говорили европейцам, что им самим нужно искать варианты диверсификации, снижения доли российского газа, а не надеяться на Вашингтон. Поэтому Бюро энергетических ресурсов Госдепа сосредоточилось на выстраивании антироссийской энергетической политики Старого Света через Европейскую комиссию и страны — сателлиты США внутри ЕС — Польшу и Литву.

Важным инструментом агрессивной политической линии в энергетике стала сформулированная осенью 2014 года концепция «Энергетического союза» для новой ЕК во главе с Жан-Клодом Юнкером и учреждение поста вице-президента ЕК по этому «Энергетическому союзу». К выбору кандидата на новую должность подошли крайне щепетильно. В частности, Европейский парламент впервые заблокировал утверждение на пост в Еврокомиссии бывшего

¹⁷³ <https://ubr.ua/finances/macroeconomics-ukraine/sbrosit-li-ukraina-gazovye-okovy-283501>

премьер-министра страны — члена ЕС. Кандидатура Аленки Братушек (бывшей главы правительства Словении) была отвергнута из-за того, что в бытность премьером страны она вела переговоры с Россией и поддерживала реализацию «Южного потока», который должен был пройти по словенской земле.

В итоге вице-президентом по «Энергетическому союзу» стал словак Марош Шефчович. Напомним, что Словакия является крупнейшим получателем транзитных платежей от транспортировки российского газа, поступающего в ЕС через Украину. В лучшие годы словацкий транзит достигал 90 млрд куб. м. Естественно, что для представителя Словакии естественным было отстаивать «генеральную линию партии», то есть противостоять новым маршрутам из России и твердить о надежности украинского транзита.

Главным принципом «Энергетического союза» наряду с солидарностью членов ЕС в случае перебоев с поставками энергоносителей стала диверсификация источников поставок без диверсификации маршрутов. Это позволило Шефчовичу и сторонникам антироссийской линии утверждать, что «Северный поток — 2» и «Турецкий поток» не соответствуют задачам «Энергетического союза».

Преемник Паскуалья на посту главы Бюро энергетических ресурсов Амос Хошштейн, занявший эту должность после того, как Джон Керри сменил Хиллари Клинтон в Госдепартаменте, ничего не изменил. «В результате наследия инфраструктуры холодной войны у вас есть две Европы, и когда дело доходит до энергии — это не один континент... Часть Европы на 100% полагается на Россию в сфере природного газа сегодня и будет полагаться в будущем, если мы не изменим ситуацию, — заявил он, выступая 2 августа 2016 года в Национальном пресс-клубе. — Россия готова инвестировать десятки миллиардов долларов в строительство новых трубопроводов в тот же регион, чтобы поставлять тот же газ тем же потребителям через новые трубопроводы, хотя другие маршруты уже существуют. Зачем? Чтобы сохранять эту связь и зависимость. Чтобы главы этих государств потом говорили мне, или президенту Соединенных Штатов, или государственному секретарю, или вице-президенту: „Я ничего не могу сделать. Они контролируют мою экономику“. И именно поэтому ЕС создал пост вице-президента Еврокомиссии по „Энергетическому союзу“. Потому что когда мы слышим о „Северном потоке“, „Южном потоке“, „Турецком потоке“ — вообще, если мы слышим слово „поток“ — мы должны волноваться»¹⁷⁴.

¹⁷⁴ <https://2009-2017.state.gov/enr/rls/260845.htm>

Логики в таком заявлении мало, поскольку строить новые газопроводы за миллиарды долларов Россию заставляли и заставляют риски, связанные с украинским транзитом, и рост спроса на российский газ в Европе. С 2014 по 2017 год он увеличился почти на 40 млрд куб. м, если брать только страны Евросоюза, и продолжает расти сегодня.

Ни новые объемы СПГ, который по-прежнему не очень жалуют европейские рынки, ни другие поставщики не могут конкурировать с возможностями России — как с точки зрения гибкости, способности оперативно удовлетворять дополнительный спрос в различных странах, увеличивать и уменьшать объемы поставок в зависимости от потребностей клиентов, так и с точки зрения цен и надежности. За российский газ выступает теперь уже полувековой опыт сотрудничества и безупречная репутация среди партнеров, которые прекрасно знают, что ни СССР, ни Россия ни разу не ограничивали поставки по политическим причинам — в отличие, например, от ближневосточных поставщиков углеводородов.

Американцы же без стеснения говорят, что собираются использовать свой газ для геополитического влияния. Да, теперь они снова, как и в прошлом веке, утверждают, что хотят спасти Европу от российской зависимости. Однако вдумчивый наблюдатель понимает, что сегодня их оружие направлено против России, а завтра будет использовано против кого-то другого. Не говоря уже о прямых экономических рисках, связанных с тем, что цепочка производства и поставки американского СПГ пока глубоко убыточна, и чтобы сделать ее прибыльной, США нужен рост цен на газ в Европе. Хотя это противоречит одной из официальных задач «Энергетического союза» — обеспечению потребителей ЕС надежными поставками энергоносителей по низким ценам.

Арифметика проста: берем цену газа в Henry Hub (НН — основная спотовая площадка в США), добавляем 15% (потери при сжижении), плюс стоимость сжижения (100–130 долл./тыс. куб. м), расходы на транспортировку (35 долларов в Европу и 70–80 долларов в Азию) и регазификацию (20 долларов). Итого получаем, что только расходы, не связанные с закупкой сырья, составляют около 160 долларов на тысячу кубометров при поставках из Мексиканского залива в Атлантике и 210 долларов при выборе азиатского направления. Когда цены на газ в Европе превышали 400 долл./тыс. куб. м, в Азии — 600, а в США упали до 100, бизнес по экспорту СПГ из Америки казался простым

и сверхприбыльным. Он был способен приносить 100–200 долларов чистой маржи на тысячу кубометров проданного газа. В таких условиях одна стандартная линия по сжижению обеспечивала операционную прибыль от продажи в 0,6–1,2 млрд долларов в год.

Однако в последние несколько лет из-за снижения цен на углеводороды в мире и роста цены газа в США спред¹⁷⁵ между HH и, например, британским NBP становился мизерным, в среднем не превышая 70–80 долларов. Даже азиатские спотовые цены на газ падали так, что спред ATP с HH составлял всего лишь около 90–100 долларов. В результате первые поставки американского СПГ на внешние рынки вышли убыточными для тех, кто подписал долгосрочные контракты на бронирование мощностей по сжижению в США. В основном это европейские и азиатские энергетические трейдеры, такие как Shell (после поглощения BG), Gas Natural, Total, EdF, KOGAS, MarubEni, GAIL и некоторые другие. Жесткие контракты на 20 лет, основанные на принципе «сжижай или плати», обеспечивают защиту американских инвесторов (самостоятельно строивших мощности по сжижению) от колебаний рыночной конъюнктуры и перекладывают все риски на плечи покупателей мощностей.

В 2018 году ситуация немного изменилась. Вслед за подъемом мировых цен на нефть и газ в Европе, выросших по сравнению с минимумом в разгар кризиса в 2,5 и 1,7 раза соответственно, в плюс вышла и маржа продавцов американского СПГ. Однако к его поступлению в Европу это не привело. Рынки в Азии, которые и обеспечили в значительной степени подъем цен на углеводороды, оказались более привлекательными для поставщиков, чем европейские.

В качестве самых рьяных добровольных помощников США в проведении их антироссийской линии выступают Польша и Литва. Лидеры этих стран открыто декларируют цель — торпедировать энергетическое сотрудничество России и ЕС. Их не волнует надежность снабжения и даже цены на голубое топливо. Руководство обеих стран упорно заявляет, что более высокие цены на сжиженный газ и затраты на строительство и содержание терминалов СПГ (что

---

¹⁷⁵ **Спред** (от англ. *spread* «разброс») — разность между лучшими ценами заявок на продажу (ask) и на покупку (bid) в один и тот же момент времени на какой-либо актив (акцию, товар, валюту, фьючерс, опцион). А также разность цен двух различных сходных товаров, торгуемых на открытых рынках (например, разность цен на нефть различных сортов).

в конечном итоге оплачивают потребители газа в самих странах) есть «кровавая плата» за энергетическую независимость от России. Они не собираются прислушиваться к доводам разума.

Пока две страны платят более высокую, «политическую», цену за СПГ, страны ЕС, ориентированные на реальные потребности своих граждан и экономик, увеличивают закупки российского газа. В большей степени неравенство в затратах касается Литвы, арендовавшей на деньги налогоплательщиков регазификационное судно (терминал) у норвежской Høegh LNG. Мощность корабля в полтора раза превосходит потребности литовского рынка, который к тому же сокращается. Аренда терминала стоит 61 млн евро в год. Договор заключен на десять лет. Еще несколько сотен миллионов евро Литва потратила на строительство инфраструктуры в порту и соединение терминала с газотранспортной системой страны. Если разделить понесенные расходы на десять лет, то при обеспечении всех потребностей страны с использованием только СПГ каждый кубометр будет обходиться на 40 евро дороже за счет необходимости окупать затраты на инфраструктуру.

Добавим сюда более высокую стоимость сжиженного газа по сравнению с трубопроводным из России и получим, что Литва платит за газ как минимум в полтора раза дороже. За три года работы новой структуры страна закупила лишь 3 млрд кубометров в виде СПГ (около 40% потребностей). Одно только содержание и обслуживание упомянутого клайпедского терминала Independence («Независимость») обошлись литовским потребителям в 60 евро на каждую тысячу поступивших через него кубометров. В итоге же, с учетом стоимости самого СПГ и тарифов на обслуживание инфраструктуры, эффективная цена сжиженного газа для Литвы оказалась примерно на 90–100 евро выше, чем у трубопроводного из России. Экономике прибалтийской республики «независимость» обошлась примерно в 270–300 млн евро за три года.

Польша в сфере закупок газа действует хитрее. Официально власти страны заявляют, что цена на российский газ и сотрудничество в целом их не устраивают. И вообще, они не собираются продлевать с «Газпромом» долгосрочный контракт, который истекает в 2022 году. А сами тем временем наращивают импорт российского газа. В 2016 году польская PGNiG приобрела у российского концерна рекордные 11,1 млрд куб. м, несмотря на запуск СПГ-терминала в Свиноуйсьце на Балтийском море (мощность 5 млрд куб. м в год), а в 2017–2018 годах — около 10 млрд кубометров в год, что также близко к максимуму.

Конечно, к визиту президента США в Варшаву на саммит «Инициативы Трех морей»¹⁷⁶ поляки приобрели и торжественно встретили (8 июня 2017 года) танкер-газовоз *Clean Ocean* с американским СПГ. Дональд Трамп заявил, что у него переговоры о долгосрочном контракте на поставки американского газа в Польшу заняли бы не более четверти часа. «Есть тут кто-нибудь, чтобы провести переговоры? Это займет около 15 минут»¹⁷⁷, — сказал американский лидер на совместной пресс-конференции с польским президентом Анджеем Дудой. Тот, рассмеявшись, ответил, что переговоры по такому контракту — дело частных компаний, а не президентов. Однако тут же уточнил, что безмерно обрадуется такому соглашению и уверен — оно будет достигнуто в ближайшее время.

Газотранспортную инфраструктуру для соединения с СПГ-терминалом и стройку самого регазификационного завода поляки обеспечивают за счет финансирования из фондов Евросоюза. Параллельно они используют тактику юридического и политического саботажа в отношении «Северного потока» и «Северного потока — 2». Варшава, например, несколько лет судилась с немецкими регуляторами, выдавшими разрешение на «Северный поток». Затем подала в суд на Еврокомиссию, которая в конце 2016 года согласовала новый формат использования мощностей газопровода OPAL (одного из сухопутных продолжений первого балтийского трубопровода). В конечном итоге суды поляки проиграли, но долгие юридические процедуры на несколько месяцев отсрочили выход «Северного потока» на полную мощность. Польское антимонопольное ведомство отказалось согласовать создание в Швейцарии совместного предприятия «Газпрома» и европейских компаний для строительства «Северного потока — 2».

В результате российский концерн остался единоличным участником Nord Stream 2 AG, а европейские компании взяли на себя обязательство финансировать 50% затрат по проекту.

¹⁷⁶ «Инициатива Трех морей» (или «Триморье» — региональный проект, начатый летом 2015 года президентом Польши Анджеем Дудой и хорватским лидером Колиндой Грабар-Китарович. Инициатива призвана усилить кооперацию между странами Восточной Европы и выработать общий подход к решению проблем, общих для всего региона, — в частности, снизить энергетическую зависимость стран Юго-Восточной Европы от российских газовых поставок.

¹⁷⁷ <https://thehill.com/policy/energy-environment/340805-trump-wants-natural-gas-export-deal-with-poland-in-15-minutes>

Есть и еще одна параллель с 1980-ми, когда американцы использовали Польшу для противодействия строительству газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород». В польском правительстве недавно появилась должность специального представителя по вопросам развития стратегической энергетической инфраструктуры. И пост этот занял Петр Наимский — один из деятелей польской «Солидарности», в 1981 году выехавший в США. Есть основания полагать, что он уже тогда плотно сотрудничал с американскими спецслужбами или являлся их агентом. А бывших агентов, как известно, не бывает.

Визит Дональда Трампа на саммит «Инициативы Трех морей» по пути на встречу «двадцатки» в Германии был более чем символичен. О том, что представляет собой концепция «Инициативы», еще в 2015 году предельно откровенно рассказал директор аналитической компании Stratfor Джон Фридман на заседании клуба The Chicago Council on Global Affairs¹⁷⁸.

«Суть происходящего в том, что США строят санитарный кордон вокруг России. И Россия знает об этом. В любом случае, игра опять начинается сначала. Спросите поляков, венгров или румын: что они думают? Они — в совершенно другой Вселенной, нежели немцы. А Вселенная немцев — совершенно не та, что у испанцев, и так далее. Короче, в Европе царит разногласие. Что же касается украинцев, то точно скажу: они сделают все, чтобы не прогневить США. И для России сегодняшняя позиция Украины представляет очень серьезную угрозу, потому что русские не могут просто так все бросить и уйти оттуда... Но если Россия продолжит цепляться за Украину, то мы должны будем ее остановить. Поэтому США и делают то, о чем недавно говорил генерал Ходжес¹⁷⁹, — посылают войска быстрого реагирования в Румынию, Болгарию, Польшу и Прибалтику. Так мы создаем новое „Междуморье“¹⁸⁰ — территорию между Балтийским и Черным морями, концепцию которого придумал еще Пилсудский...

¹⁷⁸ <https://youtu.be/pdvNBDC24tl>

¹⁷⁹ Командующий сухопутными войсками США в Европе (2014–2017) генерал Фредерик «Бен» Ходжес.

¹⁸⁰ «Междуморье» (польск. Międzymorze) — проект конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно, Финляндию, выдвинутый Юзефом Пилсудским после Первой мировой войны. Конфедерация должна была простираться от Чёрного и Адриатического морей до Балтийского и возрождать традицию бывшей Речи Посполитой. Пилсудский считал, что ее восстановление позволит избежать государствам Центральной Европы доминирования Германии или России. Идею опротестовали СССР и все западные державы, за исключением Франции.

...Немцы сами не знают, что делать, — утверждал Фридман. — Им нужно продавать товары, а русские могут эти товары покупать. Для США же первая цель — не допустить, чтобы немецкий капитал и технологии соединились с русскими природными ресурсами и рабочей силой в непобедимую комбинацию. Над этим Соединенные Штаты работают вот уж целый век, и козырь США, бьющий такую комбинацию, — линия между Прибалтикой и Черным морем. Германия — мощнейшая экономическая держава, но одновременно очень ранимая и геополитически слабая. Задумайтесь над „немецким вопросом“ в сегодняшней повестке дня. Мы обязаны его поставить и пока не делаем этого только потому, что не знаем, что предпримут немцы».

В газовой сфере «Инициатива Трех морей», столь сильно напоминающая «Междуморье» Пилсудского, подразумевает предельно жесткое противодействие проекту «Северный поток — 2» и создание системы поставок СПГ в Восточную и Юго-Восточную Европу. Как заметил спецпредставитель Госдепа США по энергетике Амос Хохштейн, у Европы много терминалов для приема СПГ (они загружены меньше чем на 25%), однако все они расположены не там, где нужно¹⁸¹. По мнению США, терминалы необходимы не в Западной Европе, а в странах Восточной, на которые можно давить, пренебрегая их стратегическими интересами. Главная же цель, предельно искренне обозначенная процитированным выше господином Фридманом, — изменить традиционные потоки газа в Европе и не дать России и Германии объединить ресурсы и технологии для развития собственных экономик.

Санкции, инициированные конгрессом США против российских трубопроводных проектов, едва ли не слово в слово списаны с рейгановских. Они логичны для американской борьбы за сохранение глобального доминирования Вашингтона и циничны по отношению к интересам союзников. Заботой об энергобезопасности и процветании европейцев тут и не пахнет. Европейские бизнесмены, занимающиеся энергетикой, признают, что ЕС не обойтись без российского газа и новые проекты его доставки в Европу носят экономический характер. Политизируют же эти проекты Соединенные Штаты — о чем, в частности, рассказал нам Рейнхард Митчек, вице-президент OMV.

---

¹⁸¹ <https://jamestown.org/event/nord-stream-european-energy-security/>

Рейнхард Митчек

«Несколько лет я работал на проекте газопровода Nabucco, поэтому лучше других понимаю, что импорт российского газа будет играть все более важную роль для покрытия потребностей европейских потребителей.

Конечно, Европа будет импортировать газ из различных источников — и через СПГ-терминалы, и по трубопроводам. Однако российский газ чрезвычайно важен для обеспечения европейского рынка не только в северо-западной части континента, но и на юго-востоке. Европейское производство [топлива] находится в упадке, а спрос растет. При постепенном отказе от угля он будет увеличиваться, и альтернативные источники не смогут удовлетворить растущие потребности.

Что касается проектов OMV, таких как „Северный поток — 2“, то они являются коммерческими. Интересы акционеров для нашей компании имеют первоочередное значение, а чтобы соблюдать эти интересы, нам для обеспечения логистики нужны новые коридоры в дополнение к существующим трубопроводам. Мы понимаем, что активность США направлена на продвижение собственного СПГ. Однако это не должно вести к вмешательству в проекты, которые чрезвычайно важны для Европы. Мы регулярно беседуем с официальными лицами США и посольством США в Вене, объясняя нашу позицию. Европа должна быть свободна в разработке и осуществлении независимой энергетической стратегии».

Вашингтон бьет антироссийскими санкциями по Европе

Личная встреча Дональда Трампа и Владимира Путина, состоявшаяся на полях форума G20, но в формате «с глазу на глаз с переводчиками», многих в Москве обнадежила. Встреча длилась дольше запланированного, а комментарии по ее итогу были довольно теплыми с обеих сторон. Но именно эта наметившаяся доброжелательность в отношениях двух лидеров напугала значительную часть элиты в Вашингтоне. Слишком много сегодня в американском истеблишменте — и особенно в конгрессе — сторонников подхода «Не оставляйте Трампа наедине с Путиным!». Ровно такими (или похожими) выражениями пестрели заголовки американских СМИ, ведущих собственную войну с нынешним президентом США.

Впрочем, не только американских — британская *The Guardian*, например, с удовольствием публикует статьи, в которых критикуются «аморальные» попытки Трампа «дружить» с Путиным. «Моральным» же авторы газеты считают последовательное давление на Россию по всем направлениям.

Несмотря на всю серьезность положения, ответ на главный вопрос: будут ли санкции реально работать или создадут лишь временные сложности? — зависит не от Трампа или конгресса, а от России и Европы. Уже не впервые Вашингтон пытается любой ценой помешать развитию нашего сотрудничества в газовой сфере. В 1980-е годы Рейган вводил эмбарго на поставку оборудования, в том числе произведенного европейцами, для строительства газопровода из СССР в страны Западной Европы. Оно не сработало из-за сопротивления европейских политических лидеров и корпораций, потому что им были нужны советский газ и советский рынок.

30 лет спустя принципиально ничего не изменилось. Европе нужны российский газ и российский рынок. Осталось только выяснить, есть ли в ЕС лидеры, способные не только словом, но и делом отстаивать европейские интересы в противостоянии с США.

Очевидно, что сам Трамп введения санкций не хотел. Об этом свидетельствуют и подписание им закона за закрытыми дверями (что очень необычно с учетом склонности американского президента к шоу-эффектам), и слова о том, что «конгресс ответственен за низкий и опасный уровень отношений с Россией»¹⁸². Первый госсекретарь в администрации Трампа — выходец из Еххон Рекс Тиллерсон — тоже пытался изо всех сил сглаживать ситуацию. «Не думаю, что необходимо обрывать все [сотрудничество] из-за одной проблемы. Мы — две огромные страны, и нам следует найти вопросы, по которым можем совместно работать. Давайте попробуем трудиться вместе. Будем искать способы решить те вопросы, по которым не смогли прийти к согласию», — сказал госсекретарь США по итогам встречи с Сергеем Лавровым¹⁸³. Но факт остается фактом — сторонники конфронтации продавили закон, а прагматикам ничего не осталось, как его подписать и принять.

Напомним, что во исполнение указа президента США № 13662 от 20 марта 2014 года «О блокировке собственности новых лиц, способствующих ситуации на Украине» (Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine) в рамках первого ужесточения санкций от 12 сентября 2014 года Управлением по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control — OFAC) введены четыре директивы, затрагивающие финансовый, оборонный и энергетический комплексы Российской Федерации. Новым законом Н. Р. 3364 — № 115-44 от 2 августа 2017 года (дата подписания президентом США) три из четырех директив, прямо или косвенно касающихся нефтегазовой отрасли, подвергнуты изменениям. Этому посвящен раздел 223¹⁸⁴.

Санкции США в этой области можно разделить на две группы.

Первая содержит меры, согласно которым ужесточаются уже существующие санкции: уровень долженствования администрации при введении меняется с «may» на «shall», то есть президент уже не «может», а «должен» применять санкции к нарушителям. Вообще же, в английском языке есть несколько модальных глаголов, обозначающих уровни долженствования, поэтому дискуссия о будущих санкциях начинается в какой-то мере напоминать семинар

¹⁸² <https://www.nytimes.com/2017/08/03/us/politics/trump-twitter-congress-russia.html>

¹⁸³ https://www.gazeta.ru/politics/2017/08/07_a_10821325.shtml

¹⁸⁴ Приложение 23: Public Law 115–44–Aug. 2, 2017.

по лингвистике или юридической филологии. В частности, «shall» («должен»), в свою очередь, означает меньший уровень долженствования, чем «must» («обязан»). А встречающееся в тексте закона «mandatory imposition» («обязательное применение») сильнее по смыслу, чем «shall», но все еще не «must».

Однако в этой части закона речь идет о шельфе, Арктике, сланцах — то есть о той области, где и без санкций ожидать новых проектов не стоило. При ожидаемой в перспективе ценовой конъюнктуре шельф и Арктика пока находятся далеко за пределами разумных вложений в газодобычу. Что же касается сланцев и тому подобных геологических экспериментов, то в них иностранные партнеры и раньше Россию не привлекали. Иногда, правда, применяется «геологическая эквилибристика» — в тех случаях, когда одни и те же породы можно трактовать как сланцы и как известняк, а в известняки вполне можно вкладываться — что и делает та же Statoil в совместном проекте с «Роснефтью» в Самарской области. И все же введенные запреты дают возможность властям США в любой момент заблокировать поставки любого оборудования и материалов под предлогом того, что они могут быть использованы для «запрещенных» проектов.

Кроме того, ужесточаются временные ограничения для американских банков по финансированию российских банков и компаний, попавших под санкции, — максимальные сроки кредитов сокращаются с 30 и 90 дней до 14 и 60 дней соответственно. Здесь важно помнить, что не все российские компании напрямую попадают под финансовые санкции. Тот же «Газпром» как компания (головная), в отличие от «Роснефти», находится не под финансовыми санкциями, а только под технологическими. «Роснефть» же попадает и под те и под другие.

Усиление санкций в отношении нефтяного сектора заключается также в том, что теперь под них подпадают не только структуры, подконтрольные «провинившимся» компаниям и лицам, но и те, в которых им принадлежит существенная доля в капитале (33%). Изначально в законопроекте о санкциях, который рассматривался в январе 2017 года, процент был еще меньше — его увеличили, чтобы не бить автоматически по любым проектам в мире, где есть российские нефтяники (в Азербайджане, например).

Вторая группа ограничений — это новые санкции. Они довольно серьезные и касаются, в частности, российских трубопроводов. Закон предусматривает право президента США вводить санкции в отношении лиц и компаний,

инвестировавших в строительство Россией экспортных трубопроводов (как нефтяных, так и газовых) от 1 млн долларов одновременно или более 5 млн долларов в течение года. Запрещено предоставлять таким проектам оборудование, технологии и любые услуги (даже информационные). Фактически любое партнерство в нефтегазовой отрасли, если речь идет о сумме более 1 млн долларов, потенциально подпадает под санкции.

В разделе о поддержке энергетической безопасности Украины «Северный поток — 2» выделен отдельно как проект, затрагивающий экономические интересы этой страны и которому поэтому необходимо оказывать противодействие. Способы и пределы противодействия не уточняются, следовательно, в принципе (согласно букве закона) США могут ударить по любой компании из любой страны, сотрудничающей с Россией в вопросах строительства трубопроводов или поддержания уже действующих в рабочем состоянии. И это — прямая угроза энергетической безопасности Европы.

Раздел 232 нового закона так и называется — «Санкции против развития трубопроводов в Российской Федерации» (Sanctions With Respect To The Development of Pipelines In The Russian Federation). В разделе 257 «Об обеспечении энергетической безопасности Украины» (п. 9) прямо написано, что США «продолжают выступать против трубопровода Nord Stream 2, учитывая его пагубные последствия для энергетической безопасности Европейского союза, развития газового рынка в Центральной и Восточной Европе и энергетических реформ на Украине»¹⁸⁵.

Интересно, что в этом законе США не только «припомнили» России нарушение обязательств, якобы вытекающих из положений Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года (Хельсинки) и Меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия от 5 декабря 1994 года (Будапешт)¹⁸⁶, но и обязались от имени конгресса «никогда не

¹⁸⁵ «(9) to continue to oppose the NordStream 2 pipeline given its detrimental impacts on the European Union's energy security, gas market development in Central and Eastern Europe, and energy reforms in Ukraine».

¹⁸⁶ Sec. 251: Findings: «...(3) The Government of the Russian Federation continues to violate its commitments under the Memorandum on Security Assurances in connection with Ukraine's Accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, done at Budapest December 5, 1994, and the Conference on Security and Co-operation in Europe Final Act, concluded at Helsinki August 1, 1975 (commonly referred to as the "Helsinki Final Act")...».

признавать незаконную аннексию Крыма Правительством Российской Федерации»¹⁸⁷. Такая постановка вопроса делает документ более похожим не на закон, а на отрывок из стратегии противодействия России. Что, впрочем, полностью подтверждается выступлениями американских официальных лиц, приведенных нами выше.

Раздел 232 дает возможность президенту США при согласовании с союзниками применить пять или более санкций из двенадцати, описанных в разделе 235, в отношении физического или юридического лица, в случае если президент решит, что это лицо на дату подписания закона или после нее: 1) осуществляет инвестиции, которые непосредственно и значительно способствуют повышению способности Российской Федерации строить трубопроводы для экспорта энергии; 2) продает, арендует или предоставляет Российской Федерации для строительства российских экспортных трубопроводов определенные товары, услуги, технологии, информацию или оказывает иную поддержку, которая либо имеет справедливую рыночную стоимость в размере 1 млн долларов США и более, либо общую рыночную стоимость 5 млн долларов США или более в течение 12-месячного периода.

Другими словами, под санкции могут попасть инвесторы, которые вложат в отрасль либо одновременно более 1 млн долларов, либо более 5 млн траншами за 12 месяцев.

Среди описанных в разделе 235 типов санкций наиболее болезненными для европейских компаний (включая их дочерние предприятия в США) могут оказаться следующие пункты:

- > (3) займы от финансовых учреждений США: запрет на выдачу или предоставление кредитов лицу, находящемуся под санкциями, в размере более 10 млн долларов США за любой 12-месячный период;
- > (4) займы от международных финансовых организаций: использование права голоса от имени США против любого займа от международной финансовой организации в пользу лица, находящегося под санкциями;

¹⁸⁷ Sec. 257 Ukrainian Energy Security: «...(3) to never recognize the illegal annexation of Crimea by the Government of the Russian Federation or the separation of any portion of Ukrainian territory through the use of military force».

- › (5) конкретные запреты для финансовых (по сути банковских) организаций: запрет на распространение долговых бумаг Федеральной резервной системы (ФРС) США в качестве первичного дилера либо на оказание услуг в качестве агента правительства США или в качестве расчетного депозитария правительственных фондов США;
- › (7) обмен валюты: запрет на операции с иностранной валютой, подпадающие под юрисдикцию Соединенных Штатов, где лицо, на которое распространяется санкция, имеет какие-либо интересы;
- › (8) банковские переводы: запрет на банковские операции, подпадающие под юрисдикцию Соединенных Штатов, связанные с интересами подсанкционного лица;
- › (9) сделки с собственностью: запрет на операции с недвижимостью, подпадающие под юрисдикцию Соединенных Штатов, с участием подсанкционного лица;
- › (10) запрет инвестиций в акции или обязательства лица, находящегося под санкциями: запрет для лиц Соединенных Штатов на инвестирование в активы или приобретение значительного объема акций или долговых инструментов подсанкционного лица.

Отметим, что санкции, которые может выбрать американский президент, описанные в разделе 235, применяются также для урегулирования вопросов, касающихся кибербезопасности (раздел 224)¹⁸⁸, российской обороны и разведки (раздел 231)¹⁸⁹ и программы приватизации принадлежащих государству активов (раздел 233)¹⁹⁰. Однако только раздел 232 (о трубопроводах) предоставляет президенту полномочия наложить санкции, но не предполагает их применения в обязательном порядке. Если во всех указанных выше разделах имеется формулировка «shall impose», то 232-й содержит «may impose»¹⁹¹.

¹⁸⁸ «On and after the date that is 60 days after the date of the enactment of this Act, the President shall...»

¹⁸⁹ «On and after the date that is 180 days after the date of the enactment of this Act, the President shall impose five or more of the sanctions described in section 235...»

¹⁹⁰ «The President shall impose five or more of the sanctions described in section 235...»

¹⁹¹ «The President, in coordination with allies of the United States, **may impose** five or more of the sanctions described in section 235...»

Современная зарубежная юридическая практика все чаще говорит о стирании граней между значениями двух приведенных терминов — в некоторых кейсах они являются взаимозаменяемыми. Но в данном случае для верной интерпретации необходимо опираться на существующие прецеденты.

Президент также имеет право отменить, изменить или снять санкции, если лицо прекратит подобную противоправную деятельность, представит этому доказательства и гарантии «неучастия» в будущем (раздел 236 (с)). Раздел 236 (b) содержит формулировку, похожую на оговорку для специальных нефтяных проектов (раздел 225): «Президент может отказаться от применения санкций, если определит, что национальные интересы и безопасность Соединенных Штатов пострадают в случае их применения или сохранения»¹⁹².

Аналогичный принцип касается и так называемого механизма «вторичных санкций». Тех, что направлены на принуждение иностранных фирм, не находящихся под юрисдикцией США, к определенным действиям в соответствии с политическим курсом посредством штрафов и ограничений. Отсылки к этому мы (авторы книги) находим в большинстве разделов антироссийской части закона.

Такой метод получил широкую известность в связи со штрафами, которым подверглись различные крупные неамериканские компании за ведение бизнеса с Ираном, Суданом и другими государствами, попавшими под санкции. К слову, в зарубежной практике подобного рода механизм используется с большой неохотой, так как фактически такие меры носят экстерриториальный характер.

В западной прессе уже публиковались списки проектов, которые по букве закона США могут оказаться под ударом. Помимо «Северного потока — 2» в них попали и другие перспективные проекты — часть из них уже запущена, но может потребовать финансирования на расширение или модернизацию. Это, например, Baltic LNG, «Голубой поток» (Eni и «Газпром»), нефтепровод «Каспийский трубопроводный консорциум» (Shell, Eni и «Роснефть»), «Северный поток — 1», расширение «Сахалина — 2» (Shell и «Газпром»), месторождение «Шах-Дениз» и Южно-Кавказский трубопровод (BP и «Лукойл»), месторождение Zhor Field (BP, Eni и «Роснефть»). В реальности же список потенциально подпадающих под санкции проектов гораздо длиннее.

¹⁹² b) «...the President may waive the application of those sanctions if the President determines that such a waiver is in the national security interest of the United States».

Юридическая логика предполагает, что санкции обратной силы не имеют и, скажем, партнеров «Газпрома» по «Северному потоку — 2» нельзя наказывать за уже выданные займы в размере 1 млрд евро (около 20% от иностранных обязательств по финансированию проекта). Вопрос в том, как интерпретировать дальнейшее коммерческое взаимодействие по проектам: потенциальные санкции предполагаются для «Газпрома», например, на случай гипотетического сокращения им поставок газа в Европу, страны НАТО, Грузию, Украину и Молдавию. Вопрос, конечно, в том, что именно считать «сокращением поставок». Добровольно «Газпром» вообще ни на какие ограничения не идет. Напротив, он стремится наращивать объемы. Но вот попытки ограничения реверса на Украину, с которым «Газпром» боролся в первые месяцы 2015 года, отказываясь удовлетворять повышенные заявки на поставки европейским потребителям, при особом желании можно счесть «сокращением поставок и нарушением санкционного законодательства».

Очень многое в применении санкций на практике будет зависеть от позиции администрации американского президента. Тем более что в законе, напомним, есть оговорки о возможности не вводить санкции, если президент сочтет, что «это не соответствует национальным интересам США»¹⁹³. Доказать, что администрация неправильно трактует национальные интересы США, конгресс фактически может только через импичмент. А получится ли его организовать или нет — неизвестно. Даже многие сторонники импичмента Трампа до конца первого президентского срока (или его вынужденного ухода) не рискуют говорить о возможности скорого наступления таких событий.

Некоторое кажущееся смягчение формулировок законопроекта, случившееся в ходе обсуждения перед вынесением на голосование в палате представителей, реально таковым не является: на откуп Трампу конгрессмены нижней палаты отдали только санкции, затрагивающие газопроводные дела. В других параграфах законопроект обязывает президента либо ввести санкционные меры, либо доказать конгрессу, что их введение противоречит национальным интересам США, и только по отношению к участникам, партнерам, поставщикам и подрядчикам экспортных трубопроводных проектов России теперь говорится, что президент «может» ввести санкции. Но таким правом Трамп обладал и без нового законопроекта.

¹⁹³ <https://www.govtrack.us.congress/bills/115/hr3364/text>

Однако если с юридической точки зрения данный пункт выглядит бессмысленным, то с политической он имеет колоссальное значение. Дело в том, что введение новых санкций, в отличие от ужесточения широкого спектра прежних, укладывается в логику предвыборных обещаний Трампа. «Новые рабочие места, развитие собственной добычи энергоресурсов и их экспорта, выравнивание торгового баланса с европейскими странами» — вот его лозунги. Смягчив формулировку, конгресс заодно перекладывает ответственность за ухудшение отношений с европейцами на президента США, от заявлений и действий которого политики Старого Света периодически впадают то в ступор, то в истерику.

Но парадокс в том, что Трамп, что называется, «чист»: он не может единолично отменить санкции, поскольку они отныне являются частью национального законодательства. Изменять же законы вправе только конгресс (в ряде случаев — при участии Верховного суда). Хотя, конечно, большинству наблюдателей и так было ясно, что санкции вводятся на очень долгий период, а прилагать особые усилия по их отмене американский президент не был намерен.

Важнее для исполнительной власти оказалась возможность фактически саботировать законодательство. Многие наблюдатели забывают, что, хотя известную поправку Джексона–Вэника¹⁹⁴ отменили только в 2012 году, реально она не действовала с 1989 года, ежегодно приостанавливаясь решением исполнительной власти.

Не менее важно и то, что санкционное законодательство предполагает необходимость консультаций с властями ЕС по вводимым ограничениям. Это тоже может послужить Трампу поводом для отказа в применении жестких санкций. И вообще, благовидных предлогов при необходимости отыщется великое множество. Скажем, нельзя бить по Total и Shell, которые хотя и работают активно в России, но одновременно являются покупателями мощностей по сжижению

¹⁹⁴ Поправка Джексона–Вэника (англ. *Jackson–Vanik amendment*) — поправка 1974 года к Закону о торговле США, ограничивающая торговлю со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие права человека. Предложена конгрессменами Генри Джексоном и Чарльзом Вэником. Только 21 ноября 2012 года действие поправки в отношении России официально отменено конгрессом. Поправкой Д.–В. запрещалось предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле, госкредиты и кредитные гарантии странам, где нарушают или серьезно ограничивают права граждан на эмиграцию, а также другие права человека. Действовала она также и в отношении других стран — КНР, Вьетнама, Албании. И сейчас действительна в отношении ряда стран, в том числе Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

газа в США. Тем более нет смысла наказывать компании, за которые просят власти европейских стран: ухудшение отношений с ними, даже гипотетическое, «не соответствует национальным интересам США»¹⁹⁵. Да и создание полноценных проблем для тех же американских Exxon, Schlumberger и Halliburton можно при желании счесть не соответствующим этим интересам.

Впрочем, сама возможность введения санкций США в отношении участников, инвесторов, кредиторов, поставщиков товаров или услуг для российских экспортных проектов — то есть широкого круга европейских энергетических, технологических, промышленных, инжиниринговых, логистических и сервисных компаний, а также финансовых учреждений — формирует новый тектонический разлом между Брюсселем и Вашингтоном. Даже Еврокомиссия, традиционно декларирующая в качестве приоритета диверсификацию источников поставок газа и поддержку любых инфраструктурных проектов, кроме российских, готовится дать жесткий отпор США.

Но вернемся в 2017 год, когда закон о санкциях был подписан. Тогда министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль и канцлер Австрии Кристиан Керн сделали совместное заявление против давления Вашингтона на европейскую энергетическую политику и европейские энергокомпании.

«Мы не можем согласиться с угрозами незаконных экстерриториальных санкций против тех компаний, которые участвуют в развитии энергоснабжения Европы, — говорилось в заявлении. — Угроза штрафов на рынке США компаниям Германии, Австрии и других европейских стран за то, что они участвуют в газовых проектах с Россией, таких как „Северный поток — 2“, или финансируют их, вносит совершенно новое и очень негативное качество в европейско-американские отношения... Кто и как поставляет нам энергоресурсы, мы решаем в соответствии с рыночными правилами открытости и конкуренции»¹⁹⁶.

Такая позиция европейцев вполне понятна. В политическом обосновании возможных санкций, направленных против экспортных трубопроводов из России, в том числе «Северного потока — 2», прямо сказано, что «правительству Соединенных Штатов следует уделять первоочередное внимание экспорту

¹⁹⁵ <https://www.govtrack.us.congress/bills/115/hr3364/text>

¹⁹⁶ http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2017/170615_Kern_Russland.html

энергетических ресурсов Соединенных Штатов в целях создания американских рабочих мест, оказания помощи союзникам и партнерам США и укрепления внешней политики Соединенных Штатов»¹⁹⁷. То есть санкции будут использоваться как внешнеполитическое оружие. За чей счет?

Прежде всего, за счет европейских потребителей. Повторимся: американский СПГ неконкурентоспособен на европейском рынке. Чтобы продавать его с прибылью, нужны более высокие цены. Гораздо выше тех, по которым поставляют газ действующие экспортеры, крупнейшим из которых является Россия. Помимо роста цен для европейцев, переориентация на американские поставки будет означать и дополнительные риски из-за ограничения вложений в развитие инфраструктуры и возможной волатильности на рынке СПГ: танкеры с американским сжиженным газом могут в любой момент уйти к потребителям, предложившим более высокие цены, — как это случилось после аварии на «Фукусиме» (Япония).

Во-вторых, в результате применения санкций европейские игроки рискуют потерять важные рынки. Энергетическим компаниям совместные с Россией проекты обеспечивают долгосрочные, надежные и конкурентные поставки газа. Для поставщиков труб, оборудования, услуг по укладке, логистике — это многомиллионные и даже миллиардные заказы. Для финансовых институтов — практически безрисковые с точки зрения возврата средств проекты с гарантированной нормой доходности. Для всех вместе — мультипликационный эффект от развития газотранспортной инфраструктуры внутри ЕС. И от этого США требуют отказаться, предлагая фактически потерю европейских рабочих мест в угоду созданию рабочих мест в Штатах.

В-третьих, принятие закона стало серьезным ударом по самолюбию европейцев. Никакого политета в отношении так называемых «союзников» Вашингтон на сей раз соблюдать не стал, выступив в полном соответствии с известным анекдотом, согласно которому «проблемы индейцев шерифа не волнуют». Кому понравится быть безцеремонно поставленным перед фактом, что его мнение ничего не стоит?

В европейских медиа были опубликованы утечки из Еврокомиссии, согласно которым Евросоюз может принять законодательные меры, признающие

¹⁹⁷ <http://www.govtrack.us/congress/bills/115/hr3364/text>

недействительными американские санкции на территории ЕС. Возможен, впрочем, и «тихий саботаж» без особой публичности, когда корпоративные юристы переписуют контракты таким образом, чтобы формально они не попадали под санкции. Понятно, что власти США теоретически могут начать давить сильнее. Но тогда, если «перегнуть палку», можно спровоцировать столкновение по линии США–ЕС не менее острое, чем то, которое случилось в 1980-е.

Так или иначе, вводить санкции против европейцев за отказ соблюдать инициированные США ограничения против Ирана, Кубы или Судана — одно дело. А наказывать европейские страны за продолжение бизнеса с Россией — совсем иное. Хотя бы потому, что Россия — гораздо более значимый партнер для Европы, чем Иран или Судан. Кроме того, не существует опыта применения масштабных санкций против крупного государства, не имеющего полуавтаркической экономики¹⁹⁸, вроде той, которая была в СССР. Соответственно, нет и опыта практического взаимодействия Европы и США в таком вопросе. Ясно пока одно: усилия Штатов по демонизации России в умах европейских политиков не прекращаются и будут обрастать все новыми и новыми мифами типа «дела Скрипалей», «вмешательства в американские выборы» и т.п.

О том, насколько сложнее американцам заставить европейцев отказываться от сотрудничества с Россией в отличие от сотрудничества со странами «периферийного эшелона», наглядно свидетельствует сравнение кейсов BNP Paribas и ряда других банков с компанией Siemens.

В 2014 году BNP Paribas и власти США согласовали условия мирового соглашения, в рамках которого французский банк заплатит штраф в 8,9 млрд долларов за нарушение санкций США в отношении Судана, Кубы и Ирана. Немецкий Deutsche Bank в ноябре 2015 года согласился выплатить американским регуляторам штраф в размере 258 млн долларов за нарушение санкций США против

¹⁹⁸ Полуавтаркической экономики — **Автάρкия** (от др.-греч. αὐτάρκεια — самообеспеченность; самодостаточность) — система замкнутого воспроизводства сообщества, с минимальной зависимостью от обмена с внешней средой; экономический режим самообеспечения страны, в котором минимизируется внешний оборот. А. обозначает экономику, ориентированную внутрь, на саму себя, на развитие без связей с другими странами. Развитие А. в стране в некоторых случаях приводит к экономической и технологической отсталости. Стремление к А. отражает, как правило, нездоровое состояние экономики, основывается на болезненно обостренном чувстве патриотизма, не имеющем ничего общего с подлинным патриотизмом. В разные годы стремились к А. Германия, Италия, СССР, Япония и ряд других стран.

ряда стран, в том числе Ирана и Сирии. Швейцарский Credit Suisse оштрафовали еще в декабре 2009 года на 536 млн долларов за работу с клиентами из Ливии, Ирана, Судана и Мьянмы. А голландский ING в 2012 году — на 600 млн долларов за незаконный перевод 1,6 млрд долларов через американские банки на счета клиентов из черного списка стран, включая Кубу и Иран.

Однако нет ничего даже близко похожего на кампанию нажима в отношении знаменитой фирмы Siemens, которая в 2017 году «допустила» поставку изготовленных при ее участии турбин в Крым. Давить на Siemens с учетом мягкой позиции ЕС американцам очень сложно, да они и не осмеливаются — в отличие от сюжета с BNP Paribas и другими банками. Слишком велик риск того, что, если начать жестко применять санкции и против российских, и против европейских компаний, это приведет только к сближению Москвы с Европой. Даже политические противники Владимира Путина в Европе выступают против такого «перебора», что очень показательно. «За» — только Украина и Польша.

Европу пугает экстерриториальность американского законодательства. Но у США в наличии огромный козырь — емкий внутренний рынок, с которого они могут изгнать любую компанию. А действуют там, в том или ином качестве, практически все страны. Но мир постепенно меняется: с тем же Китаем тоже сотрудничают многие европейские компании, и Великая Поднебесная постепенно становится для них все более значимым рынком. А ситуацию с антироссийскими санкциями европейцы вполне могут начать экстраполировать на Китай. «Что будет, если американцы поссорятся с Пекином и станут заставлять нас не работать еще и с ним?» Тем более что торговая война между США и Китаем уже не предположение, а реальность.

Примечательна реакция партнеров «Газпрома» по «Северному потоку — 2». Представители Engie отметили, что компания может прекратить финансировать «Северный поток — 2», но это пока лишь возможность — тем более что европейские партнеры «Газпрома» уже перечислили на проект на тот момент более половины оговоренных средств (по 500 млн евро из 950 млн от каждой компании). А представители Wintershall и вовсе заявили, что нельзя использовать санкции для продвижения собственных коммерческих интересов (имея в виду американский СПГ). Представители Shell говорят, что их компания выполнит все обязательства перед «Газпромом», насколько это возможно в условиях санкций.

В итоге к середине 2019 года было построено уже более половины трассы, «Газпром» и европейские партнеры внесли более 80% от запланированной суммы капитальных вложений, от инвестиций и подрядов никто не отказался — несмотря на воинственную риторику Капитолийского холма и Белого дома (хотя доходило до многочисленных санкционных законопроектов и абсурдных в дипломатической практике писем с угрозами от американского посла в Германии в адрес компаний-участниц). Саму же политику санкционного запугивания, искусственного ограничения конкуренции и юридического нигилизма власти США цинично называют «распространением газа свободы по всему миру» («spreading freedom gas throughout the world») ¹⁹⁹. Стоит вспомнить, что предыдущий подобный американский экспортный товар — «демократия» — принесла невольным импортерам гораздо больше разрушений и страданий, чем свобод и улучшений. Жертвой сегодняшнего беспрецедентного и беспардонного давления стала маленькая Дания, которая всегда гордилась своими демократическими и правовыми традициями, но уже два года под различными предложениями тянет с выдачей разрешения на строительство газопровода в своей юрисдикции, теряя лицо и понимая: этот фарс не может длиться вечно и ей придется выполнить требования международного морского права и здравого смысла.

В целом складывается ощущение, что Европа даже в варианте «тихого саботажа» новых американских санкций уже делает их неэффективными — во всяком случае, не в той степени, на которую рассчитывают инициаторы. И даже если оппонентам удастся в итоге скинуть Трампа с поста президента, риски обвального ухудшения отношений с Европой из-за втягивания ее в экономическую войну с Россией Вашингтон игнорировать не сможет. Опора на Польшу с Прибалтикой и даже на Лондон, который находится в состоянии Brexit, вряд ли позволит серьезно поколебать позицию остальных европейских стран. Кстати, и в Восточной Европе многие не разделяют радикализм политической линии Варшавы или Вильнюса — Чехия, Словакия или Венгрия, например.

Но эту новую, серьезную проверку на суверенитет объединенной Европе еще предстоит пройти до конца.

---

¹⁹⁹ <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-48454674>

Заключение

Термин «газовое оружие», придуманный американскими спецслужбами в 80-е годы прошлого века, вновь введен в медийный и политический обиход. Хотя история доказала, что сотрудничество в газовой сфере между Советским Союзом (Россией) и Европой стало не просто альтернативой эскалации напряженности на континенте, но одним из самых эффективных инструментов нормализации отношений.

Дело не только в простой и древней как мир формуле: «торговать лучше, чем воевать». Сама природа тех газовых договоренностей — постоянные переговоры на всех уровнях, участие многих стран Европы, масштабы сделок (десятки миллиардов долларов), а также их долгосрочный характер — определила их важнейшую роль в формировании энергетического и в целом экономического облика современных Европы и России.

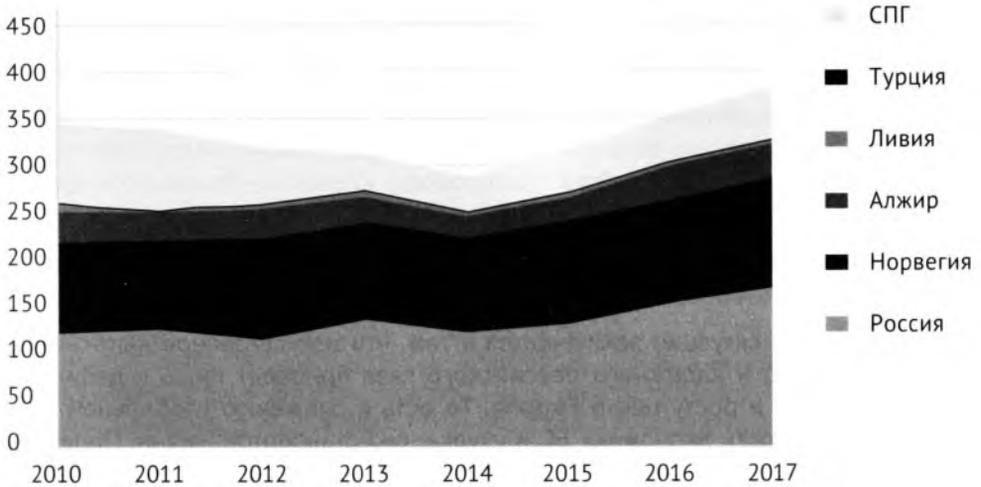
Россия и Европа зависят друг от друга во многих областях. Однако только в газовой сфере (через разветвленную сеть трубопроводов большого диаметра) эта связь установлена на физическом уровне. В нынешнем, все более виртуальном, мире такая «жесткая сцепка» приобретает особую ценность. И если сейчас политики под давлением извне готовы вводить санкции вопреки интересам собственных стран — как говорится, «стрелять себе в ногу» — то перерезать артерии они не смогут.

По данным Евростата, в 2016 году доля газа в энергетике Евросоюза составила более 23%, а доля поставок из России в газовом балансе превысила 34%. Еще в 2010 году соотношение было принципиально иным — 25% и 23% соответственно (Рис. 8 и 9). И столь беспрецедентный рост потребности европейцев в российском газе пришелся на период ухудшения политических отношений между Россией и Западом, введения незаконных и бессмысленных санкций против нашей страны и весьма открытой антигазпромовской энергетической политики Брюсселя.

За это время в Европе случилось несколько достаточно холодных зим, когда доля газа в континентальном энергобалансе резко возрастала и применение «газового оружия», если бы такая возможность рассматривалась в принципе, могло оказаться максимально болезненным. Но, как и в советские времена, контрактные обязательства исполнялись в полном объеме, развенчивая миф об опасности российского газа для Евросоюза.

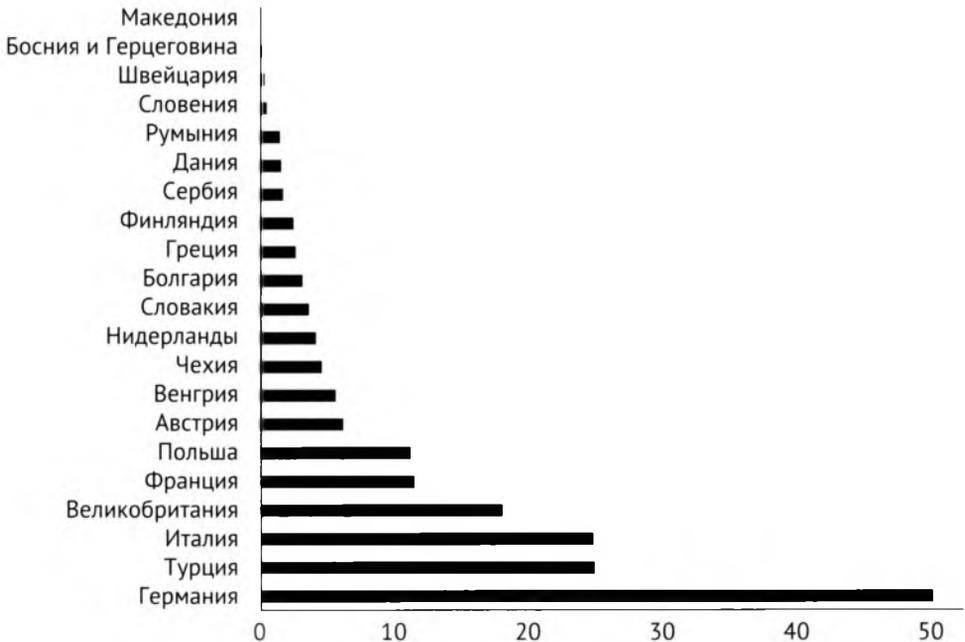

Рис. 8. Поставки импортного газа в ЕС в 2010–2017 годах, млрд куб. м

Источник: ФНЭБ на основе данных «Газпрома» и других операторов газотранспортных систем

Рис. 9. Поставки «Газпрома» в страны Европы в 2016 году, млрд куб. м

Источник: ФНЭБ на основе данных «Газпрома» и других операторов газотранспортных систем

Наоборот, в 2017 году у европейцев появилась лишняя возможность убедиться, чьи намерения носят, мягко говоря, не вполне добросовестный характер. Американский конгресс рассматривал законопроект о введении санкций против всех участников и партнеров российских проектов по строительству трубопроводов. Контракты крупнейших европейских энергетических компаний, а также производителей трубоукладчиков, труб и другого оборудования оказались под угрозой. Все, как в старые добрые 1980-е, когда Рейган пытался остановить строительство газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород». Только теперь целью стала остановка проекта «Северный поток — 2», в том числе для создания конкурентных преимуществ экспорту в Европу сжиженного газа из США.

Парадокс же ситуации заключается в том, что искусственное вытеснение более дешевого и надежного российского газа приведет лишь к дефициту энергоресурсов и росту цен в Европе. То есть к снижению глобальной конкурентоспособности экономики ЕС и ухудшению стандартов жизни. Политики 1980-х это прекрасно понимали и уже тогда сделали выбор в пользу мирного газа из Западной Сибири — несмотря на мифы об «энергозависимости» и «газовом оружии», которые сегодня вновь взяты на вооружение американской элитой и их сателлитами в Европе.

Приложения

Приложение 1. Запись отчета В.М. Фалина

ПОСОЛЬСТВО СССР В ФРГ

«26» марта 1973 г.
№ 465

Из дневника
Фалина В.М.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
с председателем правления концерна «Зальцгиттер А.Г.»
Х. Бирнбаумом и членом правления Ф. Шиллингом

19 марта 1973 г.

В ходе посещения предприятий концерна «Зальцгиттер А.Г.» имел беседу с Х. Бирнбаумом и Ф. Шиллингом по вопросам, касающимся сооружения в районе г. Курска металлургического комбината, работающего по методу прямого восстановления железа.

Собеседники отметили грандиозный и во многих отношениях новаторский характер проекта. Сейчас, отметил Бирнбаум, переговоры вступают в конкретную статью, и необходимо, чтобы стороны более четко определили свои пожелания и возможности, в том числе по концепции завода, срокам его сооружения и финансированию. Советская сторона, судя по высказывавшимся ей соображениям, предпочитает построить экспериментальный комбинат мощностью более 5 млн тонн стали с очень широкой номенклатурой изделий. При этом по основным установкам (например - по установкам непрерывной разливки) называются мощности, намного превышающие показатели современной мировой металлургии. Ничего подобного пока нет ни в Западной Европе, ни в США, ни в Японии, и поэтому никто не может поручиться, что сверхмощная конструкция будет оптимальной.

Представляется разумным и целесообразным, подчеркнули Бирнбаум и Шиллинг, опереться на уже имеющийся и оправдавший себя самый передовой опыт. Для этого наряду с экспериментальными установками, по их мнению, желательно предусмотреть часть оборудования, работающего по обычному методу. Далее следовало бы сократить производственную программу. Такое решение позволило бы сделать предприятие максимально рентабельным и избежать чрезмерного риска, если экспериментальные установки не выйдут быстро на расчетные показатели.

22 20.5
 тов. Веснову А.А.
 тов. Шиллингу Ф.Ш. — просьба инфор-
 мировать тов. Манциро В.Н. по
 поводу вопроса
 30/5
 351/124
 10 28 3
 47 10/4

Продолжение приложения 1

Собеседники выразили пожелания, чтобы советская сторона в самое ближайшее время окончательно решила вопрос о компоновке комбината, после чего можно было бы начать составление рабочего проекта. Предварительная прикидка показала, что для выполнения проекта потребуется примерно 8-месячная работа группы из 50 инженеров. Сам проект будет содержать немало технической информации, которая не может быть передана другой стороне без соответствующей компенсации. Следовательно, уже в ближайшее время предстоит решить вопрос о финансировании этой части проекта.

В свою очередь обратил внимание на то, что советская сторона идет на большие капиталовложения и во многом рискует, сооружая мощный комбинат на экспериментальной базе. Поэтому нашим контрагентам должно быть понятно стремление иметь на этом комбинате самое современное или даже несколько опережающее нынешний уровень техники оборудование, которое позволило бы организовать высокоэффективное производство. Однако мы учитываем, конечно, опасения специалистов ФРГ, что экспериментальное оборудование столь большой мощности может оказаться не во всех отношениях рентабельным. В этой связи было бы, видимо, целесообразно, чтобы специалисты концерна разработали несколько вариантов компоновки производства с учетом возможности установки определенной части традиционного оборудования. Советская сторона могла бы затем выбрать оптимальный вариант. Параллельно необходимо также продумать вопросы организации строительства, патентования, порядка сбыта продукции комбината в третьих странах. Все это позволит выйти за рамки обыкновенного обмена изделиями и полуфабрикатами и выявить новые пути в налаживании сотрудничества.

Собеседники отметили, что они поддерживают идею кооперации. Обстановка благоприятствует усилению экономического сотрудничества в Европе, в частности между ФРГ и социалистическими странами, в связи с уходом Японии с рынка. Известная переориентация японцев, по словам Бирнбаума, вызвана не столько валютными сложностями, сколько их подготовкой к широкому выходу на рынок Китая.

Шиллинг проявил интерес к тому, как советская сторона предполагает организовать отгрузку окатышей в ФРГ. При ближайших встречах с советскими специалистами он поставит вопрос о возможности использования внутренних водных путей для транспортировки грузов.

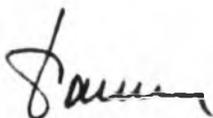
Окончание приложения 1

В ходе дальнейшей беседы Шиллинг затронул вопрос о поставках советского природного газа в ФРГ. Он сказал, что группа «Рургаз АГ-Фернгаз Зальцгиттер» хотела бы покупать у СССР дополнительно по I млрд куб.м газа в год с поставкой по трубопроводу. Кроме того, «Фернгаз Зальцгиттер» мог бы приобретать от 1 до 3 млрд куб. м сжиженного природного газа через Мурманск, если там будут сооружены соответствующие установки.

Ответил Шиллингу, что количество советского природного газа, поставляемого в ближайшие годы в Западную Европу, в том числе и в ФРГ, уже определено известными соглашениями. Соответственно рассчитаны и мощности строящихся газопроводов. Не исключено, однако, что с ростом спроса мощности газопроводов будут расширены и появится возможность выделить дополнительное количество газа потребителям ФРГ.

На беседе присутствовал и записал 2-й секретарь посольства т. Смирнов В.Н.

ПОСОЛ СССР в ФРГ

(В. Фалин)

Продолжение приложения 2

По представлению иранцев, газопровод на территории Ирана от Сараха до Астары будет построен за счет ФРГ и Советского Союза. При этом ФРГ финансирует поставку труб и газоперекачивающих агрегатов, что составит 2/3 от стоимости газопровода, а остальное придется на долю Советского Союза, который предоставит услуги по строительству.

Далее Шельбергер информировал о том, что итальянская фирма СНАМ по заданию иранцев разработала предварительный проект, который предусматривает два варианта транспортировки 40-45 млрд куб. м иранского газа из месторождений Шираз, Агаджари и Канган в Европу. Первый вариант - через территорию Турции, Греции, Югославии и Италии. Второй вариант - по территории Турции до порта Искендерон на Средиземном море и далее метановозами до итальянского порта Монфальконе. Предполагается, что покупателями этого газа будут Рургаз, Газ де Франс и СНАМ. Однако, по мнению Рургаза, более предпочтительной является транспортировка этого газа через территорию СССР и ЧССР.

В случае согласия Советского Союза Рургаз создаст консорциум с участием Газ де Франс, АНУ и, возможно, СНАМ. Этот консорциум построит на территории СССР газопровод, который пройдет по трассе Астара-Баку-Ростов-Харьков-Киев-Ужгород. Общая длина трассы от месторождений до границы ЧССР-ФРГ составит 5615 км, что на 200 км длиннее трассы через Турцию, Грецию, Югославию и Италию до границы ФРГ, однако, тем не менее, этот вариант для Рургаза предпочтительнее.

По оценке Рургаза, капиталовложения по строительству этого газопровода на территории СССР составят 8-10 млрд западногерманских марок. Из них 60% придется на долю ФРГ в виде поставок труб, оборудования и материалов, а 40% - на долю Советского Союза в виде услуг по строительству, которые будут оплачены в свободной валюте. Поставка труб, оборудования и материалов в последующем погашалась бы за счет выручки от продажи газа.

По мнению Рургаза, этот проект даст Советскому Союзу следующие преимущества:

- 1) транзитный газопровод на территории Советского Союза может быть использован для удовлетворения внутренних потребностей в газоснабжении;

Продолжение приложения 2

2) строительство и эксплуатация этого газопровода дадут дополнительные выгоды Советскому Союзу.

Шельбергер подчеркнул, что рассмотрение вопроса о транспортировке иранского газа через территорию СССР не следует откладывать, так как СНАМ в настоящее время работает над разработкой более конкретного проекта по транспортировке через Турцию, Грецию и Югославию. Этот проект будет готов осенью этого года. СНАМ привлекает к этому проекту Рургаз и Газ де Франс.

Рургаз, со своей стороны, считает необходимым организовать другую группу по изучению русского варианта с участием Газ де Франс и АНУ.

Тов. ОСИПОВ Н.Г. Мы информированы о намерении иранцев по выходу на европейский рынок природного газа. Однако нам называли другие количества - около 25 млрд куб. м, из которых на долю товарного газа приходится около 15 млрд куб. м. Иранцы хотят быть продавцами этого газа и предлагают либо создать систему по транспортировке этого газа до границы СССР-ЧССР, или употребить его в районе Закавказья, а им предоставить газ на западной границе из других источников.

По нашим сведениям, иранцы намерены строить газопровод на своей территории за свой счет, но при этом воспользоваться услугами ФРГ и СССР в той пропорции, как это указал г-н Шельбергер. Мы изучаем этот проект. Отношение к нему в целом положительное, однако необходимо посмотреть экономическую сторону этого вопроса, с тем чтобы осуществление этого проекта было выгодным для каждой из сторон. Учитывая то, что цены на газ на мировом рынке растут, а также принимая во внимание масштабы этой сделки, по предварительной оценке, этот проект будет экономичным.

В ближайшее время мы получим результаты наших исследований. После этого мы свяжемся с иранцами с целью уточнения количеств, а затем привлечем Рургаз.

Далее г-н ШЕЛЬБЕРГЕР поставил вопрос о дополнительных закупках газа. Касаясь текущих потребностей, он заявил, что Рургаз хотел бы закупить около 750 млн куб. м с поставкой в течение первых трех кварталов 1974 года.

Окончание приложения 2

В отношении более длительной перспективы Шельбергер подчеркнул, что позиция Рургаза сводится к тому, чтобы увеличивать закупки газа из Советского Союза, не прибегая к другим источникам. Решение этого вопроса имеет исключительно важное значение для дальнейшей политики Рургаза. Речь идет о ежегодных дополнительных поставках газа в объеме около 10 млрд куб. м начиная с 1979 года.

Г-н ЛИЗЕН добавил, что благодаря своему географическому положению и наличию крупных потребителей Рургаз способен предложить лучшие условия для продавцов, чем другие покупатели.

На вопрос тов. Осипова относительно цены на газ в 1980 г. Лизен ответил, что Рургаз готов платить за советский газ ту же цену, что и за газ Северного моря из месторождения Экофиск. На сегодняшний день цена составляет немногим более 0,7 пф/мегакалорий (около 24 долл. за 1000 куб. м при $Q_{\text{высш.}} = 9200$ ккал) и привязана к индексам на малосернистый мазут с нормальным содержанием серы (2,2%) на западногерманском рынке и частично в Роттердаме.

По контракту на голландский газ с американской фирмой «Плэсид Ойл» цена на газ привязана исключительно к индексам цен на мазут на рынке ФРГ и меняется прямо пропорционально этим индексам.

Тов. ОСИПОВ Н.Г. - К вопросу о дополнительных поставках газа в 1974 году мы предлагаем вернуться в октябре с.г., что касается более длительной перспективы, то, возможно, мы будем готовы обсудить этот вопрос в конце этого года, но речь может идти о 2-3 млрд куб. м.

В заключение беседы Шельбергер информировал о том, что Рургаз планирует провести 1 октября с.г. в Вайдхаусе большие торжества по случаю начала поставок советского газа в ФРГ и передал тов. Осипову приглашения на эти торжества для всех, кто имел отношение к запородам природного газа в ФРГ.

Беседу записал:

К. Варданян

Приложение 3. National Security Council Meeting (фрагмент)

~~SECRET~~

SYSTEM II
90143

~~SECRET~~

NATIONAL SECURITY COUNCIL MEETING

DATE, TIME December 22, 1981, 2:30 p.m.,
AND PLACE: The Cabinet Room
SUBJECT: Poland

PARTICIPANTS:

The President
The Vice President

State
Secretary Alexander M. Haig, Jr.
Deputy Secretary William P. Clark
Under Secretary Walter J. Stoessel

Treasury
Secretary Donald T. Regan

Defense
Secretary Caspar W. Weinberger
Deputy Secretary Frank C. Carlucci

Agriculture
Secretary John R. Block

Commerce
Secretary Malcolm H. Baldrige

OMB
Mr. William Schneider, Jr.

CIA
Mr. William J. Casey

USUN
Ambassador Jeane J. Kirkpatrick

USTR
Ambassador William E. Brock

JCS
Admiral Thomas B. Hayward
Lt General Paul F. Gorman

White House
Mr. Edwin Meese III
Mr. James A. Baker III
Mr. Michael K. Deaver
Admiral James W. Nance
Admiral John H. Poindexter

NSC
Dr. Norman A. Bailey
Dr. Allen J. Lenz
Dr. Richard E. Pipes

DECLASSIFIED / RELEASED

NLS M1226 #1

BY slf, NADA, DATE 12/20/04

Minutes

The President. They tell me that cars in California are already displaying "Solidarity" stickers.

The President then departed for 15 minutes.

~~SECRET~~
Review December 22, 1987

~~SECRET~~

Продолжение приложения 3

~~SECRET~~

2

~~SECRET~~

Nance. Mr. President, with your permission, I will run down quickly a list of decisions made at our previous meeting.

The President. All right.

Nance. Briefly reviewed the discussions in the meeting that day between President Reagan and Ambassador Spasowski of Poland. (The exchange is recorded in some detail in file #8107302.)

Casey. I haven't much new to report today. The Soviet plan seems to be working. There are reports of pockets of resistance. The rest of the country is acquiescing. In the coal mines -- in some factories. We have a report that many Soviet KGB officers are involved in the operation.

Nance. Secretary Haig, will you explain events and the options facing us?

Haig. Yesterday I said we would need to discuss why the church has softened its line. We now have a report from Ambassador Meehan on his conversations with Archbishop Glemp. The church is under pressure from the government. Government representatives told the church last week that the message scheduled to be read last Sunday was too tough. When bloodshed began, the Archbishop felt it necessary to go for moderation.

Walesa is alive and apparently vigorous. But he does not want to negotiate with a Soviet agent (Jaruzelski). Walesa is a card for playing in the future. He is a protege of Cardinal Wyszynski. They don't dare kill him at this time.

We have no indication from the authorities of a willingness to negotiate either with Solidarity or the church.

The Army's role is still fairly subdued. They are using special security forces.

We have a Swedish report that the Soviets and the Czechs intend to intervene on December 26, but no verification of it.

The strikes continue in the Silesian coal fields. Thirteen thousand coal miners are holed up in a coal mine. The government apparently intends to starve them out.

The Western bankers in Zurich this morning took a hard line. They refused the Polish request to loan \$350 million to the Poles for interest payments and they also refused to begin discussion of rescheduling of Poland's 1982 debt payments.

I had a call last night from Irv Brown of the AFL/CIO. He feels that resistance in Poland is strong and will be growing. He says "Don't be influenced by the banks" (don't bail out the Poles). European bankers believe that they will be compensated either from the foreign hard currency accounts in Poland or by the USSR.

~~SECRET~~

~~SECRET~~

Окончание приложения 3

The Brandt statement of yesterday on behalf of Socialist International was a disaster. A rebuttal press statement is being formulated.

The Brezhnev interview with Marvin Kalb skirted Poland, but it was held on December 4, prior to recent events, so it is of little significance to this issue.

Larry Eagleburger called me twice this morning. He reports the Italians are vigorous, staunch and supportive of actions to be taken. Colombo is good!

But in Bonn, Genscher is opposed to initiatives now, since the Soviets have not intervened. He agreed to discuss economic sanctions, however, and to consider imposing them before they (the Soviets) intervene.

There is vigor lacking, however.

Hormats, in his discussions, sees a spectre of softness and opposition to action at this time. The reactions range from the Brits to the French (most vigorous), with the Germans softest.

These papers (referring to the handout provided for the meeting) that we have put together present steps that we can consider and provide pros and cons of each step and some assessment.

The first paper outlines actions that can be taken against Poland.

The second paper lists measures against the Soviets.

One of the themes throughout the assessment, Mr. President -- and all those that we have discussed are included in the paper -- is a strong emphasis on the Soviet steps on Allied unity. As of today, on economic sanctions -- and on some political actions -- Europe would break with us.

The President. Well, Al, it seems to me on this we make up our minds on what is right to do. We say to the Soviets tomorrow, right, we will proceed with actions, without spelling them out -- actions that will isolate them politically and economically. We reduce political contact; we do all we can to persuade our Allies to come along, unless and until martial rule is ended in Poland and they return to an antebellum state. We have to deal with our own labor movement. They are shutting off shipments to Poland, though church shipments are still going.

Haig. Yes they are still going. Last shipment was one week ago.

The President. I don't know whether Red Cross aid is going or not.

SECRET

Приложение 4. Dresser (France) S.A.; Order Modifying Temporary Denial of Export Privileges (фрагмент)

39708 Federal Register / Vol. 47, No. 175 / Thursday, September 9, 1982 / Notices

in accordance with the Export Administration Act of 1979 and the Federal Advisory Committee Act. The Subcommittee was approved for continuation on October 5, 1981 pursuant to the charter of the Committee. The Foreign Availability Subcommittee was formed to ascertain if certain kinds of equipment are available in non-COCOM and Communist countries, and if such equipment is available, then to ascertain if it is technically the same or similar to that available elsewhere.

Time and Place

September 29, 1982, at 1:30 p.m. The meeting will take place at the Main Commerce Building, Conference Room D, 14th Street and Constitution Ave., N.W., Washington, D.C.

Agenda

General Session

- (1) Opening remarks by the Subcommittee Chairman.
- (2) Presentation of papers or comments by the public.
- (3) Review of the letter from the Subcommittee to Lionel Olmer, Under Secretary for International Trade, on the Foreign Availability Certification Group proposal.
- (4) Discussion of the agenda for the remainder of the year.

Public Participation

The meeting will be open for public observation and a limited number of seats will be available. To the extent time permits members of the public may present oral statements to the Subcommittee. Written statements may be submitted at any time before or after the meeting.

FOR FURTHER INFORMATION OR COPIES OF THE MINUTES CONTACT:
Mrs. Margaret A. Cornejo, Committee Control Officer, Office of Export Administration, Room 2813, U.S. Department of Commerce, Washington, D.C. 20230, Telephone: 202-377-2583.

Dated: September 3, 1982.
John K. Boidock,
Director, Office of Export Administration.
(FR Doc. 82-24786 Filed 9-9-82, 6:43 am)
BILLING CODE 3510-15-01

(Case No. 832)

Dresser (France) S.A.; Order Modifying Temporary Denial of Export Privileges

By Order of August 20, 1982, 47 FR 38170 (August 30, 1982), the respondent, Dresser (France) S.A., Cedex L 192, SILIC 5 Rue d'Antony, 94553 Rungis, France, was temporarily denied,

pursuant to § 388.19 of the Export Administration Regulations (16 CFR Part 388, *et seq.* [1981]) (the "Regulations"), all privileges of participating in any manner or capacity in the export of U.S.-origin commodities or technical data.

The Department of Commerce (the "Department") has now filed a motion to modify the Order of August 28, 1982 to restrict the scope of the denial to U.S.-origin commodities and technical data for or relating to oil and gas exploration, production, transmission, or refinement, on the grounds that a denial order which is restricted in scope will (1) continue to facilitate the Department's investigation, (2) remain consistent with the foreign policy objectives of the Regulations relating to the export to the Soviet Union of commodities or technical data for or relating to oil and gas exploration, production, transmission, or refinement, and (3) reflect conscientious efforts by the Department to adjust its measured approach to possible violations of the Regulations, both in light of information developed during the investigation and in a way that imposes a uniform and not overly broad burden upon all respondents.

Based upon the showing made by the Department and having considered the views of the respondent, I find that the motion to modify the order temporarily denying all export privileges to Dresser-France is in the public interest to facilitate enforcement of the Export Administration Act of 1979, as amended (50 U.S.C. app. 2401 *et seq.* [Supp. III 1978]), and the Regulations and to permit completion of the Department's investigation.

Anyone who is now or may in the future be dealing with the above-named respondent in transactions that in any way involve U.S.-origin commodities or technical data for or relating to oil and gas exploration, production, transmission, or refinement is specifically alerted to the provisions set forth in Paragraph IV below.

Accordingly, it is hereby ordered that the Order of August 28, 1982 is modified as follows:

I. All outstanding validated export licenses concerning U.S.-origin commodities or technical data for or relating to oil and gas exploration, production, transmission, or refinement in which respondent appears or participates, in any manner or capacity, are hereby revoked and shall be returned forthwith to the Office of Export Administration for cancellation. All validated export licenses revoked by the Order of August 28, 1982, that are not for or relating to oil and gas exploration, production, transmission, or refinement are hereby reinstated, and all

such licenses received by the Department pursuant to the Order of August 28, 1982, shall be returned forthwith to the licensee by the Office of Export Administration.

II. The respondent, its successors or assignees, officers, partners, representatives, agents, and employees hereby are denied all privileges of participating, directly or indirectly, in any manner or capacity, in any transaction involving U.S.-origin commodities or technical data for or relating to oil and gas exploration, production, transmission, or refinement exported from the United States in whole or in part, or to be exported, or that are otherwise subject to the Regulations. Without limitation of the generality of the foregoing participation prohibited in any such transaction, either in the United States or abroad, shall include participation, directly or indirectly, in any manner or capacity, (a) as a party or as a representative of a party to a validated export license application, (b) in the preparation or filing of any export license application or reexport authorization, or of any document to be submitted therewith, (c) in the obtaining or using of any validated or general export license or other export control document, (d) in the carrying on of negotiations with respect to, or in the receiving, ordering, buying, selling, delivering, storing, using, or disposing of, in whole or in part, any such commodities or technical data exported from the United States in whole or in part, or to be exported, and (e) in the financing, forwarding, transporting, or other servicing of such commodities or technical data.

III. Such denial of export privileges shall extend not only to the respondent, but also to its agents and employees and to any successor.

IV. No person, firm, corporation, partnership or other business organization, whether in the United States or elsewhere, without prior disclosure to and specific authorization from the Office of Export Administration, shall, with respect to U.S.-origin commodities and technical data for or relating to oil and gas exploration, production, transmission, or refinement, do any of the following acts, directly or indirectly, or carry on negotiations with respect thereto, in any manner or capacity, on behalf of or in any association with the respondent or whereby the respondent may obtain any benefit therefrom or have any interest or participation therein, directly or indirectly: (a) Apply for, obtain, transfer, or use any license, Shipper's Export Declaration, bill of lading, or other

Приложение 5. Sale of Large Diameter Pipe to Soviet Bloc Countries
(NATO Press Release)

E/6 - F/6

REGISTRY P - A

O T A N

N A T O

SERVICE DE PRESSE

PRESS SERVICE

Place du Maréchal de Lattre de Tassigny. PARIS. XVI - Téléphone : KLEber 50-20

PRESS RELEASE (66) 13

For immediate release
Paris, 10th November, 1966

SALE OF LARGE DIAMETER PIPE TO SOVIET BLOC COUNTRIES

The North Atlantic Council decided today that large diameter pipe (over 19") may now be exported from member countries to Communist countries. In 1962, the Council considered that it would be in the military interest of the Alliance that member countries should, to the extent possible, refrain from making sales and deliveries of large diameter pipe to Communist countries, and thereby delay the construction of the oil pipeline system linking the USSR to other countries of Eastern Europe. The Council has now reviewed the current situation and found that this main pipeline network has been almost completed, after a delay of about the time expected in 1962. As NATO's aim is not to place obstacles to East-West trade in goods which no longer have strategic significance, the Council has decided that the current and prospective value of the embargo for the Alliance no longer warrants its maintenance.

COMMUNIQUE DE PRESSE (66) 13

Pour diffusion immédiate
Paris, le 10 novembre 1966

VENTE DE TUBES DE GRAND DIAMETRE AUX PAYS DU BLOC SOVIETIQUE

Le Conseil de l'Atlantique Nord a décidé aujourd'hui que les tubes de grand diamètre (au-dessus de 19 pouces) en provenance des pays membres pourraient désormais être exportés vers les pays communistes. Il avait considéré en 1962 que, dans l'intérêt militaire de l'Alliance, les pays membres devraient, dans la mesure du possible, s'abstenir de vendre et de livrer aux pays communistes de tels tubes de manière à retarder la construction du système d'oléoducs destiné à relier l'URSS aux pays de l'Europe de l'Est. Le Conseil vient de réexaminer la situation et a constaté que la construction du principal réseau d'oléoducs, si elle a subi approximativement le retard qui avait été escompté en 1962, est maintenant presque terminée. L'OTAN n'ayant pas pour objectif de faire obstacle au commerce Est-Ouest en ce qui concerne les produits qui n'ont plus d'importance stratégique, le Conseil a estimé que, dans les circonstances présentes et dans un avenir prévisible, l'embargo n'offrirait pas pour l'Alliance d'intérêt qui puisse justifier son maintien.

Приложение 6. Prospects for Soviet Oil Production and The International Energy Situation: Outlook to 1985, CIA, April, 1977: Summary (фрагмент)

transmission must be solved before such resources can be fully exploited. The Soviets consider nuclear power to be the best source of new electric power in European areas. A program for constructing nuclear powerplants is under way, but it will be quite some time before these plants can have an important effect on the power base. In 1975 nuclear power represented 2 percent of total power production, and it will reach only about 6 percent in 1980.

Summary

Soviet oil production will soon peak, possibly as early as next year and certainly not later than the early 1980s. The maximum level of output reached is likely to be between 11 and 12 million barrels per day (b/d)—up from the 1976 level of 10.4 million b/d. Maximum levels are not likely to be maintained for long, however.

The Soviets have two basic problems: one of reserves and one of production. Barring an extremely unlikely discovery of a massive new field close to an existing field, new deposits will not be found rapidly enough to maintain acceptable reserves-to-production ratios, and those fields that account for the bulk of Soviet production are experiencing severe water encroachment. As a result, increasingly large quantities of water must be lifted for each barrel of oil produced, and high-capacity submersible pumps will be required if production declines are to be staved off even temporarily.

During the next decade, the USSR may well find itself not only unable to supply oil to Eastern Europe and the West on the present scale, but also having to compete for OPEC oil for its own use. This would be a marked change from the current situation, in which exports of oil to the West annually provide 40 percent of total Soviet hard currency earnings. The USSR has large reserves of coal and natural gas, but those scheduled for exploitation over the next decade are east of the Urals, far from consuming centers in the western USSR. Distance, climate, and terrain will make exploitation and transport difficult and expensive. Exports of gas will increase, but will not compensate for the loss of earnings from the export of oil. Although some substitution of coal and gas for oil in domestic use will be possible in the long run, the effect of such substitution will be minimal in the short run. Neither hydroelectric power transmitted from the east nor construction of nuclear electric plants (mainly in the western USSR) can be expected to afford much relief in the Soviet energy situation for more than a decade.

Приложение 7. Commodity Control List and Related Matters (фрагмент)

RULES AND REGULATIONS

33699

[3510-25]

Title 15—Commerce and Foreign Trade
CHAPTER III—INDUSTRY AND TRADE ADMINISTRATION, DEPARTMENT OF COMMERCE
PART 399—TECHNICAL DATA
PART 399—COMMODITY CONTROL LIST AND RELATED MATTERS

Controls on Exports of Petroleum Equipment to the U.S.S.R., Estonia, Latvia, and Lithuania

AGENCY: Office of Export Administration, Bureau of Trade Regulation, U.S. Department of Commerce.

ACTION: Final rule.

SUMMARY: Under current regulations, most commodities utilized in the exploration or production of petroleum or natural gas are under validated license control for export to Southern Rhodesia, Cuba, North Korea, Vietnam, and Cambodia. This rule extends validated license control for these types of commodities to the U.S.S.R., Estonia, Latvia, and Lithuania.

Most types of technical data that are not generally available to the public presently may be exported under General License GTDR to all destinations except Southern Rhodesia, Cuba, North Korea, Vietnam, Cambodia, the U.S.S.R., East European Communist countries, Laos, and the People's Republic of China. For certain types of technical data, use of the General License GTDR is conditioned on the exporter receiving written assurance from the importer that neither the data nor the direct product thereof is intended to be shipped, directly or indirectly, to those destinations. This rule imposes on the export of technical data related to the exploration or production of petroleum or natural gas the condition that the General License GTDR not be used unless the exporter has received written assurance from the importer that neither the technical data nor the direct product thereof is intended to be shipped, directly or indirectly, to the U.S.S.R., Estonia, Latvia, and Lithuania. The purpose of this rule is to provide for the prior review of proposed exports to the U.S.S.R., Estonia, Latvia, and Lithuania of petroleum and natural gas exploration and production commodities and related technical data to assure that their export would be consistent with the foreign policy objectives of the United States. Additional control measures relating to these commodities and technical data are being considered by the Department. Further revisions of the regulations, therefore, may be issued in the near future.

EFFECTIVE DATE: August 1, 1978.
FOR FURTHER INFORMATION CONTACT:

Mr. Charles C. Swanson, Director, Operations Division, Office of Export Administration, U.S. Department of Commerce, Washington, D.C. 20230, 202-377-4198.

Accordingly, the Export Administration regulations (15 CFR Parts 378 et seq.) are revised as follows:

1. Section 379.4(f)(1) is amended as follows:

a. Paragraph (f)(1)(iii) is redesignated as paragraph (f)(1)(i).

b. The introductory text of paragraph (f)(1) is revised to read as set forth below.

c. The word "and" is removed from the end of paragraph (f)(1)(ii).

d. The period at the end of paragraph (f)(1)(i)(a) is replaced by a semicolon and the word "and" is added before the semicolon.

e. A new paragraph (f)(1)(ii)(p) is added to read as set forth below.

§ 379.4 General license GTDR: Technical data under restriction

(f) *Written assurance requirements.* (1) Requirement of written assurance for certain data, services, and materials. No export of technical data of the kind described in § 379.4(f)(1)(i) (a) through (o) below may be made under the provisions of this General License GTDR until the exporter has received written assurance from the importer that neither the technical data nor the direct product thereof is intended to be shipped, either directly or indirectly, to Country Group Q, W, Y, or

*The term "direct product," as used in this sentence and in this context only, is defined to mean the immediate product (including processes and services) produced directly by use of the technical data, except that petroleum or chemical products other than molecular sieves or catalysts are not included in this definition. The coverage of the term does not extend to the results of the use of such "direct product." An example of the direct product of technical data is reforming process equipment designed and constructed by use of the technical data exported, but the aromatics produced by the reforming process equipment are not immediate or direct products of these technical data. However, if the technical data are a formula for producing aromatics, the aromatics, although they are immediate products of the data, are not included in this definition of direct product, since they are petroleum products. Conversely, if the technical data are a formula for producing either molecular sieves or catalysts, the foreign-produced molecular sieves and catalysts are included in the definition of direct product.

Effective the April 26, 1971, Country Group IV no longer includes Romania. For purposes of assurances executed prior to that date, however, all references to Country

Z, except as provided in § 379.4(f)(1)(ii) below. No export of technical data of the kind described in § 379.4(f)(1)(ii)(p) below may be made under the provisions of this General License GTDR until the exporter has received written assurance from the importer that neither the technical data nor the direct product thereof is intended to be shipped, directly or indirectly, to the U.S.S.R., Estonia, Latvia or Lithuania, except as provided in § 379.4(f)(1)(ii) below. The required assurance may be in the form of a letter or other written communication from the importer evidencing such intention, or a licensing agreement that restricts disclosure of the technical data to use only in a country other than Country Group Q, W, Y, or Z, and prohibits shipment of the direct product thereof by the licensee to Country Group Q, W, Y, or Z, or, for data of the kind described in § 379.4(f)(1)(ii)(p), to the U.S.S.R., Estonia, Latvia or Lithuania. An assurance included in a licensing agreement will be acceptable for all exports made during the life of the agreement. If such assurance is not received, this general license is not applicable and a validated export license is required. An application for such validated license shall include an explanatory statement setting forth the reasons why such assurance cannot be obtained. In addition, this general license is not applicable to any export of technical data of the kind described in § 379.4(f)(1)(i) (a) through (o) below if, at the time of export of the technical data from the United States, the exporter knows or has reason to believe that the direct product to be manufactured abroad by use of the technical data is intended to be exported or reexported, directly or indirectly, to Country Group Q, W, Y, or Z, or, for data of the kind described in § 379.4(f)(1)(ii)(p), to the U.S.S.R., Estonia, Latvia or Lithuania.

(i) Technical data relating to the following commodities:

* * * * *

(p) Machinery, equipment, instruments, and other commodities utilized for the exploration or production of petroleum or natural gas.

* * * * *

2. The Commodity Control List incorporated by reference at 15 CFR 389.1, is amended by adding the following entries:

Group W continue to apply to Romania as well as to Poland, and all conditions and responsibilities undertaken with respect to Romania remain unchanged.

Приложение 8. Special Commodity Policies and Provisions (фрагмент)

origin grain has been made for delivery to the U.S.S.R. Export sales which are required to be reported under the export sales reporting program of the Department of Agriculture must have been so reported before the application will be assigned priority.

Applications will be permitted 45 days following receipt of their applications to submit export sales contracts in support of their applications, and licenses will not be issued until copies of such export sales contracts have been received. If sales have been made to an intermediary abroad who, in turn, has sold the commodities to the U.S.S.R., then copies of both the contract of sale to the intermediary and the sale from the intermediary to the U.S.S.R. must be submitted except that, in lieu of the contract of sale to the U.S.S.R., a copy of a written or telexed confirmation of that sale from a U.S.S.R. state trading agency may be submitted.

An application for registration of priority should be submitted for the total quantity covered by the sale. Once priority has been established, it will apply to the total quantity of the sale, irrespective of how many licenses may ultimately be issued to cover shipments against that sale.

It is anticipated that applications may be received and that licenses may be issued prior to October 1. All licenses issued hereunder will be valid for shipment during a 90 day period, although extensions may be considered in the event that unforeseen circumstances prevent shipment during that 90 day period. However, no license, reexport authorization or extension will be valid for shipment prior to October 1, 1980, nor after September 30, 1981. For exports from the United States, this means that while a vessel may be loaded earlier, it may not clear the final U.S. port of export prior to October 1, 1980.

Licenses will be issued up to an aggregate quantity of eight million metric tons for wheat and corn combined, but not to exceed five million metric tons of either wheat or corn. No shipping tolerance is authorized on a license for the export or authorization for the reexport of wheat or corn to the U.S.S.R. This means that actual shipments may not exceed the quantity stated on the license or reexport authorization but may be less than that quantity. Exporters or reexporters who make shipments in excess of licensed quantities will be subject to the civil, criminal, and administrative sanctions described in Section 11 of the Export Administration Act of 1979 and Part 387 of the Export Administration Regulations (15 CFR Part 387).

To permit close monitoring of exports of wheat and corn to the U.S.S.R., within 5 working days of completing the final shipment under the license, exporters are required to complete and sign the record of shipments on the reverse of the license, certify to its accuracy, and return the license to the Office of Export Administration, together with a copy of each Shipper's Export Declaration and each on-board Bill of Lading covering a shipment under that license. Reexport shipments of U.S.-origin wheat and corn to the U.S.S.R. must be similarly reported to the Office of Export Administration.

This rule also revises the title of Supplement No. 2 to Part 378 and the general provision relating to shipping tolerance to reflect the changes made herein. Finally, these regulations correct an error in the dates of prior shipments to be covered in the affidavit to be submitted in support of applications to export agricultural commodities listed in Supplement No. 3 to Part 378, commodities which are subject to validated licensing to the U.S.S.R. and to consideration on a case-by-case basis.

Rulemaking Requirements

Section 13(a) of the Act exempts regulations promulgated under it from public participation in rulemaking procedures of the Administrative Procedure Act. However, because of the importance of the issues raised by these regulations and the intent of Congress set forth in section 13(b) of the Act, they are issued in interim form and public comments are requested. Because they relate to a foreign affairs function of the United States, it has been determined that these regulations are not subject to Department of Commerce Administrative Order 218-7 (44 FR 2042, January 9, 1979) and the International Trade Administration Administrative Instruction 1-6 (44 FR 2093, January 9, 1979) which implement Executive Order 12044 (43 FR 12501, March 23, 1978), "Improving Government Regulations."

The period for submission of comments will close September 8, 1980. No comments received after the close of the comment period will be accepted or considered by the Department in the development of final regulations. Public comments which are accompanied by a request that part or all of the material be treated confidentially for whatever reason, will not be accepted. Such comments and materials will be returned to the submitter and will not be considered.

All public comments on these regulations will be a matter of public record and will be available for public inspection and copying. In the interest of

accuracy and completeness, comments in written form are preferred. If oral comments are received, they must be followed by written memoranda which will also be a matter of public record. Communications from agencies of the United States government or foreign governments will not be made available for public inspection.

The public record concerning these regulations will be maintained in the International Trade Administration Freedom of Information Records Inspection Facility, Room 3012, U.S. Department of Commerce, 14th Street and Constitution Avenue, NW, Washington, DC 20230. Records in this facility pertaining to these regulations may be inspected and copied in accordance with regulations published in Part 4 of Title 15 of the Code of Federal Regulations. Information about the inspection and copying of records at the facility may be obtained from Mrs. Patricia L. Mann, the International Trade Administration Freedom of Information Officer, at the above address or by calling (202) 377-3031.

Accordingly, the Export Administration Regulations (15 CFR Part 388 et seq.) are amended as follows:

PART 375—SPECIAL COMMODITY POLICIES AND PROVISIONS

1. Section 375.5 is amended by renumbering paragraphs (b), (i), (j), (k) and (l) to read, respectively, (j), (k), (l), (m) and (n); adding new paragraphs (h) and (i); and revising paragraphs (b), (d) (1) and (3), (e), (f), (g), and (l) to read as follows:

§ 375.5 Exports or Reexports of Agricultural Commodities to the U.S.S.R.

(b) *Wheat and Corn.* (1) Application for validated licenses to export and authorizations to reexport wheat or corn to the U.S.S.R. during the period October 1, 1980-September 30, 1981, will be considered by the Office of Export Administration in order of priority as described below, up to an aggregate quantity of 8 million metric tons for both commodities combined: *Provided*, Such applications are supported by the appropriate documentation and submitted as specified below.

(2) Applications will be considered on a first-come, first-served basis according to the order of their receipt in the Short Supply Division, Office of Export Administration. Upon receipt in the Short Supply Division, Office of Export Administration, each application will be examined to determine whether it qualifies for registration of priority. If it does, it will be stamped with the date

Приложение 9. Controls on Exports of Petroleum Transmission and Refining Equipment to the U.S.S.R. (фрагмент)

Federal Register / Vol. 47, No. 2 / Tuesday, January 5, 1982 / Rules and Regulations 141

Airline Deregulation Act of 1978, which (1) restricted the Board's authority to reduce subsidy under section 406 of the Federal Aviation Act, and (2) established in section 419 a new program for guaranteeing essential air service. The Board is therefore removing § 399.11 along with § 399.10.

Because this rule merely eliminates obsolete policy statements, the Board finds that notice and public procedure are unnecessary, and that the rule may become effective less than 30 days after publication in the Federal Register.

PART 399—STATEMENTS OF GENERAL POLICY

Accordingly, the Civil Aeronautics Board amends 14 CFR Part 399, *Statements of General Policy*, as follows:

1. The authority for Part 399 is:

Authority: Secs. 101, 102, 105, 204, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 412, 418, 601, 1001, 1002, 1102, 1104, Pub. L. 85-726, as amended, 72 Stat. 737, 740, 743, 754, 757, 758, 760, 763, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 782, 783, 787, 82 Stat. 1708; 49 U.S.C. 1301, 1302, 1305, 1324, 1371, 1372, 1373, 1374, 1378, 1379, 1377, 1378, 1379, 1381, 1382, 1386, 1461, 1469, 1482, 1502, 1504.

2. The Table of Contents is amended by removing §§ 399.10 and 399.11.

§ 399.10 and § 399.11 [Removed]

3. Sections 399.10, *Local service carrier certificates to indicate nature of operations specifically*, and 399.11, *Use it or lose it policy for subsidized local service carriers*, are removed and revised.

By the Civil Aeronautics Board.

Phyllis T. Kayler,

Secretary.

[FR Doc. 82-201 Filed 1-4-82; 8:43 am]

BILLING CODE 8220-01-80

DEPARTMENT OF COMMERCE

International Trade Administration

15 CFR Parts 370, 385, and 399

Controls on Exports of Petroleum Transmission and Refining Equipment to the U.S.S.R.

AGENCY: Office of Export Administration, International Trade Administration, Commerce

ACTION: Interim Rule.

SUMMARY: Under current regulations, a validated export license is required for foreign policy purposes for the export to the U.S.S.R. (including Estonia, Latvia, and Lithuania) of specified oil and gas exploration and production equipment,

and technical data related to oil and gas exploration and production. This rule imposes new foreign policy controls on exports to the U.S.S.R. (including Estonia, Latvia, and Lithuania) of commodities for transmission (including transportation) and refinement of petroleum or natural gas and technical data related to oil and gas transmission or refinement. These controls also apply to Afghanistan.

DATE: These rules are effective December 30, 1981. Comments must be received by the Department by March 1, 1982. However, these regulations may be revised before the close of the comment period.

ADDRESS: Written comments (six copies when possible) should be sent to: Richard J. Isadors, Director, Operations Division, Office of Export Administration, U.S. Department of Commerce, P.O. Box 273, Washington, D.C. 20044.

FOR FURTHER INFORMATION CONTACT: Mr. Archie Andrews, Director, Exporters' Service Staff, Office of Export Administration, Department of Commerce, Washington, D.C. 20230 (Telephone: (202) 377-5247 or 377-4811).

SUPPLEMENTARY INFORMATION:

Regulatory Changes

At the direction of the President and pursuant to section 8 of the Export Administration Act of 1979, the Department of Commerce is expanding the existing oil and gas controls applicable to the U.S.S.R. to include commodities and technical data for transmission (including transportation) or refinement of petroleum or natural gas for energy usage, excluding petrochemical feedstocks. This action is in response to the Soviet Union's heavy and direct responsibility for the repression in Poland. Presently, under 15 CFR 395.2(c) the Department of Commerce controls exports of specified oil and gas exploration and production equipment, technical data (other than CTDA) related to oil and gas exploration and production, and other commodities that require a validated export license for shipment to the Soviet Union and that are intended for use in oil or gas exploration or production. This rule expands the existing controls by applying the controls to the areas of refinement for energy usage and transmission. The commodities and technical data covered by this rule are also subject to the rule, effective December 30, 1981, which suspended the processing of all licensing for export to the U.S.S.R.

Further, the regulations affecting exports of technical data to other

destinations are revised. Most types of technical data that are not generally available to the public presently may be exported under General License CTDA to all destinations except Cuba, North Korea, Vietnam, Cambodia, the U.S.S.R., East European communist countries, Laos, and the People's Republic of China. For technical data related to oil and gas exploration and production, use of General License GTRD is conditioned on the exporter receiving written assurance from the importer that neither the data nor the direct product thereof is intended to be shipped, directly or indirectly, to the U.S.S.R. This rule imposes on the export of technical data related to the transmission and refining of petroleum or natural gas, the condition that General License GTRD not be used unless the exporter has received written assurance from the importer that neither the technical data nor the direct product thereof is intended to be shipped, directly or indirectly, to the U.S.S.R.

Pursuant to section 6 of the Export Administration Act of 1979 and following consultation with the Department of State, it has been determined that this rule is necessary to further significantly the foreign policy of the United States. Appropriate persons in industry and the Congress have been consulted, and the criteria set forth in section 6(b) of the Act have been considered.

Pursuant to section 4(c), it has been determined that, notwithstanding foreign availability, failure to take this action would be detrimental to the foreign policy of the United States.

Pursuant to section 6(d), it has been determined that there are no feasible alternative means of achieving the purpose of this action. As provided in section 6(g), efforts are being made to obtain cooperation of countries that produce comparable items.

Saving Clause

This rule places a validated license requirement on certain commodities and technical data that previously could be exported under a general license. Therefore, shipments of commodities or technical data removed from general license as a result of changes set forth in this rule that were on dock for loading, on lighter laden aboard an exporting carrier, or in transit to a port of export pursuant to actual orders for export prior to 8:00 a.m., E.S.T., December 30, 1981, may be exported under the previous general license provisions up to and including January 14, 1982. Any such shipments not laden aboard the exporting carrier on or before January

Приложение 10. National Security Decision Directive Number 24

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

~~SECRET~~
UNCLASSIFIED

February 9, 1982

NATIONAL SECURITY DECISION
DIRECTIVE NUMBER 24

MISSION TO CERTAIN EUROPEAN COUNTRIES CONCERNING
OIL AND GAS EQUIPMENT EXPORTS TO THE SOVIET UNION AND
RESTRICTING CREDITS TO THE SOVIET BLOC COUNTRIES

Pursuant to the decisions reached at the meeting of the National Security Council of February 4, 1982, the State Department is directed to lead a delegation made up of high-level officials of the Departments of State, Treasury, Defense and Commerce as well as of the National Security Council staff to negotiate with the governments of Italy, France, the Federal Republic of Germany and the United Kingdom with reference to the export to the Soviet Union of oil and gas equipment manufactured in their territories by subsidiaries and/or licensees of U.S. companies, as well as the question of restricting and/or raising the costs of credits to the countries of the Soviet Bloc and preliminary consultations on measures of mutual assistance in case of widespread Bloc default on external debt.

Preliminary planning for the trip will be done by a working group chaired by Norman A. Bailey, Director of Planning, National Security Council staff. Proposed terms of reference for the mission should be submitted by the Chairman (State) to the President for approval no later than February 11, 1982.

Declassified/Released on 8/7/80
under provisions of E.O. 12356
by F. Graboske, National Security Council

~~SECRET~~
UNCLASSIFIED, 1988

Приложение 11. National Security Decision Directive Number 41

UNCLASSIFIED

30943

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

June 22, 1982

NATIONAL SECURITY DECISION
DIRECTIVE NUMBER 41

DECEMBER 30, 1981 SANCTIONS ON OIL AND GAS
EQUIPMENT EXPORTS TO THE SOVIET UNION

I have reviewed the sanctions on the export of oil and gas equipment to the Soviet Union imposed on December 30, 1981, and have decided to extend these sanctions through adoption of new regulations to include equipment produced by subsidiaries of U.S. companies abroad as well as equipment produced abroad under licenses issued by U.S. companies.

The objective of the United States in imposing the sanctions has been and continues to be to advance reconciliation in Poland. Since December 30, 1981, little has changed concerning the situation in Poland; there has been no movement that would enable us to undertake positive reciprocal measures.

The decision taken will, we believe, advance our objective of reconciliation in Poland.

Declassified/Released on 8/7/90
under provisions of E.O. 12358
by F. Grabosko, National Security Council

UNCLASSIFIED

Приложение 12. Amendment of Oil and Gas Controls to the U.S.S.R.
(фрагмент)

27250 Federal Register / Vol. 47, No. 122 / Thursday, June 24, 1982 / Rules and Regulations

conjunction with this alteration of the transition area. Interested parties were invited to participate in this rulemaking proceeding by submitting written comments on the proposal to the FAA. No objections to the proposal were received in response to publication. Except for editorial changes, this amendment is the same as that proposed in the notice. Section 71.181 of Part 71 of the Federal Aviation Regulations was republished in Advisory Circular AC 70-3 dated, January 28, 1982.

The Rule

This amendment to Part 71 of the Federal Aviation Regulations alters the Greenwood, South Carolina, Transition Area. This action will provide controlled airspace for aircraft executing the new instrument approach procedure which is being established to serve Greenwood County Airport.

List of Subjects in 14 CFR Part 71

Aviation safety, Airspace, Transition area

Adoption of the Amendment

Accordingly, pursuant to the authority delegated to me, § 71.181 of Part 71 of the Federal Aviation Regulations (14 CFR Part 71) (as amended) is further amended, effective 0601 GMT, September 2, 1982, as follows:

Greenwood, South Carolina [Amended]

By deleting the words " * * * (latitude 34°13'00"N., longitude 82°09'33"W.) * * * and substituting for them the words " * * * (Lat. 34°13'00"N., Long. 82°09'33"W.), within 3 miles each side of the OMS' bearing from the Coronaca RDN (Lat. 34°13'13"N., Long. 82°05'11"W.); extending from the 8.5-mile radius area to 8.5 miles east of the RBN * * *"

{Secs. 307(a) and 313(a), Federal Aviation Act of 1958 (49 U.S.C. 1348(a) and 1354(a)), Sec. 8(c), Department of Transportation Act (49 U.S.C. 7653(c)); and 14 CFR 11.88}

Note.—The FAA has determined that this regulation only involves an established body of technical regulations for which frequent and routine amendments are necessary to keep them operationally current. It, therefore, (1) is not a "major rule" under Executive Order 12291; (2) is not a "significant rule" under DOT Regulatory Policies and Procedures (44 FR 11034; February 28, 1979); and (3) does not warrant preparation of a regulatory evaluation as the anticipated impact is so minimal. Since this is a routine matter that will only affect air traffic procedures and air navigation, it is certified that this rule will not have a significant economic impact on a substantial number of small entities under the criteria of the Regulatory Flexibility Act.

Issued in Roswell Point, Georgia, on June 11, 1982.
J. Soglin,
Acting Director, Southern Region
(14 CFR 82-17031 Filed 6-23-82; 84549)
BILLING CODE 4910-10-01

DEPARTMENT OF COMMERCE

International Trade Administration

15 CFR Parts 376, 379 and 395

Amendment of Oil and Gas Controls to the U.S.S.R.

AGENCY: Office of Export Administration, International Trade Administration, Commerce.

ACTION: Interim rule with request for comments.

SUMMARY: At the direction of the President, export controls on oil and gas goods and technology to the USSR are amended to include exports of non-U.S. origin goods and technical data by U.S. owned or controlled companies wherever organized or doing business, as well as certain foreign produced products of U.S. technical data not previously subject to controls. The regulations are also revised to state that certain policy guidance is inapplicable to exports to the U.S.S.R. and Poland.

DATE: These rules are effective 5:00 p.m. (e.d.t.), June 22, 1982. Comments must be received by August 21, 1982. However, these regulations may be revised before the close of the comment period.

ADDRESSES: Written comments (six copies when possible) should be sent to: Richard J. Isadore, Director, Operations Division, Office of Export Administration, U.S. Department of Commerce, P.O. Box 273, Washington, D.C. 20044.

FOR FURTHER INFORMATION CONTACT: Mr. Archie Andrews, Director, Exporters' Service Staff, Office of Export Administration, Department of Commerce, Washington, D.C. 20230 (Telephone: (202) 377-5247 or 377-4811).

SUPPLEMENTARY INFORMATION:

Regulatory Changes

At the direction of the President and pursuant to section 6 of the Export Administration Act of 1979, as amended, the Department of Commerce is amending the existing oil and gas controls applicable to the U.S.S.R. Current controls restrict exports and reexports of U.S. origin oil and gas goods and technical data. This rule expands these controls to restrict exports to the U.S.S.R. of non-U.S. origin

goods or technical data by U.S. owned or controlled foreign firms. The current controls also restrict the export of foreign produced products of U.S. technical data if the export of the data from the United States was subject to the receipt of a written assurance from the foreign importer against the transfer of the data or its products to proscribed destinations.

This rule amends controls on foreign produced products of U.S. technical data to include products of U.S. data in cases where the right to the use of the data abroad is subject to a licensing agreement with persons subject to the jurisdiction of the U.S. or requires the payment of royalties or other compensation to any such persons or in cases where the recipient of the technical data has agreed to abide by U.S. export control regulations.

As stated by the President, the objective of the United States in imposing sanctions has been and continues to be to advance reconciliation in Poland. There has been no movement by the U.S.S.R. toward this objective.

Pursuant to section 8 of the Export Administration Act of 1979 and at the direction of the President, it has been determined that the expansion of oil and gas controls is necessary to further significantly the foreign policy of the United States. As required by section 8(j), attempts to obtain cooperation of countries that produce comparable items have been made, but have been unsuccessful.

Pursuant to section 4(c), it has been determined that, notwithstanding availability of some of these goods and data from foreign sources, failure to take this action would be detrimental to the foreign policy of the United States. It also has been determined under section 6(d) that there are no feasible alternative means of achieving the purpose of this action.

Appropriate persons in industry and the Congress have been consulted, and the criteria set forth in section 8(b) of the Act have been considered.

These regulations also explain that the policy guidance contained in § 365.2 of the Export Administration Regulations concerning exports to Country Groups Q, W, and Y does not apply to the U.S.S.R. or Poland. A General Order issued on December 30, 1981 (16 CFR 390.8) suspended the processing of validated licenses and other authorizations for export to the U.S.S.R. Furthermore, because the situation in Poland creates the unacceptable risk of diversion to unauthorized end-uses and/or end-

Приложение 13. Comments of the European Community on the amendments of 22 June 1982 to the U.S. Export Administration Regulations (фрагмент)

- 4 -

II. The Amendments under International Law

A. Generally Accepted Bases of Jurisdiction in International Law

4. The U.S. measures as they apply in the present case are unacceptable under international law because of their extra-territorial aspects. They seek to regulate companies not of U.S. nationality in respect of their conduct outside the United States and particularly the handling of property and technical data of these companies not within the United States.

They seek to impose on non-U.S. companies the restriction of U.S. law by threatening them with discriminatory sanctions in the field of trade which are inconsistent with the normal commercial practice established between the U.S. and the E.C.

In this way the amendments of June 22, 1982, run counter to the two generally accepted bases of jurisdiction in international law: the territoriality and the nationality principles⁽⁴⁾.

5. The territoriality principle (i.e. the notion that a State should restrict its rule-making in principle to persons and goods within its territory and that an organization like the European Community should restrict the applicability of its rule to the territory to which the Treaty setting it up applies) is a fundamental notion of international law, in particular insofar as it concerns the regulation of the social and economic activity in a State. The principle that each State - and mutatis mutandis the Community insofar as powers have been transferred to it -

Продолжение приложения 13

- 5 -

has the right freely to organize and develop its social and economic system has been confirmed many times in international fora. The American measures clearly infringe the principle of territoriality, since they purport to regulate the activities of companies in the E.C., not under the territorial competence of the U.S.

6. The nationality principle (i.e. the prescription of rules for nationals, wherever they are) cannot serve as a basis for the extension of U.S. jurisdiction resulting from the amendments, i.e. (I) over companies incorporated in E.C. Member States, on the basis of some corporate link (parent-subsidiary) or personal link (e.g. shareholding) to the U.S., (II) over companies incorporated in E.C. Member States, either because they have a tie to a U.S.-incorporated company, subsidiary or other "U.S. controlled" company through a licensing agreement, royalty payments, or payment of other compensation, or because they have bought certain goods originating in the U.S.

7. Ad (I) The amendments in two places purport to subject to U.S. jurisdiction companies, wherever organized or doing business, which are subsidiaries of U.S. companies or under the control of U.S. citizens, U.S. residents or even persons actually within the U.S. This implies that the United States is seeking to impose its corporate nationality on companies of which the great majority are incorporated and have their registered office elsewhere, notably in E.C. Member States.

Such action is not in conformity with recognized principles of international law. In the Barcelona Traction case, the International

Продолжение приложения 13

- 6 -

Court of Justice declared that two traditional criteria for determining the nationality of companies, i.e. the place of incorporation and the place of the registered office of the company concerned, had been "confirmed by long practice and by numerous international instruments". The Court also scrutinized other tests of corporate nationality, but concluded that these had not found general acceptance. The Court consequently placed primary emphasis on the place of incorporation and the registered office in deciding the case in point⁽⁵⁾. This decision was taken within the framework of the doctrine of diplomatic protection, but reflects a general principle of international law.

8. Ad (II) The notion inherent in the subjection to U.S. jurisdiction of companies with no tie to the U.S. whatsoever, except for a technological link to a U.S. company, or through possession of U.S. origin goods, can only be that this technology or such goods should somehow be considered as unalterably "American" (even though many of the patents involved are registered in the Member States of the European Community). This seems the only possible explanation for the U.S. regulations given the fact that national security is not at stake here (see below under B).

Goods and technology do not have any nationality and there are no known rules under international law for using goods or technology situated abroad as a basis of establishing jurisdiction over the persons controlling them. Several Court cases confirm that U.S. jurisdiction does not follow U.S. origin goods once they have been discharged in the territory of another country⁽⁶⁾.

Продолжение приложения 13

9. The amendments of 22 June 1982, therefore, cannot be justified under the nationality principle, because they ignore the two criteria for determining the nationality of companies reconfirmed by the International Court of Justice and because they purport to give some notion of "nationality" to goods and technologies so as to establish jurisdiction over persons handling them.

The purported direct extension of U.S. jurisdiction to non-U.S. incorporated companies not using U.S. origin technology or components is a fortiori objectionable to the E.C. because neither of these (in themselves invalid) justifications could apply.

10. The last mentioned case exemplifies to what extent the wholesale infringement of the nationality principle exacerbates the infringement of the territoriality principle⁽⁷⁾. Thus even E.C.-incorporated companies in the example mentioned above, according to the amendments, would have to ask special written permission not of the E.C. but of the U.S. authorities in order to obtain permission to export goods produced in the E.C. and based on E.C. technology from the territory, to which the E.C. Treaties apply, to the U.S.S.R. The practical impact of the amendments to the Export Administration Regulations is that E.C. companies are pressed into service to carry out U.S. trade policy towards the U.S.S.R., even though these companies are incorporated and have their registered office within the Community which has its own trade policy towards the U.S.S.R.

./.

---

(7) The application of ^{the} nationality principle would imply *ipso facto* some overlapping with the application of the Territoriality principle and this is acceptable under international law, in some instances, but we are not in such a situation in this case

Продолжение приложения 13

- o -

The public policy ("ordre public") of the European Community and of its Member States is thus purportedly replaced by U.S. public policy which European companies are forced to carry out within the E.C., if they are not to lose export privileges in the U.S. or to face other sanctions. This is an unacceptable interference in the affairs of the European Community.

11. Furthermore, it is reprehensible that present U.S. regulations encourage non-U.S. companies to submit "voluntarily" to this kind of mobilization for U.S. purposes. Even when submission to a foreign boycott is entirely voluntary, such submission within the U.S. has been considered to be undesirable and contrary to U.S. public policy⁽⁸⁾. By the same token, it must have been evident to the U.S. Government that the statutory encouragement of voluntary submission to U.S. public policy in trade matters within the E.C. is strongly condemned by the European Community. Private agreements should not be used in this way as instruments of foreign policy. If a government in law and in fact systematically encourages the inclusion of such submission clauses in private contracts, freedom of contracts is misused in order to circumvent the limits imposed on national jurisdiction by international law.

It is self-evident, moreover, that the existence of such submission clauses in certain private contracts cannot serve as a basis for U.S. regulatory jurisdiction which can properly be exercised solely in conformity with international law. Nor can a company prevent a State from objecting to any infringement, which might occur, of the jurisdiction of the State to which it belongs.

./.

---

(8) Cf. Section 8 of the Export Administration Act and below under II.A

Продолжение приложения 13

B. Other Bases of Jurisdiction

12. There are two other bases of jurisdiction which might be invoked by the U.S. Government, but which have found less than general acceptance under international law. These are:

- (a) the protective principle (para. 33 of the 2nd Restatement), which would give a State jurisdiction to proscribe acts done outside its territory but threatening its security or the operation of its governmental functions, if such acts are generally recognized as crimes by States with reasonably developed legal systems;
- (b) the so-called "effects doctrine", under which conduct occurring outside the territory but causing direct, foreseeable and substantial effects - which are also constituent elements of a crime or tort - within the territory may be proscribed (para. 18 of the 2nd Restatement).

13. However, it is clear ab initio that the extension of U.S. jurisdiction implicit in the amendments cannot be based on the principles mentioned under 12 (a) or (b).

The "protective principle" has not been invoked by the U.S. Government, since the amendments are based on Section 6 (Foreign Policy Controls) and not on Section 5 (National Security Controls) of the Export Administration Act. The U.S. Government itself, therefore, has not sought to base the amendments on considerations of national security.

The "effects doctrine" is not applicable. It cannot conceivably

./.

Окончание приложения 13

be argued that exports from the European Community to the U.S.S.R. for the Siberian gas pipeline have within the U.S.A. direct, foreseeable and substantial effects which are not merely undesirable, but which constitute an element of a crime or tort proscribed by U.S. law. It is more than likely that they have no direct effects on U.S. trade.

14. For the reasons expounded above, it is clear that the U.S. measures of June 22, 1982 do not find a valid basis in any of the generally recognized - or even the more controversial - principles of international law governing State jurisdiction to prescribe rules. As a matter of fact the measures by their extra-territorial character simultaneously infringe the territoriality and nationality principles of jurisdiction and are therefore unlawful under international law.

./.

Приложение 14. A Bill to End Sanctions (Congressional Record – House)

June 10, 1982

CONGRESSIONAL RECORD — HOUSE

13483

provide for increased participation by the United States in the African Development Fund, which was referred to the House Calendar and ordered to be printed.

A BILL TO END SANCTIONS

(Mr. FINDLEY asked and was given permission to address the House for 1 minute and to revise and extend his remarks and include extraneous matter.)

Mr. FINDLEY. Mr. Speaker, I am introducing today, with my distinguished Foreign Affairs Committee colleague, Dow BOKER, as cosponsor legislation to terminate the U.S. sanctions on the export of oil and gas pipeline equipment to the Soviet Union.

It is clear that these sanctions do not work. In hearings on this matter, representatives of the State Department and key exporters of pipeline equipment testified that the sanctions have not influenced Soviet behavior on Poland or elsewhere. Perhaps Springfield, Ill. UAW President Harry Wells summed it up best when he said,

If the sanctions were lifted we would be able to proceed with business transactions with pipelayers with the Soviet Union. We in our union support the struggle of the Polish workers and the Solidarity Union, and if something could be done that worked and was effective, we would support that. But the trade sanctions, as they are, are just not working.

It is right. The major impact has been to export American jobs and business overseas. Their ineffectiveness stems from the fact that the U.S. sanctions remain unilateral, our allies have not joined us in upholding them. Indeed, these sanctions have provided a windfall for Komatsu of Japan which is gladly taking over the Soviet pipelayer market.

It is ridiculous to continue sanctions of the U.S. export of pipelaying equipment to the Soviet Union when the United States is no longer even pressuring our European allies not to go ahead with the construction of the Soviet gas pipeline. The United States made no attempt to place the Soviet gas pipeline on the agenda of the Economic Summit at Versailles And, as Assistant Secretary of State for Economic Affairs, Robert Hormats said in a recent Foreign Affairs Committee hearing:

I think the pipeline will be built. The question is do we have the capability to prevent its being built, and the probability is we do not. The probability is we do not have much capability to delay it.

It would, therefore, be a foreign policy travesty and an economic injustice to continue these pipeline sanctions. The United States should be putting in place an effective way to convince the Soviet Union to respect

U.S. interests: a strong U.S. defense and a coordinated effort with our allies to restrict credits and subsidies for the Soviet Union. The answer to influencing Soviet behavior in Poland is a multi-lateral, unified Allied effort. The answer is not in imposing sanctions on U.S. goods while Japanese and European sales of the very same goods to the U.S.S.R. remain unfettered.

I believe that there will be action on this legislation in the near future and urge my colleagues in the House to support this effort.

Text of bill follows:

H.R. 6566

A bill to amend the Export Administration Act of 1979 to terminate certain export controls on goods or technology for the construction of oil or gas pipelines or pipeline facilities

Be it enacted by the Senate and House of Representatives of the United States of America in Congress assembled, That section 6 of the Export Administration Act of 1979 (50 U.S.C. App. 2405) is amended by adding at the end thereof the following new subsection:

“(1) **TERMINATION OF CERTAIN CONTROLS.**—No export controls imposed under this section on goods or technology for the construction of oil or gas pipelines or pipeline facilities shall be effective on or after the date of the enactment of this subsection.”.

THE LATE SATCHEL PAIGE

(Mr. WINN asked and was given permission to address the House for 1 minute and to revise and extend his remarks.)

Mr. WINN. Mr. Speaker, Joe DiMaggio called him one of the greatest pitchers he had ever faced. Bill Vecek, his first major league boss, said he was the best ever.

Satchel Paige was truly a legend in his own time. Despite years of obscurity in the Negro leagues, he is remembered as a master of the art of pitching. Sadly, Satchel died the other day at the age of 73 in my hometown of Kansas City where he played for the Monarchs.

It is difficult to get a handle on Satchel's career because of the sketchy statistics kept during his 22 years in the Negro leagues. It is estimated that he pitched in as many as 125 games a season, throwing every imaginable pitch known to man. When he entered the big leagues in 1948, he immediately lived up to any advance billing associated with a legend by making the Cleveland Indians squad at the age of 42.

In 1960, Satchel accomplished the amazing feat of pitching in a big league game with the Kansas City A's of the American League at the age of 58. He pitched three innings and allowed only one hit.

Satchel was known for some humorous one-liners as well. Many fans are familiar with “Don't look back, some-

one might be gaining on you.” In describing Cool Papa Bell, a teammate of his in the Negro leagues, Satchel said he was so quick that Cool Papa could flick the switch and hop in bed before the lights went out.

We will all miss the great Satchel paige, who in addition to being a great athlete, was an inspiration to black athletes everywhere in every sport.

BANKRUPTCY REFORM NEEDED TO PROTECT FISHERMEN

The SPEAKER pro tempore. Under a previous order of the House, the gentleman from Alaska (Mr. Young) is recognized for 5 minutes.

Mr. YOUNG of Alaska. Mr. Speaker, I am introducing legislation today which would correct a blatant inequity in the Federal Bankruptcy Code which has unfairly penalized U.S. fishermen. This legislation would simply provide fishermen with a degree of protection in bankruptcy cases filed by fish processing firms and would close a loophole in the law which has allowed a few unscrupulous firms to bilk fishermen of millions of dollars.

Of course, it must be emphasized that in Alaska, as elsewhere, the vast majority of processing firms are ethical and follow good business practices. Such firms realize that the longrun survival of both fishermen and processors depends to a large degree on both parties being treated fairly. This is particularly true during difficult economic times and fluctuating markets. Passage of this legislation will not hinder those businesses acting in good faith. It is designed merely to close a loophole in the law and provide fishermen with some protection against firms which would seek short-term gain at their expense by taking advantage of their status as unsecured creditors.

Under current law, fishermen are treated as ordinary creditors of fish processors and are not entitled to protections given secured creditors or employees of the bankrupt firms. Although secured creditors and employees are not guaranteed repayment under the bankruptcy law, they are entitled to priority in payment of debts to be discharged in bankruptcy proceedings. Priority is given to these parties in recognition of their special relationship to the debtor and their justified reliance debts will be repaid.

This legislation would amend title XI of the Bankruptcy Code to provide that priority shall be given to unsecured claims of fishermen. The change in the law would bring it into compliance with many State laws which treat fishermen as labor for purposes of filing materialman liens. Also, the code amendment would help emphasize to new and reorganizing firms that commitments made to fishermen

Приложение 15. Soviet Slave Labor Helps Build Pipeline (фрагмент)

22512

unilateral export sanctions to demonstrate that it is reacting to events in Poland but should derive more effective strategies for influencing global events.

American companies and workers should not be punished by misguided foreign policy efforts. The answer to influencing Soviet behavior in Poland is a multilateral allied effort. Yet these sanctions have created deep division within the Atlantic alliance; they were imposed without consulting our allies and will make it difficult to obtain European agreement on effective ways to influence Soviet behavior in Poland and elsewhere.

Some \$12 billion in immediate U.S. contracts and billions of dollars in follow-on contracts have been lost to overseas competitors such as Komatsu of Japan. Thousands of American workers have lost their jobs.

We should not impose sanctions on U.S. goods while Japanese and European sales of the very same goods to the U.S.S.R. remain unfettered. President Reagan lifted the grain embargo because he said it was creating the image of the United States as an unreliable trading partner. The same applies to these pipeline sanctions.

I would urge my colleagues to vote for H.R. 8838 when it reaches the House floor. The reasons for ending these sanctions are spelled out quite convincingly in the following Christian Science Monitor editorial.

THE PIPELINE SUEWIND

It does not cheer anyone but the Russians that the Western alliance is in such turmoil. Indeed the front-page news that the European Economic Community has officially protested the American ban on sales of pipeline equipment to the Soviet Union as "unacceptable interference" evokes sadness. Allies are not expected to march in step at every twist and turn, but when a falling out reaches the point of formal protest note it concerns all who value allied cooperation as a strong bulwark against Sovietism. President Reagan will want to find a way out of the uncomfortable position in which the United States now finds itself.

As he takes up the EC protest, a number of questions need to be addressed:

Will the U.S. sanctions delay the natural gas pipeline as hoped? The Europeans assert it is "unlikely" construction will be materially delayed. So the U.S., if it persists in its ban, would be making a cause célèbre of something that is bound to occur anyway.

Is the ban legal? The administration claims that it is, but the EC says it violates international law and possibly some "rules and principles" of U.S. law. Only international lawyers can argue out this complex subject but, even if the U.S. decides it has a solid legal case, it will have to ask whether pursuing the ban is worth the political cost.

What will the U.S. sanctions do to the credibility of American business? One worst-case fallout of the ban is that West European firms are questioning the reliability of deals with U.S. firms when political considerations are permitted to intrude so strongly.

Will Siberian gas create a dangerous West European dependency on the Soviet Union?

EXTENSIONS OF REMARKS

The issue is not minor. But the EC argues that, even when flowing at the maximum rate in 1990, it will account for less than 4 percent of the EC's total consumption of energy from all sources.

Will the U.S. ban appreciably hurt the Soviet economy? The West Europeans contend it will only spur the Soviets to accelerate development of their own technology, a view for which there is an historical precedent. In the mid-'40's when the U.S. successfully blocked West German sales of wide-diameter pipe to the Soviet Union following the Cuban missile crisis, the Russians proceeded to develop their own—and even larger—pipe.

Most important of all, will the pipeline sanctions really affect the situation in Poland? This is Mr. Reagan's principal argument, yet it is a weak one. It is naive to think that the Soviet leadership will let Western economic arm-twisting dictate its policy in Poland, where it has overriding strategic and political interests. Martial law will be lifted only when the Polish military leaders and their Soviet patrons feel the communist system is no longer threatened.

There can be no benefit in a U.S.-European showdown. If the administration persists in its course, it may find future American exhortations being ignored when they concern matters of far more strategic importance. It will not be easy politically for Mr. Reagan to reverse course and cancel the pipeline ban, but the fact that the Polish authorities have eased some martial law restrictions provides him an out.

For the sake of allied harmony, the U.S. must end the pipeline confrontation—and then proceed with its partners to work out new and stronger guidelines for East-West trade. The pipeline controversy is not the cause of disunity in the alliance but only a symptom of it. The need is to get quickly to the larger question of the rules by which the West conducts business with the Soviet Union.

SOVIET SLAVE LABOR HELPS BUILD PIPELINE

HON. WM. S. BROOMFIELD

OF NEW JERSEY

IN THE HOUSE OF REPRESENTATIVES

Wednesday, August 18, 1982

Mr. Speaker, the wisdom of President Reagan's opposition to the Soviet Union's European gas pipeline is clearer each day—and the President's ban on the use of American technology and equipment for pipeline construction was conceived as a protest against Soviet repression and human rights violations in Poland.

Now, ironically, it turns out the building of the pipeline itself has spawned an entirely new human rights tragedy of major proportions.

Day-by-day reports are filtering out of the Soviet Union confirming the use of thousands of political prisoners to construct the 3,600-mile pipeline under slave-labor conditions.

The International Society for Human Rights estimates as many as 100,000 prisoners, including political, civil rights, and religious dissidents, are being used as Gulag forced labor.

August 19, 1988

Other estimates predict that as many as 500,000 Vietnamese and others in 2,000 slave-labor camps across the Soviet Union will be pressed into the pipeline work force.

So serious are the charges, Mr. Speaker, that reasonable members of the French and German Governments have called for an investigation by impartial, independent international organizations.

Yet I am amazed, Mr. Speaker, that anyone is surprised by these charges.

As the West German news magazine, Der Spiegel, commented, Soviet industry has been built "on the bones of millions of forced laborers."

What is surprising is that so many are able to turn a blind eye to these massive human rights atrocities to accommodate their own parochial economic interests.

Mr. Speaker, the President is right in his decision to ban U.S. participation in the pipeline project, and he deserves our support.

The Soviet record of repression in Poland, in Afghanistan, and of its own political and religious dissidents demands that we do no less.

HONORING JOHN M. ASHBROOK

HON. CHRISTOPHER H. SMITH

OF NEW JERSEY

IN THE HOUSE OF REPRESENTATIVES

Wednesday, August 18, 1982

Mr. Speaker, the memory of John Ashbrook—his spirit and his love for life—continues to inspire those who have known him.

By his fellow Members of Congress, John has been remembered as a great patriot who never gave up his deep belief in old-fashioned American values. To those in the pro-life movement, John is remembered as a champion of human rights—a dedicated spokesman for the innocent victims of abortion on demand.

In recognition of his strong devotion to respect for human life, the Board of Directors of the National Right to Life Committee, Inc., passed a resolution honoring John Ashbrook last month. The resolution also passed during the July 17 general session of the National Right to Life Convention in Cherry Hill, N.J.

On behalf of the millions of Americans who feel so strongly for his brave man and his family, I am submitting this resolution into the Congressional Record. We know that John rests in peace with the Lord. He will not be forgotten by the Members of this body, or by those who have long admired his service to our Nation.

Приложение 16. House Vote N° 707, 1982-09-29, to H.R. 6838 (фрагмент)

<small> A BILL (H.R. 6838) CONCERNING BANK TITLES ON THE SUBJECT MATTER THE REVISIONS OF THE FEDERAL RESERVE ACT IN ACCORDANCE WITH THE PROVISIONS OF THE FEDERAL RESERVE ACT AS AMENDED BY PUBLIC LAW 97-170 (1982) </small>		<small> AND RELATED EQUIPMENT AND CONSTRUCTION OF THE FEDERAL RESERVE </small>		<small> PROVIDED THAT WITHIN THE 90 DAYS THE PRESIDENT CERTIFY TO THE COMRADES THAT THE JOINT RESOLUTION IS NOT BEING FORWARDED UNDER THE CURRENT CONSTRUCTION PROJECTS (NOTION-PAPER) </small>	
<small> HOUSE VOTE (707/1982) ON 1982-09-29 TO RECONSIDER H.R. 6838 </small>	<small> IN 90 DAYS THE JOINT RESOLUTION OR CONSENT TO BE FORWARDED </small>	<small> MEMBER DISTRICT </small>	<small> VOTE </small>	<small> MEMBER NAME </small>	<small> PARTY </small>
300001	HI	2	Nay	Rep. Daniel Akaka [D, 1977-1990]	Democrat
300012	LA	7	Nay	Rep. John Breaux [D, 1971-1986]	Democrat
300029	ID	1	Yes	Rep. Larry Craig [R, 1981-1990]	Republican
300031	SD	1	Nay	Rep. Thomas ванТомасък Daschle [D, 1979-1982]	Democrat
300037	ND	0	Nay	Rep. Byron Dorgan [D, 1981-1992]	Democrat
300049	NH	2	Yes	Rep. Judd Gregg [R, 1981-1988]	Republican
300051	IA	5	Nay	Rep. Thomas ванТомасък Harkin [D, 1975-1984]	Democrat
300057	VT	0	Nay	Rep. James ванТомасък Jeffords [R, 1975-1988]	Republican
300069	MS	5	Yes	Rep. Trent Lott [R, 1973-1988]	Republican
300073	MD	3	Yes	Rep. Barbara Mikulski [D, 1977-1986]	Democrat
300078	FL	9	Yes	Rep. Bill Nelson [D, 1979-1982]	Democrat
300083	KS	1	Nay	Rep. Pat Roberts [R, 1981-1996]	Republican
300087	NY	16	Nay	Rep. Charles ванЧуксък Schumer [D, 1981-1982]	Democrat
300089	AL	7	Yes	Rep. Richard Shelby [D, 1979-1986]	Democrat
300091	ME	2	Nay	Rep. Olympia Snowe [R, 1979-1994]	Republican
300100	OR	3	Nay	Rep. Ron Wyden [D, 1981-1996]	Democrat
300159	TX	6	Yes	Rep. Phil Gramm [D, 1979-1984]	Democrat
400023	NE	1	Yes	Rep. Douglas ванДугласък Bereuter [R, 1979-2004]	Republican
400080	MI	1	Yes	Rep. John Conyers Jr. [D, 1965-1992]	Democrat
400085	IL	12	Yes	Rep. Philip ванФилаък Crane [R, 1973-1992]	Republican
400109	WA	6	Nay	Rep. Norman ванНорманък Dicks [D, 1977-2012]	Democrat
400110	MI	16	Nay	Rep. John Dingell [D, 1965-2002]	Democrat
400115	CA	35	Yes	Rep. David Dreier [R, 1981-1982]	Republican
400140	MA	4	Yes	Rep. Barney Frank [D, 1981-2012]	Democrat
400143	TX	24	Nay	Rep. Jonas ванМартинък Frost III [D, 1979-2004]	Democrat
400146	MO	3	Nay	Rep. Richard ванРичардък Gephardt [D, 1977-2004]	Democrat
400165	TX	4	Nay	Rep. Ralph Hall [D, 1981-2014]	Democrat
400189	MD	5	Nay	Rep. Steny Hoyer [D, 1981-2016]	Democrat
400191	CA	42	Yes	Rep. Duncan Hunter [R, 1981-1982]	Republican
400192	IL	6	Yes	Rep. Henry Hyde [R, 1975-2006]	Republican
400216	MI	7	Nay	Rep. Dale Kildee [D, 1977-1992]	Democrat
400231	CA	11	Nay	Rep. Tom Lantos [D, 1981-1992]	Democrat
400236	IA	1	Nay	Rep. James ванТомасък Leach [R, 1977-2002]	Republican
400239	CA	37	Yes	Rep. Jerry Lewis [R, 1979-1982]	Republican
400253	MA	7	Nay	Rep. Edward ванЕдвардък Markey [D, 1975-2012]	Democrat
400256	CA	3	Nay	Rep. Robert Matsui [D, 1979-1992]	Democrat
400278	CA	7	Nay	Rep. George Miller [D, 1975-2012]	Democrat
400286	PA	12	Yes	Rep. John Murtha [D, 1973-2010]	Democrat
400299	MN	8	Nay	Rep. James Oberstar [D, 1975-2010]	Democrat
400300	WI	7	Nay	Rep. David ванДавенък Obey [D, 1969-2010]	Democrat
400307	OH	4	Nay	Rep. Michael Oxley [R, 1981-2006]	Republican
400311	TX	22	Nay	Rep. Ronald ванРоналък Paul [R, 1979-1984]	Republican
400318	WI	6	Yes	Rep. Thomas ванТомасък Petri [R, 1979-2014]	Republican
400331	WV	4	Yes	Rep. Nick Rahall II [D, 1977-1992]	Democrat
400333	NY	19	Nay	Rep. Charles ванЧарльзък Rangel [D, 1973-1982]	Democrat
400334	OH	16	Yes	Rep. Ralph Regula [R, 1973-2008]	Republican
400340	KY	5	Yes	Rep. Harold ванХаролдък Rogers [R, 1981-2016]	Republican
400354	MN	5	Nay	Rep. Martin Sabo [D, 1979-2006]	Democrat
400365	WI	9	Yes	Rep. James Sensenbrenner Jr. [R, 1979-2002]	Republican
400369	FL	12	Nay	Rep. Clay Shaw Jr. [R, 1981-1982]	Republican
400374	PA	9	Yes	Rep. Elmer ванЕлмерък Shuster [R, 1973-2001]	Republican
400377	MO	4	Not Voting	Rep. Ike Skelton [D, 1977-2010]	Democrat
400380	NJ	4	Yes	Rep. Christopher ванКрисък Smith [R, 1981-2016]	Republican
400387	CA	9	Nay	Rep. Fortney ванПетевък Stark [D, 1975-1992]	Democrat
400389	TX	17	Yes	Rep. Charles ванЧарльзък Stenholm [D, 1979-2004]	Democrat
400397	LA	3	Nay	Rep. William ванВильямък Tauzin [D, 1979-2004]	Democrat
400401	CA	18	Nay	Rep. William ванВильямък Thomas [R, 1979-1982]	Republican
400425	CA	24	Yes	Rep. Henry Waxman [D, 1975-1992]	Democrat
400435	VA	10	Yes	Rep. Frank Wolf [R, 1981-2014]	Republican

Приложение 17. Annex to The Soviet Gas Pipeline in Perspective

DECLASSIFIED Authority NND 943054

~~SECRET~~

ANNEX

SOVIET DEPENDENCE ON US AND WESTERN OIL AND GAS EQUIPMENT

Exploration Equipment

1. Having drilled most of their easily accessible deposits, the Soviets now need Western seismic and well-logging technology to accelerate discovery of additional oil reserves for the remainder of the century. Soviet exploration equipment, however, with its dated technology and limited data-processing capabilities is poorly suited to the exploration of complicated geologic areas such as the potential petroleum-bearing regions in East Siberia, as well as to finding oil and gas in smaller, subtle geologic formations in the West Siberian basin. Soviet equipment is also inadequate for efficient offshore exploration, drilling, and production, lacking particularly the sophisticated positioning, stabilizing, and seabed production capabilities of Western equipment.

2. Western geophysical equipment would help the Soviets explore deeper, hard-to-find subtle traps. Modern Western seismograph software and hardware—digital recorders, cable, geophones, computers, field processors—would enable them to increase their processing capability and better locate potential hydrocarbon traps. Western well-logging equipment for drilling-fluid analysis and final borehole evaluation would improve both drilling efficiency and oil discovery rates.

Magnetometers and Gravity Meters

3. This equipment involves highly sophisticated sensing technology and data-processing capability. Remote areas, such as East Siberia, will be difficult to explore without this equipment. The USSR's technology in this area is perhaps 10 years behind that of the West. Skania of Sweden is the only known producer of this equipment outside the potential embargo group, and it is a small producer.

Seismic Equipment

4. Improved seismic equipment is necessary if the Soviets are to find smaller and deeper oil and gas

deposits. The lack of this equipment will limit Soviet production five to seven years from now, as well as further in the future. If the Soviets try to develop their own seismic capability, the oil industry will need improved computer technology and additional R&D resources. Seismic equipment is available elsewhere, but the data-processing capability is closely held by Western firms.

Well-Logging Equipment

5. Improved well-logging equipment could greatly aid the Soviets in identifying and assessing new oil and gas deposits. As is the case with seismic equipment, well-logging tools could be produced within one to two years in countries outside the Western embargo group, but the all-important software, which is more tightly controlled, would not be available.

Drilling Equipment

6. Development of geologically complex and deep oil and gas reserves is consuming an increasing share of scarce resources throughout the USSR. In general, however, Soviet drilling equipment, characterized by poor metallurgy and manufacturing technology, is at a disadvantage relative to new Western equipment in working such deposits. Reservoirs of more than 3,000 meters are considered too deep for present Soviet turbodrills. A sustained embargo could substantially slow oil production in the early 1990s. Western blow-out preventers and remote hydraulic controls are indispensable for controlling high pressure, corrosive gas when exploring and exploiting deep reserves. Western drill pipe, collars, and tool joints would be lighter and stronger and provide improved efficiency in deep drilling operations. These items would effectively extend the depth capability of existing rigs by at least 25 to 33 percent. Improved Western tungsten-carbide insert bits with sealed journal bearings would provide the Soviets with state-of-the-art cutting and bearing technology. The latter features determine

~~SECRET~~

~~UNCLASSIFIED~~

SYSTEM II
90920

~~SECRET/SENSITIVE~~

SUMMARY OF CONCLUSIONS (U)

During conversations in Washington between the Secretary of State of the United States of America and representatives of Canada, the Federal Republic of Germany, France, Italy, Japan and the United Kingdom on the subject of East-West relations, in which representatives of the EEC participated, a certain number of conclusions have been reached on behalf of the governments represented. The summary of these follows. (S)(u)

1. They recognize the necessity of conducting their relations with the USSR and Eastern Europe on the basis of a global and comprehensive policy designed to serve their common fundamental security interests. They are particularly conscious of the need that action in the economic field be consistent with that global and comprehensive policy and thus be based on a common approach. They are resolved together to take the necessary steps to remove differences and to ensure that future decisions by their governments on these issues are taken on the basis of an analysis of the East-West relationship as a whole, with due regard for their respective interests and in a spirit of mutual trust and confidence. (S)(u)

2. The following criteria should govern the economic dealings of their countries with the Soviet Union and Eastern European countries:

-- That they will not undertake trade arrangements, or take steps, which contribute to the military or strategic advantage and capabilities of the USSR.

-- That it is not in their interest to subsidize the Soviet economy; trade should be conducted in a prudent manner without preferential treatment.

-- That it is not their purpose to engage in economic warfare against the Soviet Union. To be consistent with our broad security interests, trade with the USSR must proceed, inter alia, on the basis of a strict balance of advantages. (S)(u)

~~SECRET/SENSITIVE~~

~~SECRET~~
~~UNCLASSIFIED~~

1F of 13 copies

Окончание приложения 18

SECRET

~~SECRET/SENSITIVE~~

- 2 -

It is agreed to examine thoroughly in the appropriate bodies how to apply these criteria, taking into account the various economic and political problems involved, with the view to agreeing on a common line of action in the spirit of paragraph one and the above criteria. They will pay due attention in the course of this work to the question of how best to tailor their economic relations with Eastern European countries to the specific situation of each of them, recognizing the different political and economic conditions that prevail in each of these Eastern European countries. (S)(u)

The overall analysis of economic relations with the USSR and the Eastern European countries will touch in particular on the following areas:

- Strategic goods and technology of military significance (COCOM);
- Other high technology items;
- Credit policy;
- Energy;
- Agricultural products. (S)(u)

In their analysis of other high technology items, it is agreed to examine immediately whether their security interests require controls, to be implemented in an agreed and appropriate manner, on the export to the Soviet Union and Eastern Europe of advanced technology and equipment to be jointly determined. This immediate examination of whether their security interests require controls, to be implemented in an agreed and appropriate manner, on the export to the Soviet Union and Eastern Europe of advanced technology and equipment will include technology and equipment with direct applications to the oil and gas sector. (S)(u)

In the field of energy, they will initiate a study of their projected energy requirements and dependence upon imports over the next decade and beyond and possible means of meeting these requirements, with particular attention being given to the European energy situation. The study will be conducted under the auspices of the OECD. (S)(u)

~~SECRET/SENSITIVE~~SECRET
UNCLASSIFIED

13 of 13 copies

Приложение 19: President's Radio Address on East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions

THE PRESIDENT

East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions

President Reagan's radio address to the nation on November 13, 1982.¹

During the campaign 2 years ago, I spoke of the need for the United States to restore the balance in our relationship with the Soviet Union. For too many years we had stood still while the Soviets increased their military strength and expanded their influence from Afghanistan to Ethiopia and beyond. I expressed a belief, which you seemed to share, that it was time for the United States to chart a new course. Since then, we've embarked upon a building of our defense forces in order to strengthen our security and, in turn, to strengthen the prospects for peace. We still have a long way to go. But the fact that we've started on a new course has enabled us to propose the most comprehensive set of proposals for arms reduction and control in more than a quarter of a century. It's always been my belief that if the Soviets knew we were serious about maintaining our security, they might be more willing to negotiate seriously at the bargaining table.

In the near future, I will be speaking to you in more detail about this matter of arms control and, more importantly, arms reductions. But right now I have something in the nature of news I'd like to bring you.

The balance between the United States and the Soviet Union cannot be measured in weapons and bombers alone. To a large degree, the strength of each nation is also based on economic strength. Unfortunately, the West's economic relations with the U.S.S.R. have not always served the national security goals of the alliance.

The Soviet Union faces serious economic problems. But we—and I mean all of the nations of the free world—have helped the Soviets avoid some hard economic choices by providing preferential terms of trade, by allowing them to acquire militarily relevant technology, and by providing them a market for their energy resources,

even though this creates an excessive dependence on them. By giving such preferential treatment, we've added to our own problems—creating a situation where we have to spend more money on our defense to keep up with Soviet capabilities which we helped create.

Since taking office, I have emphasized to our allies the importance of our economic as well as our political relationship with the Soviet Union. In July of 1981 at the economic summit meeting in Ottawa, Canada, I expressed to the heads of state of the other major Western countries and Japan my belief that we could not continue conducting business as we had. I suggested that we forge a new set of rules for economic relations with the Soviet Union which would put our security concerns foremost. I wasn't successful at that time in getting agreement on a common policy.

Then, in December of 1981, the Polish Government, at Soviet instigation, imposed martial law on the Polish people and outlawed the Solidarity union. This action showed graphically that our hopes for moderation in Soviet behavior were not likely to be fulfilled.

In response to that action, I imposed an embargo on selected oil and gas equipment to demonstrate our strong opposition to such actions and to penalize this sector of the Soviet economy which relies heavily on high technology, much of it from the United States. In June of this year I extended our embargo to include not only U.S. companies and their products but subsidiaries of U.S. companies abroad and on foreign licensees of U.S. companies.

It's no secret that our allies don't agree with this action. We stepped up our consultations with them in an effort to forge an enduring, realistic, and security-minded economic policy toward the Soviet Union. These consultations have gone on over a period of months.

I'm pleased today to announce that the industrialized democracies have this morning reached substantial agreement on a plan of action. The understanding we've reached demonstrates that the Western alliance is fundamentally united and intends to give consideration to

strategic issues when making decisions on trade with the U.S.S.R.

As a result, we have agreed not to engage in trade arrangements which contribute to the military or strategic advantage of the U.S.S.R. or serve to aid preferentially the heavily militarized Soviet economy. In putting these principles into practice, we will give priority attention to trade in high technology products, including those used in oil and gas production. We will also undertake an urgent study of Western energy alternatives, as well as the question of dependence on energy imports from the Soviet Union.

In addition, we've agreed on the following immediate actions.

First, each partner has affirmed that no new contracts for the purchase of Soviet natural gas will be signed or approved during the course of our study of alternative Western sources of energy.

Second, we and our partners will strengthen controls on the transfer of strategic items to the Soviet Union.

Third, we will establish without delay procedures for monitoring financial relations with the Soviet Union and will work to harmonize our export credit policies.

The understanding we and our partners have reached and the actions we are taking reflect our mutual determination to overcome differences and strengthen our cohesion. I believe this new agreement is a victory for all the allies. It puts in place a much needed policy in the economic area to complement our policies in the security area.

As I mentioned a moment ago, the United States imposed sanctions against the Soviet Union in order to demonstrate that their policies of oppression would entail substantial costs. Now that we've achieved an agreement with our allies which provides for stronger and more effective measures, there is no further need for these sanctions, and I am lifting them today.

The process of restoring a proper balance in relations with the Soviet Union is not ended. It will take time to

THE PRESIDENT

make up for the losses incurred in past years. But acting together, we and our allies are making major progress. And I'm happy to say the prospects for peace are brighter.

I have just returned to the White House from the Soviet Embassy, where I signed the book of condolence for President Brezhnev. New leaders are

coming to power in the Soviet Union. If they act in a responsible fashion, they will meet a ready and positive response in the West.

¹Text from Weekly Compilation of Presidential Documents of Nov. 22, 1982, which also carries an informal question-and-answer session with reporters following the address ■

International Free Trade

President Reagan's radio address to the nation broadcast from Camp David, Maryland, on November 20, 1982.¹

I've talked to you on a number of occasions about the economic problems and opportunities our nation faces. Well, as you've probably heard on news reports, America's problems are not unique.

Other nations face very severe economic difficulties. In fact, both developed and developing countries alike have been in the grip of the longest worldwide recession in postwar history. And that's bad news for all of us. When other countries don't grow, they buy less from us, and we see fewer jobs created at home. When we don't grow, we buy less from them, which weakens their economies and, of course, their ability to buy from us. It's a vicious cycle.

You can understand the danger of worldwide recession when you realize how much is at stake. Exports account for over 5 million jobs in the United States. Two out of every 5 acres planted by American farmers produce crops for exports. But because of their recessions, other countries are buying fewer American farm products than last year. Our farmers are hurting—and they're just one group.

So we are trying to turn this situation around. We're reminding the world that, yes, we all have serious problems. But our economic system—based on individual freedom, private initiative, and free trade—has produced more human progress than any other in history. It is in all of our interests to preserve it, protect it, and strengthen it.

We are reminding our trading partners that preserving individual freedom and restoring prosperity also requires

free and fair trade in the marketplace. The United States took the lead after World War II in creating an international trading and financial system that limited government's ability to disrupt free trade across borders. We did this because history had taught us an important lesson: Free trade serves the cause of economic progress, and it serves the cause of world peace.

When governments get too involved in trade, economic costs increase and political disputes multiply. Peace is threatened. In the 1930s, the world experienced an ugly specter—protectionism and trade wars and, eventually, real wars and unprecedented suffering and loss of life.

There are some who seem to believe that we should run up the American flag in defense of our markets. They would embrace protectionism again and insulate our markets from world competition. The last time the United States tried that, there was enormous economic distress in the world. World trade fell by 60% and young Americans soon followed the American flag into World War II.

I'm old enough and, hopefully, wise enough not to forget the lessons of those unhappy years. The world must never live through such a nightmare again.

We're in the same boat with our trading partners. If one partner shoots a hole in the boat, does it make sense for the other one to shoot another hole in the boat? Some say, yes, and call that getting tough. Well, I call it stupid. We shouldn't be shooting holes; we should

be working together to plug them up. We must strengthen the boat of free markets and fair trade so it can lead the world to economic recovery and greater political stability.

And here's how we're working to do that: We insist on sound domestic policies at home that bring down inflation, and we look to others for no less in their own economies. The International Monetary Fund—the institution that deals with world financial issues—seeks to encourage its member countries to follow sound domestic policies and avoid government restrictions on international trade and investment to foster economic development and raise their people's standard of living.

We remind other countries that as the United States helps to lead the world out of this recession, they will benefit as we buy more goods from them. This will enable them to grow and buy more goods from us. And that will mean more jobs all around. That is the way of free markets and free trade. We must resist protectionism because it can only lead to fewer jobs for them and fewer jobs for us.

In just 4 days, the trade ministers of virtually all the free world countries will meet in Geneva, Switzerland. They will seek ways to surmount challenges to the integrity of our international economic system. We were instrumental in convening this international meeting because we believe strongly that our trading system is at a crossroads. Either free world countries go forward and sustain the drive toward more open markets or they risk sliding back toward the mistakes of the 1930s and succumbing to the evils of more and more government intervention. And this is really no choice at all.

The United States will reject protectionist and defeatist proposals. Instead, we will set new goals and lay out a program for limiting government intervention in world markets. We will lead with a clear sense of our own commercial interests and a quiet determination to defend these interests. We will take actions at home and abroad which enhance the ability of U.S. industries to compete in international trade.

requests" of airline personnel, was also questioned by Justice. The third paragraph presently states that any "request by airline personnel that is inconsistent with this part or beyond standard practices will not be considered reasonable for the purposes of this part." Justice expressed concern about the effect of the phrase "beyond standard practices" as a basis for determining whether an airline request was reasonable.

In the preamble to the final rule, 47 FR at 25909, the Board explained that a request "beyond standard practices" is one based on an "arbitrary or impulsive reaction of a particular employee to a particular passenger." The Board further explained that the prohibition on requests that are beyond standard practices did not preclude airline personnel from making requests of handicapped passengers that they do not make of all passengers, provided that the request was based "on reasonable company policies related to the provision of air transportation." Requesting that some handicapped persons not all in exit rows was given as an example of such a request. To clarify the matter in the rule, the phrase "beyond standard practice" has been deleted. Instead, requests of airline personnel must be safety-related or necessary for the provision of air transportation to be considered reasonable.

There are two sections in the rule that involve the advance notice requirement. The second sentence of § 382.13(c) permits carriers to "establish reasonable advance notice requirements of up to 48 hours for the provision of extensive special assistance." Extensive special assistance includes such items as medical oxygen for on-board use and boarding and deplaning assistance. Section 382.13(d) authorizes an airline to refuse transportation to a person who fails to comply with these advance notice requirements if "the necessary equipment or personnel cannot, by reasonable efforts, be made available without delaying the flight."

Although § 382.13(d) makes clear that failure to give the proper notice will not justify a refusal of service if the necessary personnel or equipment can otherwise be made available, a reading of § 382.13(c) alone might give the opposite impression. To avoid any misunderstanding on this issue, a phrase has been added to that paragraph stating that an airline may not refuse extensive special assistance to a handicapped person even though that person gave less than 48 hours' notice if

the airline is able to provide the assistance on the lesser notice given.

Since these amendments are interpretative in nature, the Board finds that notice and public comment are unnecessary and that the rule may take effect on less than 30 days' notice.

List of Subjects in 14 CFR Part 382

Air carriers. Civil Rights. Grant programs—transportation. Handicapped. Hazardous materials transportation.

PART 382—(AMENDED)

Accordingly, the Civil Aeronautics Board amends 14 CFR Part 382, *Nondiscrimination on the Basis of Handicap*, as follows:

The authority for Part 382 is:

Authority: Section 504, Pub. L. 93-112, 67 Stat. 394, 28 U.S.C. 794, Secs. 204, 401, 404, 405, 407, 418, 419, Pub. L. 95-723, as amended, 72 Stat. 743, 754, 760, 763, 768, 771, 82 Stat. 1732, 49 U.S.C. 1324, 1371, 1374, 1376, 1377, 1396, 1399; E.O. 11914, 41 FR 17971.

2. Paragraph (c) of § 382.3 is revised and a new paragraph (d) is added as follows:

§ 382.3 Definitions.

(c) "Qualified handicapped person" means, with respect to the provision of air transportation, a handicapped person—

- (1) Who tenders payment for air transportation;
- (2) Whose carriage will not violate the requirements of the Federal Aviation Regulations (Chapter 1 of this title) or, in the reasonable expectation of carrier personnel designated under § 382.13(e), jeopardize the safe completion of the flight or the health or safety of other persons; and
- (3) Who is willing and able to comply with reasonable requests of airline personnel or, if not, is accompanied by a responsible adult passenger who can ensure that the requests are complied with. A request will not be considered reasonable if—

- (i) It is inconsistent with this part; or
- (ii) It is neither safety-related nor necessary for the provision of air transportation.

(d) "Qualified handicapped person" means, with respect to the provision of related services, a handicapped person who meets the essential eligibility requirements for receipt of those services.

3. Introductory text of section and paragraph (a) of § 382.5 are revised by changing the word "passenger" to "persons," as follows:

§ 382.5 General discriminatory practices

A carrier subject to this part shall not, directly or through contractual, licensing, or other arrangement, on the basis of handicap—

- (a) Exclude a qualified handicapped person from or deny that person the benefit of any air transportation or related services that are available to other persons, even if there is separate or different service available for handicapped persons; or

4. Introductory text paragraph (c) of § 382.13 is revised, as follows:

§ 382.13 Availability of service and equipment.

- (c) Carriers shall not establish advance notice requirements for the carriage of handicapped passengers who will not need extensive special assistance from the carrier. Carriers may establish reasonable advance notice requirements of up to 48 hours for the provision of extensive special assistance, except that the carrier may not refuse to provide such assistance on the ground of inadequate notice if the service or equipment is available with the lesser notice given. For the purposes of this paragraph, extensive special assistance includes—

By the Civil Aeronautics Board,
Phyllis T. Kaylor,
Secretary.

[FR Doc. 83-21858 Filed 11-11-82; 845 pm]
82, LIND CODE 5330-0-4E

DEPARTMENT OF COMMERCE
International Trade Administration

(Docket No. 21116-228)
15 CFR Parts 379, 385, 390, and 398

Revision of Export Controls Affecting the U.S.S.R. and Poland

AGENCY: Office of Export Administration, International Trade Administration, Commerce
ACTION: Final rule.

SUMMARY: At the direction of the President, this rule revisits controls imposed on the U.S.S.R. and Poland by rules effective December 30, 1981 (47 FR 141 and 144, January 6, 1982) and June 22, 1982 (47 FR 27250, June 24, 1982).

DATE: Effective 1:00 p.m. S.E.T. November 13, 1982.

FOR FURTHER INFORMATION CONTACT: Archie Andrews, Director, Exporters'

Приложение 21. 52 Federal Register, № 14, 2500 (фрагмент)

2500 Federal Register / Vol. 52, No. 14 / Thursday, January 22, 1987 / Rules and Regulations

DEPARTMENT OF COMMERCE

International Trade Administration

15 CFR Parts 371, 373, 376, 378, 385, and 399

[Docket No. 70111-7011]

Extension of Foreign Policy Controls and Removal of Restrictions on Exports of Oil and Gas Equipment to the Soviet Union

AGENCY: Export Administration, International Trade Administration, Commerce.

ACTION: Final rule; notice of extension of foreign policy controls.

SUMMARY: On January 20, 1987, the Department of Commerce, with the concurrence of the Secretary of State and in consultation with other Departments and Agencies, submitted a report to the Congress extending foreign policy controls as required by section 6(f) of the Export Administration Act of 1979, as amended (the Act). Under the Act, foreign policy controls expire annually unless extended. With one exception, all foreign policy controls in effect as of January 20, 1987, were extended. Not included in the extension were the foreign policy-based controls on exports of non strategic oil and gas equipment and related technical data to the Union of Soviet Socialist Republics. These controls, which were imposed in 1976, are being removed because they do not meet the criteria for extension established by the Congress, and they have resulted in harm to significant U.S. economic interests. Specifically, widespread foreign availability of oil and gas equipment and technology and the negative impact of the controls on the U.S. oil and gas industry have eroded the effectiveness of these controls. There is strong public support for the removal of the controls, as evidenced in comments recently received by the Department of Commerce in response to a request published in the Federal Register on October 19, 1986 (51 FR 36702), for comments on the effect of foreign policy-based export controls. The public record of these comments is maintained at the address listed below.

EFFECTIVE DATE: January 21, 1987

ADDRESS: The public record of comments on the October 15, 1986 proposed rule is maintained in the International Trade Administration Freedom of Information Records Inspection Facility, Room 4104, U.S. Department of Commerce, 14th Street and Pennsylvania Avenue, NW., Washington, DC 20230. Information

about the inspection and copying of the public comments may be obtained from Patricia Mann, International Trade Administration Freedom of Information Officer, at the above address or by calling (202) 377-3031.

FOR FURTHER INFORMATION CONTACT: Glenn Schroeder, Country Policy Branch, Export Administration, Department of Commerce, Washington, DC (Telephone: (202) 377-3180).

SUPPLEMENTARY INFORMATION:

Rulemaking Requirements

1. Because this rule concerns a foreign affairs function of the United States, it is not a rule or regulation within the meaning of section 1(a) of Executive Order 12291, and it is not subject to the requirements of that Order. Accordingly, no preliminary or final Regulatory Impact Analysis has to be or will be prepared.

2. Section 12(a) of the Export Administration Act of 1979, as amended (50 U.S.C. App. 2412(a)), exempts this rule from all requirements of section 553 of the Administrative Procedure Act (APA) (5 U.S.C. 553), including those requiring publication of a notice of proposed rulemaking, an opportunity for public comment, and a delay in effective date. This rule is also exempt from these APA requirements because it involves a foreign affairs function of the United States. Further, no other law requires that notice of proposed rulemaking and an opportunity for public comment be given for this rule. Accordingly, it is being issued in final form. However, as with other Department of Commerce rules, comments from the public are always welcome. Written comments (six copies) should be submitted to: Joan McGuire, Regulations Branch, Export Administration, U.S. Department of Commerce, P.O. Box 273, Washington, DC 20044.

3. Because a notice of proposed rulemaking and an opportunity for public comment are not required to be given for this rule by section 553 of the Administrative Procedure Act (5 U.S.C. 553), or by any other law, under sections 603(a) and 604(a) of the Regulatory Flexibility Act (5 U.S.C. 603(a) and 604(a)) no initial or final Regulatory Flexibility Analysis has to be or will be prepared.

4. This rule involves collections of information subject to the requirements of the Paperwork Reduction Act of 1980, 44 U.S.C. 3507 *et seq.* However, this rule reduces the regulatory burden on exporters because it eliminates the individual validated license requirement for exports of certain oil and gas equipment and related technical data to

the Soviet Union, as well as eliminating the written assurance requirement for exports of technical data related to oil and gas exploration and production. These collections were approved by the Office of Management and Budget under OMB control numbers 0625-0001 and 0625-0140.

List of Subjects

15 CFR Part 378

Computer technology, Exports, Reporting and recordkeeping requirements, Science and technology, Union of Soviet Socialist Republics.

15 CFR Part 385

Communist countries, Exports, Union of Soviet Socialist Republics.

15 CFR Part 399

Exports, Reporting and recordkeeping requirements, Union of Soviet Socialist Republics.

Accordingly, Parts 379, 385, and 399 of the Export Administration Regulations (15 CFR Parts 368 through 398) are amended as follows:

1. The authority citation for Parts 379, 385, and 399 continues to read as follows:

Authority: Pub. L. 96-72, §3 Stat. 603, 50 U.S.C. App. 2401 *et seq.*, as amended by Pub. L. 97-145 of December 29, 1981; and by Pub. L. 99-64 of July 12, 1985; E.O. 12523 of July 12, 1986 (50 FR 28757, July 16, 1985); Pub. L. 95-223, 50 U.S.C. 1701 *et seq.*; E.O. 12532 of September 9, 1985 (50 FR 36861, September 10, 1985); as affected by notice of September 4, 1986 (51 FR 31925, September 8, 1986); Pub. L. 99-440 (October 2, 1986); E.O. 12571, October 27, 1986 (51 FR 39506, October 29, 1986).

PART 379—[AMENDED]

2. In § 379.4, the introductory text of paragraph (f)(1) is revised to read as follows and paragraph (f)(3)(i)(ii)(B) is removed and reserved.

§ 379.4 General License CTDR: Technical Data Under Restriction.

(f) *Written assurance requirements—*
 (1) *Requirement of written assurance for certain data, services, and materials.* No export of technical data of the kind described in paragraphs (f)(1)(i)(A) through (Q) (not (R)) of this section may be made under the provisions of this General License CTDR until the exporter has received written assurance from the importer that neither the technical data nor the direct product¹⁹

¹⁹ The term "direct product," as used in this sentence and in this context only, is defined in

Continued

36702 Federal Register / Vol. 51, No. 199 / Wednesday, October 15, 1986 / Proposed Rules

numerous policies that are embodied in precedent decisions, Operations Instructions, and other policy issuances.

Dated: October 7, 1986.

Harriet B. Maple,
(Acting) Associate Commissioner,
Examinations, Immigration and
Naturalization Service.
[FR Doc. 86-23003 Filed 10-14-86; 8:45 am]
BILLING CODE 4110-10

DEPARTMENT OF COMMERCE
International Trade Administration
15 CFR Ch. III
(Docket No. 60984-6184)

Request for Comments on Effects of Foreign Policy Based Export Controls

AGENCY: Export Administration, International Trade Administration, Commerce.

ACTION: Notice of request for comments on foreign policy-based export controls.

SUMMARY: The Office of Technology and Policy Analysis (OTPA), Export Administration, is reviewing the foreign policy-based export controls in the Export Administration Regulations (15 CFR Parts 366 through 399) to determine whether they should be modified, rescinded or extended. To help OTPA make this determination, OTPA is seeking comments on how existing foreign policy-based controls have affected exporters and the general public.

DATE: Comments must be received by December 15, 1986 to assure full consideration in the formulation of export control policies.

ADDRESS: Written comments (six copies) should be sent to Joan Maguire, Regulations Branch (Room 1622), Export Administration, U.S. Department of Commerce, P.O. Box 273, Washington, DC 20044

FOR FURTHER INFORMATION CONTACT: Joan Sitnik, Country Policy Branch, Strategic Planning and Policy Division, Office of Technology and Policy Analysis, Export Administration, Telephone: (202) 377-4830

SUPPLEMENTARY INFORMATION: Generally, the foreign policy controls maintained by Export Administration relate to the following: Human rights, South Africa and Namibia, Libya, anti-terrorism, chemical warfare, regional stability, embargoed communist countries, oil and gas equipment for the Soviet Union and Afghanistan, and truck manufacturing equipment for the Soviet Kama River and ZIL truck plants.

The licensing policies for these control programs are defined in Parts 376 and 385 of the Export Administration Regulations.

Some of these controls are mandated by statute, while some have been imposed administratively.

Subsequent to the most recent extension of controls on January 21, 1986, two additions to the foreign policy controls were made. On June 3, 1986, existing foreign policy-based controls on light helicopters (10,000 lbs. or less empty weight) to Cuba, Iran, and Libya were expanded to include PDR Yemen and Syria. Also on June 5, 1986, Syria became subject to existing controls on chemicals to Iran and Iraq.

Effective July 13, 1986, the Department of Commerce, in consultation with the Department of State, extended foreign policy controls on exports to South Africa and Namibia pursuant to section 6 of the Export Administration Act of 1979, as amended. This action extended controls that had been made effective upon enactment of the Export Administration Amendments Act of 1985.

To assure maximum public participation in the review process, comments on the extension or revision of the existing foreign policy controls are solicited. The Department is particularly interested in the experience of individual exporters in complying with these controls, with emphasis on economic impact and specific instances of business lost to foreign competitors.

Parties submitting comments are asked to be as specific as possible. Respondents, however, are reminded that the Department is soliciting only information that can be used publicly. Confidential business information will not be accepted. Any information so designated will be returned to the commenter.

All comments received before the close of the comment period will be considered by the Department in developing the report to Congress. The Department considers the following criteria in determining whether to continue or revise U.S. foreign policy export controls:

1. The probability that such controls will achieve the intended foreign policy purpose, in light of the availability from other countries of the goods or technology proposed for such controls, and that the foreign policy purpose cannot be achieved through negotiations or other alternative means;

2. The compatibility of the proposed controls with the foreign policy objectives of the United States and with overall United States policy toward the

country to which exports are to be subject to the proposed controls.

3. The likelihood that the reaction of other countries to the extension of such export controls by the United States will not render the controls ineffective in achieving the intended foreign policy purpose or be counterproductive to United States foreign policy interests;

4. The effect of the proposed controls on the export performance of the United States, the competitive position of the United States in the international economy, the international reputation of the United States as a supplier of goods and technology, or on the economic well-being of individual United States companies and their employees and communities does not exceed the benefit to United States foreign policy objectives;

5. The ability of the United States to enforce the proposed controls effectively; and

6. The foreign policy consequences of not extending the export controls.

All comments will become a matter of public record and will be available for public inspection and copying. In the interest of accuracy and completeness, comments in written form are required. If oral comments are received, they must be followed by written memoranda that will be a matter of public record and will be available for public review and copying. Communications from agencies of the United States Government or foreign governments will not routinely be made available for public inspection.

The public record concerning these comments will be maintained in the International Trade Administration Freedom of Information Records Inspection Facility, Room 4104, U.S. Department of Commerce, 14th Street and Pennsylvania Avenue, NW., Washington, DC 20230. Records in this facility, including written public comments and memoranda summarizing the substance of oral communications, may be inspected and copied in accordance with regulations published in Part 4 of Title 15 of the Code of Federal Regulations. Information about the inspection and copying of records at this facility may be obtained from Patricia Mann, International Trade Administration Freedom of Information Officer, at the above address or by calling (202) 377-3031.

List of Subjects in 15 CFR Ch. III

Administrative practice and procedure. Advisory committees. Boycotts. Communist countries. Computer technology. Exports, imports. Law enforcement. Marketing quotas. Nuclear energy. Penalties. Reporting and

Приложение 23. Public Law 115–44—Aug. 2, 2017 (фрагмент)

PUBLIC LAW 115–44—AUG. 2, 2017

COUNTERING AMERICA'S ADVERSARIES
THROUGH SANCTIONS ACT

Продолжение приложения 23

131 STAT. 886

PUBLIC LAW 115-44—AUG. 2, 2017

Public Law 115-44
115th Congress

An Act

Aug. 2, 2017
[H.R. 3364]

To provide congressional review and to counter aggression by the Governments of Iran, the Russian Federation, and North Korea, and for other purposes.

Be it enacted by the Senate and House of Representatives of the United States of America in Congress assembled,

Countering
America's
Adversaries
Through
Sanctions Act.
22 USC 9401
note.

SECTION 1. SHORT TITLE; TABLE OF CONTENTS.

(a) **SHORT TITLE.**—This Act may be cited as the “Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act”.

(b) **TABLE OF CONTENTS.**—The table of contents for this Act is as follows:

Sec. 1. Short title; table of contents.

TITLE I—SANCTIONS WITH RESPECT TO IRAN

- Sec. 101. Short title.
- Sec. 102. Definitions.
- Sec. 103. Regional strategy for countering conventional and asymmetric Iranian threats in the Middle East and North Africa.
- Sec. 104. Imposition of additional sanctions in response to Iran’s ballistic missile program.
- Sec. 105. Imposition of terrorism-related sanctions with respect to the IRGC.
- Sec. 106. Imposition of additional sanctions with respect to persons responsible for human rights abuses.
- Sec. 107. Enforcement of arms embargos.
- Sec. 108. Review of applicability of sanctions relating to Iran’s support for terrorism and its ballistic missile program.
- Sec. 109. Report on coordination of sanctions between the United States and the European Union.
- Sec. 110. Report on United States citizens detained by Iran.
- Sec. 111. Exceptions for national security and humanitarian assistance; rule of construction.
- Sec. 112. Presidential waiver authority.

TITLE II—SANCTIONS WITH RESPECT TO THE RUSSIAN FEDERATION AND COMBATING TERRORISM AND ILLICIT FINANCING

- Sec. 201. Short title.
- Subtitle A—Sanctions and Other Measures With Respect to the Russian Federation
- Sec. 211. Findings.
- Sec. 212. Sense of Congress.

PART 1—CONGRESSIONAL REVIEW OF SANCTIONS IMPOSED WITH RESPECT TO THE RUSSIAN FEDERATION

- Sec. 215. Short title.
- Sec. 216. Congressional review of certain actions relating to sanctions imposed with respect to the Russian Federation.

PART 2—SANCTIONS WITH RESPECT TO THE RUSSIAN FEDERATION

- Sec. 221. Definitions.
- Sec. 222. Codification of sanctions relating to the Russian Federation.
- Sec. 223. Modification of implementation of Executive Order No. 13662.

Продолжение приложения 23

PUBLIC LAW 115-44—AUG. 2, 2017

131 STAT. 887

- Sec. 224. Imposition of sanctions with respect to activities of the Russian Federation undermining cybersecurity.
- Sec. 225. Imposition of sanctions relating to special Russian crude oil projects.
- Sec. 226. Imposition of sanctions with respect to Russian and other foreign financial institutions.
- Sec. 227. Mandatory imposition of sanctions with respect to significant corruption in the Russian Federation.
- Sec. 228. Mandatory imposition of sanctions with respect to certain transactions with foreign sanctions evaders and serious human rights abusers in the Russian Federation.
- Sec. 229. Notifications to Congress under Ukraine Freedom Support Act of 2014.
- Sec. 230. Standards for termination of certain sanctions with respect to the Russian Federation.
- Sec. 231. Imposition of sanctions with respect to persons engaging in transactions with the intelligence or defense sectors of the Government of the Russian Federation.
- Sec. 232. Sanctions with respect to the development of pipelines in the Russian Federation.
- Sec. 233. Sanctions with respect to investment in or facilitation of privatization of state-owned assets by the Russian Federation.
- Sec. 234. Sanctions with respect to the transfer of arms and related materiel to Syria.
- Sec. 235. Sanctions described.
- Sec. 236. Exceptions, waiver, and termination.
- Sec. 237. Exception relating to activities of the National Aeronautics and Space Administration.
- Sec. 238. Rule of construction.

PART 3—REPORTS

- Sec. 241. Report on oligarchs and parastatal entities of the Russian Federation.
- Sec. 242. Report on effects of expanding sanctions to include sovereign debt and derivative products.
- Sec. 243. Report on illicit finance relating to the Russian Federation.

Subtitle B—Countering Russian Influence in Europe and Eurasia

- Sec. 251. Findings.
- Sec. 252. Sense of Congress.
- Sec. 253. Statement of policy.
- Sec. 254. Coordinating aid and assistance across Europe and Eurasia.
- Sec. 255. Report on media organizations controlled and funded by the Government of the Russian Federation.
- Sec. 256. Report on Russian Federation influence on elections in Europe and Eurasia.
- Sec. 257. Ukrainian energy security.
- Sec. 258. Termination.
- Sec. 259. Appropriate congressional committees defined.

Subtitle C—Combating Terrorism and Illicit Financing

PART 1—NATIONAL STRATEGY FOR COMBATING TERRORIST AND OTHER ILLICIT FINANCING

- Sec. 261. Development of national strategy.
- Sec. 262. Contents of national strategy.

PART 2—ENHANCING ANTITERRORISM TOOLS OF THE DEPARTMENT OF THE TREASURY

- Sec. 271. Improving antiterror finance monitoring of funds transfers.
- Sec. 272. Sense of Congress on international cooperation regarding terrorist financing intelligence.
- Sec. 273. Examining the counter-terror financing role of the Department of the Treasury in embassies.
- Sec. 274. Inclusion of Secretary of the Treasury on the National Security Council.
- Sec. 275. Inclusion of all funds.

PART 3—DEFINITIONS

- Sec. 281. Definitions.

Subtitle D—Rule of Construction

- Sec. 291. Rule of construction.
- Sec. 292. Sense of Congress on the strategic importance of Article 5 of the North Atlantic Treaty.

the property of certain persons engaging in significant malicious cyber-enabled activities), and Executive Order No. 13757 (82 Fed. Reg. 1; relating to taking additional steps to address the national emergency with respect to significant malicious cyber-enabled activities), as in effect on the day before the date of the enactment of this Act, including with respect to all persons sanctioned under such Executive orders, shall remain in effect except as provided in subsection (b).

(b) **TERMINATION OF CERTAIN SANCTIONS.**—Subject to section 216, the President may terminate the application of sanctions described in subsection (a) that are imposed on a person in connection with activity conducted by the person if the President submits to the appropriate congressional committees a notice that—

(1) the person is not engaging in the activity that was the basis for the sanctions or has taken significant verifiable steps toward stopping the activity; and

(2) the President has received reliable assurances that the person will not knowingly engage in activity subject to sanctions described in subsection (a) in the future.

(c) **APPLICATION OF NEW CYBER SANCTIONS.**—The President may waive the initial application under subsection (a) of sanctions with respect to a person under Executive Order No. 13694 or 13757 only if the President submits to the appropriate congressional committees—

(1) a written determination that the waiver—

(A) is in the vital national security interests of the United States; or

(B) will further the enforcement of this title; and

(2) a certification that the Government of the Russian Federation has made significant efforts to reduce the number and intensity of cyber intrusions conducted by that Government.

(d) **APPLICATION OF NEW UKRAINE-RELATED SANCTIONS.**—The President may waive the initial application under subsection (a) of sanctions with respect to a person under Executive Order No. 13660, 13661, 13662, or 13685 only if the President submits to the appropriate congressional committees—

(1) a written determination that the waiver—

(A) is in the vital national security interests of the United States; or

(B) will further the enforcement of this title; and

(2) a certification that the Government of the Russian Federation is taking steps to implement the Minsk Agreement to address the ongoing conflict in eastern Ukraine, signed in Minsk, Belarus, on February 11, 2015, by the leaders of Ukraine, Russia, France, and Germany, the Minsk Protocol, which was agreed to on September 5, 2014, and any successor agreements that are agreed to by the Government of Ukraine.

SEC. 223. MODIFICATION OF IMPLEMENTATION OF EXECUTIVE ORDER NO. 13662. 22 USC 9523.

(a) **DETERMINATION THAT CERTAIN ENTITIES ARE SUBJECT TO SANCTIONS.**—The Secretary of the Treasury may determine that a person meets one or more of the criteria in section 1(a) of Executive Order No. 13662 if that person is a state-owned entity operating in the railway or metals and mining sector of the economy of the Russian Federation. Deadlines.

Окончание приложения 23

131 STAT. 908

PUBLIC LAW 115-44—AUG. 2, 2017

(b) **MODIFICATION OF DIRECTIVE 1 WITH RESPECT TO THE FINANCIAL SERVICES SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION ECONOMY.**—Not later than 60 days after the date of the enactment of this Act, the Secretary of the Treasury shall modify Directive 1 (as amended), dated September 12, 2014, issued by the Office of Foreign Assets Control under Executive Order No. 13662, or any successor directive (which shall be effective beginning on the date that is 60 days after the date of such modification), to ensure that the directive prohibits the conduct by United States persons or persons within the United States of all transactions in, provision of financing for, and other dealings in new debt of longer than 14 days maturity or new equity of persons determined to be subject to the directive, their property, or their interests in property.

(c) **MODIFICATION OF DIRECTIVE 2 WITH RESPECT TO THE ENERGY SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION ECONOMY.**—Not later than 60 days after the date of the enactment of this Act, the Secretary of the Treasury shall modify Directive 2 (as amended), dated September 12, 2014, issued by the Office of Foreign Assets Control under Executive Order No. 13662, or any successor directive (which shall be effective beginning on the date that is 60 days after the date of such modification), to ensure that the directive prohibits the conduct by United States persons or persons within the United States of all transactions in, provision of financing for, and other dealings in new debt of longer than 60 days maturity of persons determined to be subject to the directive, their property, or their interests in property.

(d) **MODIFICATION OF DIRECTIVE 4.**—Not later than 90 days after the date of the enactment of this Act, the Secretary of the Treasury shall modify Directive 4, dated September 12, 2014, issued by the Office of Foreign Assets Control under Executive Order No. 13662, or any successor directive (which shall be effective beginning on the date that is 90 days after the date of such modification), to ensure that the directive prohibits the provision, exportation, or reexportation, directly or indirectly, by United States persons or persons within the United States, of goods, services (except for financial services), or technology in support of exploration or production for new deepwater, Arctic offshore, or shale projects—

(1) that have the potential to produce oil; and

(2) that involve any person determined to be subject to the directive or the property or interests in property of such a person who has a controlling interest or a substantial non-controlling ownership interest in such a project defined as not less than a 33 percent interest.

President.
Determination.
22 USC 9524.

SEC. 224. IMPOSITION OF SANCTIONS WITH RESPECT TO ACTIVITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDERMINING CYBERSECURITY.

(a) **IN GENERAL.**—On and after the date that is 60 days after the date of the enactment of this Act, the President shall—

(1) impose the sanctions described in subsection (b) with respect to any person that the President determines—

(A) knowingly engages in significant activities undermining cybersecurity against any person, including a democratic institution, or government on behalf of the Government of the Russian Federation; or

Об авторах

Гривач
Алексей
Игоревич

Заместитель генерального
директора Фонда национальной
энергетической безопасности

Окончил отделение политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С 2000 года занимался деловой журналистикой: сначала в интернет-проекте Strana.ru, а затем — в ежедневной газете «Время новостей», где специализировался на освещении газового бизнеса и проблемах энергетической политики.

В 2011–2012 годах работал заместителем начальника отдела «Бизнес и финансы» в ежедневной газете «Московские новости». Неоднократно признавался лучшим журналистом, пишущим о газовой отрасли.

С 2012 года — заместитель директора по реализации новых консалтинговых проектов в газовой сфере Фонда национальной энергетической безопасности.

СИМОНОВ Константин Васильевич

Основатель и генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности. Первый проректор и профессор Финансового университета

Окончил отделение политологии философского факультета, а также экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат политических наук. Магистр политических наук Манчестерского университета.

Занимается политической и экономической аналитикой более 25 лет, работая в различных исследовательских структурах. С 2003 по 2006 год являлся генеральным директором Центра политической конъюнктуры России. Летом 2006 года создал и возглавил новую организацию — Фонд национальной энергетической безопасности.

Параллельно занимается преподавательской деятельностью. В 2000–2014 годах преподавал на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. С 2012 года — заведующий кафедрой прикладной политологии Финансового университета. С апреля 2014 года — первый проректор Финансового университета по внешним коммуникациям.

Автор первого учебника на русском языке по политическому анализу, книг «Русская нефть», «Энергетическая сверхдержава», «Глобальная энергетическая война», «Нефтегазовый фактор в мировой геополитике», «Сжиженный природный газ — будущее мировой энергетики».

Неоднократно признавался Минэнерго России лучшим экспертом по вопросам нефтегазовой промышленности. Имеет благодарность Минэнерго России за заслуги в развитии ТЭК.

Активный участник международных форумов и конференций по вопросам развития международных рынков углеводородов. Имеет несколько сотен публикаций в отечественных и зарубежных печатных средствах массовой информации по проблемам развития нефтегазового комплекса России и мировой энергетики.

В 2009–2010 годах был ведущим авторской аналитической программы «Поздний разговор» на телеканале НТВ, в 2014–2015 годах — радиоколумнистом радиостанции «КоммерсантFM». С 2005 года — постоянный колумнист ведущей деловой российской газеты «Ведомости». С 2015 года — ведущий авторской передачи «В теме» на телеканале М24.

Фотоархив

1 июня 1968 года. Подписание первого газового контракта СССР со страной Западной Европы. За столом слева направо: заместитель гендиректора OMV Фридрих Фейштингер, генеральный директор OMV Людвиг Бауэр, министр внешней торговли СССР Николай Осипов, заместитель руководителя Всесоюзного объединения по экспорту и импорту нефти и нефтепродуктов («Союзнефтеэкспорт») Игорь Федоров, генеральный директор сталелитейной компании Voest Херберт Колер

Фото предоставлено OMV

1 сентября 1968 года. Первый советский газ пришел в Западную Европу. Австрийский Баумгартен. Слева направо: министр транспорта Австрии Вайс, генеральный директор OMV Людвиг Бауэр, министр газовой промышленности СССР Алексей Кортунов

«Железный занавес» между Западной Европой и граничащими с ними странами Варшавского договора в 60-70 годы на самом деле был не столь плотным. Жители Австрии и других западных государств относительно легко могли посещать в том числе ЧССР. Наличие таких коммуникаций сыграло крайне позитивную роль при подписании первого газового контракта между СССР и Австрией. Газ в Австрию шел из ЧССР, и это нормально воспринималось населением и Австрии, и Чехословакии. Эти страны не были «пугалом» в лице друг друга. Москва относилась к этому с подозрением. Считая, что поток западных туристов в страны Варшавского договора несет политические риски. Однако дело ограничивалось лишь карикатурами в советской прессе. В реальности пропускной режим не ужесточался. На фото — Карикатура в газете «Правда» от 2 сентября 1968 года.

В Чехословакию запросто приезжали под видом туристов офицеры боннского бундесвера из частей II армейского корпуса, дивизии которого дислоцированы непосредственно у границ ЧССР. Сейчас этим «туристам» путь закрыт. (Из газет).

Непредвиденная остановка туристского маршрута.

Рис. В. Фомичева.

Даже советская пресса не до конца понимала, насколько важными были первые подписанные с Германией газовые сделки. Первая сделка с Германией по схеме «га-трубы», подписанная 1 февраля 1970 года, удостоилась лишь небольшой заметки на 5 странице центральной советской газеты «Правда»

ФЕВРАЛЬ 1970 г. • № 34 (18812) ПРАВДА

МИР сегодня

зарубежная информация

И Г А Н Т

БОЛЬШОЙ ХИМИИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ Индиры Ганди

Впервые за рубежом

МИРНЫЕ КРЫЛЬЯ

ВОЛНА ЗАБАСТОВОК

Ольстер: НОВЫЕ ПРОВОКАЦИИ ПРАВЫХ ГРУППИРОВОК

Обсуждаются ближневосточные проблемы

ОСНОВА — ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА

Съезд ВП

П О Б

КОЛОМ КОММЕНТАТОР В ЗЕРКАЛ БЮДЖЕТ

ВЫСТУПЛЕНИЕ Индиры Ганди в парламенте Индии 11 февраля 1970 года. Она заявила, что индийское правительство не будет участвовать в гонимых в Северной Африке и в странах Ближнего Востока. Страна готова к переговорам с арабскими странами на равных условиях. Индия не будет поддерживать ни одну из сторон в конфликте между арабскими странами и Израилем.

Ольстер: НОВЫЕ ПРОВОКАЦИИ ПРАВЫХ ГРУППИРОВОК

В Ольстере вновь начались провокации со стороны правых группировок. В Ольстере «Британские добровольцы» вновь начали свои провокационные действия. Они начали сжигать здания и имущество левых группировок. В Ольстере вновь начались беспорядки. В Ольстере вновь начались столкновения между левыми и правыми группировками.

Обсуждаются ближневосточные проблемы

В Женеве вновь начались переговоры по ближневосточным проблемам. В Женеве вновь начались переговоры между представителями арабских стран и Израилем. В Женеве вновь начались переговоры по вопросу о создании палестины для арабов.

КОЛОМ КОММЕНТАТОР В ЗЕРКАЛ БЮДЖЕТ

В зеркале бюджета Колумбия вновь показала хорошие результаты. В зеркале бюджета Колумбия вновь показала хорошие результаты. В зеркале бюджета Колумбия вновь показала хорошие результаты.

И Г А Н Т

БОЛЬШОЙ ХИМИИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ Индиры Ганди

Впервые за рубежом

МИРНЫЕ КРЫЛЬЯ

ВОЛНА ЗАБАСТОВОК

Ольстер: НОВЫЕ ПРОВОКАЦИИ ПРАВЫХ ГРУППИРОВОК

Обсуждаются ближневосточные проблемы

ОСНОВА — ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА

Съезд ВП

П О Б

ОСНОВА — ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА

ЭССЕМ, 2 (ТАСС). Здесь подписаны соглашения между советскими внешнеэкономическими организациями «Союзнефтегазспорт», «Трансырвавтопорт» и «Внешторгбанк» с одной стороны, и западногерманскими фирмами «Рургаз», «Маннесса» и «Едойче байер» — с другой стороны, о поставке советского природного газа в ФРГ в запятой советской стороной и Западной Германии труб большого диаметра.

Съезд ВП

ДЕЛИ, 2. (Соб. в дн.). Вчера в Гунт (Прадеш) завершился должавшийся пять... съезд Всендийской профсоюзной (ВНИК) той съездею позитив лация его участию ся к трудящимся Ин и к рабочему классу «предпринять широк наступление на бюста 1970 год, говорится и должен стать возю родных масс против стов и реакционерою кономного уровня зашиту его дикт прав.

И Г А Н Т

БОЛЬШОЙ ХИМИИ

Впервые за рубежом

МИРНЫЕ КРЫЛЬЯ

ВОЛНА ЗАБАСТОВОК

Ольстер: НОВЫЕ ПРОВОКАЦИИ ПРАВЫХ ГРУППИРОВОК

Обсуждаются ближневосточные проблемы

ОСНОВА — ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА

Съезд ВП

П О Б

ОСНОВА — ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА

По этому соглашению Советский Союз поставит ФРГ в течение 20 лет свыше 52 млрд кубометров природного газа, а ФРГ поставит Советскому Союзу 1,2 млн тонн труб большого диаметра в другое оборудование для газовой промышленности в период 1970—1972 гг., а также предоставит кредит в размере 1,2 млрд марок для закупки этих труб и оборудования.

Съезд ВП

П О Б

Аксель Лебан возглавил московский офис Deutsche Bank AG в начале 1980 года. Он располагался на третьем этаже гостиницы «Метрополь» с окнами на памятник Карлу Марксу. На фото — май 2017 года, Аксель Лебан стоит на фоне окон своего бывшего офиса. Фото Симонова К

Соединенные Штаты еще в 80 годы активно продвигали тезис о том, что газопроводы являются не экономическим проектом, а «энергетическим оружием» Кремля. Потом эту идею мы услышим еще не раз. Советская пресса иронизировала над этим постулатом - карикатура из журнала Крокодил» за январь 1982 года. Но гораздо важнее, что сами европейцы понимали экономическую необходимость покупки советского газа

13 ноября 1982 года Рейган объявил об отмене введенных им санкций против СССР. Советская печать тут же ответила едкими победными карикатурами. Обложка советского журнала «Крокодил» за ноябрь 1982 года

Фотография 1982 года, на которой запечатлены советские газовики, пишущие краской на фрагменте трубопровода «Вашим санкциям труба, г-н Рейган!», стала одной из наиболее известных в истории советской газовой индустрии.

Подписание кредитного договора в Москве

Фото из личного архива А. Лебана

Авторы с Бергманном

Авторы с Зайцевым

Симонов и Шмаль

Алексей Гривач
Константин Симонов

ВЕЛИКАЯ ГАЗОВАЯ ИГРА

Полвека борьбы США против Европы

Издатель *Микаэл Горский*
Литературный редактор *Михаил Богуславский*
Корректор *Арина Родионова*
Дизайн книги *Федор Кондраков*
Верстка *Артаг Саргсян*

Подписано в печать 24.07.2019.
Формат 165х240 мм. Печать офсетная.

Издательская группа «Точка»

Напечатано в России

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

**Гривач
Алексей**

Аналитик в области газового бизнеса и энергетической политики. С 2012 года - заместитель директора по реализации новых консалтинговых проектов в газовой сфере Фонда национальной энергетической безопасности.

**Симонов
Константин**

Занимается политической и экономической аналитикой более 25 лет, работая в различных исследовательских структурах. Автор учебника по политическому анализу, многих книг по международной и российской экономике нефтегазовой индустрии. Неоднократно признавался Минэнерго РФ лучшим экспертом по вопросам нефтегазовой промышленности, получил благодарность Минэнерго за заслуги в развитии ТЭК. Основатель и генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности.

Основное внимание в книге уделено газопроводу «Уренгой–Помары–Ужгород». Точнее, механизм принятия решений, проектированию и закупкам оборудования, которые происходили в Западной Европе в рамках открытого тендера, объявленного Советским Союзом. Тому, как разворачивалась политическая и санкционная борьба США с проектом, и как совместное с европейцами стремление СССР их обойти завершилось в итоге крахом политики эмбарго. Тогда политика кнута, а точнее, «санкционной дубины», провалилась. Есть у нее все шансы потерпеть поражение и теперь – если Россия и ее европейские партнеры возьмут на вооружение мудрость и прозорливость политиков и бизнесменов прошлого, сумевших в сложнейших условиях холодной войны, в атмосфере недоверия, глубинных различий в менталитете и идеологии найти общий язык. Тех, кто, выдержав многие месяцы высочайшего психологического напряжения, порою ценой собственного здоровья и даже жизни заключил большую газовую сделку, ставшую прочным и надежным мостом между Россией и Европой.

ISBN 978-5-6041396-9-1

9 785604 139691

ТОЧКА